

ISSN 1857-2685

Русь

№ 1 (31), 2013

ОБЩЕСТВЕННАЯ ассоциация
«Русь»

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первонерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

международный исторический журнал

Русь

2013, № 1 (31)

Кишинев

Общественная ассоциация

«Русь»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русьны

ОСНОВАН В 2005 Г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Редакционная коллегия:

доктор истории С. Суляк (Молдавия),

главный редактор

М. Алмаший (Украина)

доктор исторических наук М. Губогло (Россия)

доктор исторических наук А. Майоров (Россия)

кандидат исторических наук В. Меркулов (Россия)

кандидат филологических наук В. Падяк (Украина)

доктор философии А. Плишкова (Словакия)

кандидат филологических наук Д. Поп (Украина)

доктор лингвистических наук профессор Ю. Рамач (Сербия)

доктор хабилитат истории Н. Руссев (Молдавия)

М. Силадий (Сербия)

кандидат исторических наук В. Содоль (Молдавия, Приднестровье),

доктор истории Н. Тельнов (Молдавия)

протоиерей о. Николай Флоринский (Молдавия)

Р. Шапка (Канада)

доктор истории П. Шорников (Молдавия)

доктор лингвистики Михайло Фейса (Сербия)

Адрес редакции: Республика Молдова, MD 2001, г. Кишинев, ул. М. Когэлничану, 24, кв. 1 А. Республиканская общественная ассоциация «Русь».

Тел.: (+373 22) 28-75-59, факс: 27-15-15. E-mail: journalrusyn@rambler.ru

Editor's address: Association «Rus'». M. Kogalniceanu Street, 24, ap. 1A, Kishinev, MD 2001, Moldova.

Tel.: (+373 22) 28-75-59, fax 27-15-15. E-mail: journalrusyn@rambler.ru

© Общественная ассоциация «Русь», 2005-2013

© Association «Rus'», 2005-2013

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

Страница редактора	5
Editor's Page	

ИСТОРИЯ РУСИНОВ / HISTORY OF THE RUSINS

Леонтий ВОЙТОВИЧ

Рюрик и происхождение династии Рюриковичей: новые дополнения к старым спорам	6-41
--	------

Leontiy VOITOVYCH

Rurik and the origins of the Rurikid dynasty: new insights to old discussion	
--	--

Всеволод МЕРКУЛОВ

Начало Руси по германским источникам (К уточнению научной проблематики)	42-52
---	-------

Vsevolod MERKULOV

The Beginning of Rus' according to Germanic Sources (for scholarly problematic clarification)	
---	--

Александр МАЙОРОВ

Даниил Галицкий и «принц Тартар» накануне нашествия Батыя на Южную Русь	53-77
---	-------

Alexander MAIOROV

Daniel of Galicia and the «Prince of Tartar» before the invasion of Batu in South Russia	
--	--

Игорь БАРИНОВ, Иван СТРЕЛКОВ

Западная граница в украинском и русском представлении: между пропагандой и политикой (1914-1919 гг.)	78-94
--	-------

Igor BARINOV, Ivan STRELKOV

The western frontier in Ukrainian and Russian views: between propaganda and politics (1914-1919)	
--	--

Сергей СУЛЯК

Полиэтническая Молдавия (по данным топонимики и антропонимики)	95-105
--	--------

Sergey SULYAK

Multiethnic Moldavia (according to toponymic and anthroponymic information)	
---	--

Максим ЖИХ

Валентин Васильевич Седов. Страницы жизни и творчества славянского подвижника. Часть II. Проблема славянского этногенеза в работах В.В. Седова 106-135

Maksim ZHIKH

Valentin Vasilyevich Sedov. The Life and Works of a Slavic Toiler. Part II. The Problem of Slavic Ethnogenesis in the Works of V.V. Sedov

ПРАВОСЛАВИЕ В КАРПАТО-ДНЕСТРОВСКИХ ЗЕМЛЯХ / ORTHODOXY IN THE CARPATHIAN-DNIESTER LANDS

Владимир ВАСИЛИК

Эсхатологические представления в Галицко-Волынской летописи 136-148

Vladimir VASILIK

Eschatological References in the Galician-Volynian Chronicle

Александр КОЖОЛЯНКО

Проникновение католицизма на Буковину и его влияние на семейно-календарную обрядность буковинцев 149-159

Aleksandr KOJOLIANKO

Penetration of Catholicism in Bukovina and its effect on family-calendar rites of the population of Bukovina

РУСИНСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ / RUSIN BIBLIOGRAPHY

Виталий АНАНЬЕВ

Новое исследование по истории отношений Руси с Византией и Западной Европой 160-167

Vitaliy ANANYEV

New Research about the History of the Relations between Rus' and Byzantium and Western Europe

References Transliterated from Cyrillic into Latin Alphabet .. 168-187

Сведения об авторах 188-189

Information about the Authors

Summary 190-191

Уважаемые члены редколлегии, авторы и читатели!

С 2005 г. мы выпускаем международный исторический журнал «Русин». В настоящее время вышел 31-й номер. Наше издание - единственный в мире научный журнал по истории Карпато-Днестровских земель и его коренного населения - русинов (руснаков).

Журнал входит в подписной каталог «Почты Молдовы». Он высылается в крупнейшие библиотеки, научные институты и ведущие университеты России (в том числе и по адресам, указанным для рассылки автореферата диссертации), Молдавии, Украины, ряд крупных библиотек и университетов дальнего зарубежья.

Электронные версии журнала в pdf-формате выложены на нашем сайте «Русины Молдавии» (www.rusyn.md) и других сайтах в свободном доступе.

Номера журнала также размещены в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU (российский индекс научного цитирования).

С 2011 г. «Русин» включен в международную систему цитирования (библиографическую базу) Scopus как ведущее научное русскоязычное издание и один из немногих гуманитарных журналов СНГ, попавших в эту базу. Согласно положению Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации, это является достаточным условием для включения в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук. С 2013 г. журнал «Русин» входит в данный перечень.

Вышеперечисленное заставляет нас несколько изменить правила публикации в журнале. Их новая редакция выйдет в следующем номере журнала. Помимо соблюдения требований к оформлению статей, вводится двойное рецензирование (внешнее и внутреннее). Внешнее рецензирование научных материалов обеспечивается автором предоставленного материала.

Кроме прежних рубрик («История русинов», «Знаменитые русины», «Языкознание», «Архив», «Русинская библиография», «Классики и современники о русинах», «Публицистика», «Сведения об авторах»), вводятся новые («Православие в Карпато-Днестровских землях», «Российские самодержцы и Карпато-Днестровские земли», «Этнография русинов»).

В журнале по-прежнему будут выходить материалы международных научно-практических конференций и заседаний «круглых столов», проводимых «Русином» и Общественной ассоциацией «Русь». В этом году мы запланировали провести две конференции: **«Полиэтническая Молдавия (Чтения памяти И.А. Анцупова)»** (организовывались нами в 2006 и 2007 гг., ориентировочная дата проведения 18-19 октября 2013 г.) и **«Православие в Карпато-Днестровских землях (К 200-летию Кишиневской епархии и 100-летию Мармарош-Сиготского процесса)»** (ориентировочная дата проведения 15-16 ноября 2013 г.).

Хочу поблагодарить членов редколлегии и постоянных авторов журнала, без вклада которых невозможно было бы достичь таких значимых результатов.

Сергей Суляк.

Леонтий ВОЙТОВИЧ

РЮРИК И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДИНАСТИИ РЮРИКОВИЧЕЙ: НОВЫЕ ДОПОЛНЕНИЯ К СТАРЫМ СПОРАМ

Заморские гости

Леонтию Войтовичу

Куда ни устремляешь очи –
Ни огонька по берегам.
Лишь кровенеют тут и там
Сорочьи ягоды да волчьи.

Клубится варево ночей
То серое, то смоляное,
И солнце вязкое, стальное –
Тусклей, чем даже блеск мечей.

Тебе давно за пятьдесят,
На почве датской в Дорестаде
Ты, что твой Гамлет, был нехстати.
Не спятил?... Сам и виноват.

Сойди на берег. Оглянись.
Здесь крепостцу на славу срубишь,
Аборигенку приголубишь
И сына сделаешь надысь.

Доспела ягода крушина –
И жжёт язык, и вяжет рот.
И остается наперед
Испить из фризского кувшина.
А.Ю.Чернов, 27.07.2008.

Дискуссия о происхождении династии Рюриковичей продолжается уже три столетия¹, переживая вспышки и обострения споров, каждый раз дополняющих аргументацию новыми версиями и источниками для их подтверждения. Вернуться к этой проблеме меня заставила новая работа Евгения Пчелова, посвященная князю Рюрику². В це-

лом верно раскрыв суть дискуссии и основные аргументы сторон, известный российский историк-генеалог, прекрасный знаток материала, чуждый пиитету перед антинорманизмом, снова входящим в моду, ограничился константацией скандинавского происхождения династии. Кажется, однако, что для решения проблемы еще недостаточно использованы материалы древнейших саг, в частности «саг о давних временах». «Саги о давних временах северных стран» содержат информацию о событиях, имевших место до 875 г. (то есть до исландской колонизации). Датский хронист Саксон Грамматик (ок. 1140 - ок. 1216) стал их обрабатывать с 1201 г. для своего огромного свода «Gesta Danorum»³, но начали их записывать только около 1250 г.⁴, а сохранившиеся древнейшие рукописи относятся к XV в. Тем не менее, именно эти саги сохранили едва ли не больше всего интересной информации из древнейших периодов, требующей тщательной проверки и очищения от более поздних пластов⁵. Однако эти саги менее всего исследованы и недоступны в славянских переводах, а отдельные из них - и в английском, и в немецком переводах. Проверка и согласование информации этих саг на фоне ранней истории скандинавских земель, похоже, позволят более уверенно определиться в решении сложнейшей, но актуальной проблемы происхождения династии Рюриковичей.

Начало. Кажется, что сомнений не было только у создателей Начальной летописи. В «Повести временных лет» (ПВЛ) под 862 г. говорится: «И изгнаша Варагы за море. и не даша имъ дани. и почаша сами в собѣ володѣти. и не бѣ в нихъ правды. и вѣста родъ на ро(д). и бышы оусобицѣ в ни. и воевати сами на сѧ почаша. и ркоша поищемъ сами в собѣ княза. иже бы володѣль нами и радиль. по раду по праву. идоша за море к Вараго. к Руси. сѣче бо звахуть. ты Варгы Русь. ѧко се друзии зовутсѧ Свее. друзии же Оурмани. Аньглане. инѣи и Готе. тако и си ркоша. Русь. Чюдь. Словенѣ. Кривичи. и всѧ земля наша велика. и вбилна. а нарада въ неи нѣтъ. да поидете княжи и володѣть нами. и избѣрашасѧ триє брата. с роды своими. и поѧша по собѣ всю Русь. и придоша къ Словѣномъ пѣрвѣе. и срубиша горо(д) Ладогу. и сѣде старѣишии в Ладозѣ Рюрикъ. а другии Синеоусъ на Бѣлѣмъзерѣ. а третѣи Труворъ въ Изборьсцѣ. и в тѣхъ Вараг прозвасѧ Русскаѧ земля. по дѣвою же лѣту оумре Синеоусъ. и брат его Труворъ. и приѧ Рюрик власть всю вдинѣ. и пришеде къ Ильмерю. и сруби горо(д) надъ Волхово. и прозваша и Новѣгоро(д)»⁶. Исследователи древнейших летописей пришли к выводу, что в этом тексте фрагмент *«к Руси. сѣче бо звахуть. ты Варгы Русь. ѧко се друзии зовутсѧ Свее. друзии же Оурмани. Аньглане. инѣи и Готе. тако и си*

ркоша. Русь. Чюдь. Словень. Кривичи» является более поздней вставкой⁷, не меняющей самой сущности информации. Согласно ПВЛ, в 862 г., после того, как, изгнав варягов-русь, местная верхушка зашла в тупик в борьбе за власть, в Ладогу, Белоозеро и Изборск были приглашены трое братьев из другой группы варягов-руси, старший из которых, Рюрик, с 864 г. стал править сам. Начальная летопись прямо сообщает о норманнском (скандинавском) происхождении правящей династии на Руси и связывает происхождение названия Русь с варягами-норманнами.

Имя Рюрик (Рорик) (староскандинавское Hrorekr–Hrerekr, старосведское Rorik–Rjurik; Hrorekr от *hrodr* – победа и *rikr* – могущественный, славный, буквально: непобедимый могущественный воин, правитель) засвидетельствовано не только традицией, но и многочисленными памятниками, в т. ч. руническими надписями (Rorik, Rurik, Rerik, Horikh, Berik, Gottrik). Это имя было достаточно распространенным: его носили сын датского конунга Гротгара (473–525) из «Беовульфа»⁸, датский конунг VII в., дед знаменитого Гамлета, чью трагическую историю рассказал Саксон Грамматик, работу которого впоследствии использовал Уильям Шекспир, норвежский конунг, ослепленный св. Олафом, и другие известные из источников личности. До сих пор имя *Rurik* распространено в Швеции, Финляндии, Дании и Исландии.

Когда-то в полемике с антинорманистами Арист Куник обратил внимание на то, что будет сложно сделать имя Рюрик славянским⁹. Умеренные советские антинорманисты были готовы с этим согласиться¹⁰. Современные антинорманисты в полемическом угаре пишут, что в Скандинавии имя Рюрик встречается реже, чем Ярослав – во Франции (!). Цепляясь за старую версию Степана Гедеонова (1816–1878) о происхождении Рюрика из славянского племени *ободричей* и считая имя Рюрик производным от *рарог* – *сокол*¹¹, они традиционно критикуют своих оппонентов за отсутствие патриотизма и уверенно твердят, что скандинавское происхождение династии Рюриковичей придумали Василий Татищев (1686–1750) и Готлиб Зигфрид Байер (1694–1738)¹². Хватает и оригинальных версий в том же патриотическом духе, вроде версии о происхождении термина *варяг* от *варить* (в значении *охранник*)¹³ или *варяги* – *солевары* из Руси (Старой Руссы)¹⁴ и т. д. И постоянно звучат призывы к завершению дискуссии, продолжение которой якобы лишено смысла, то есть происхождение династии Рюриковичей и роль викингов в ранней истории Руси дальше исследовать не стоит. Патриоты уверены в особом автохтонном развитии славян-русов без какого-либо внешнего влияния. Все это похоже на скрытую капитуляцию антинорманистов, использующих последний из своих рычагов административного влияния, дающий определен-

ные шансы на успех, учитывая сложность подобных исследований, связанных в первую очередь с необходимостью ознакомления с огромным массивом научных трудов, написанных на разных языках, и отслеживания результатов археологических исследований, проводящихся в различных странах и регионах.

Ободрицкая (мекленбургская) версия. Современные антиноманисты используют в основном старые версии Ю. Венелина (Гуцы) (1802–1839)¹⁵, Д. Иловайского (1832–1920)¹⁶, уже упоминавшегося С. Гедеонова¹⁷, В. Вилинбахова (1924–1982)¹⁸ и А. Кузьмина (1928–2004)¹⁹ в немного обновленной оправе²⁰.

Одним из основных аргументов остается известная ода на свадьбу мекленбургского герцога Карла Леопольда с Екатериной Ивановной, дочерью Ивана V, племянницей Петра I²¹. Мекленбургские историки Бернард Латом (начало XVII ст.), Иоганн-Фридрих Хемниц (XVII ст.), Фридрих Томас (1717) и Магнус Иоганн фон Бер (1765–1825) создали или подправили старую мекленбургскую легенду. Согласно им, 28-й король вендов Венцлав (Witzan, Wilzan), живший вроде бы во времена Карла Великого, женился на дочери князя Руси и Литвы. От этого брака родился сын Готлейб (Godlaibum, Gutzloft), имевший трех сыновей с именами Rerich, Siwar и Truwar. Эту легенду повторили Карл Мармье (1840) и Фридрих Штадемулд (1848)²². Мекленбургских историков справедливо критиковали еще В. Татищев²³ и Г.З. Байер²⁴.

Это не помешало С. Гедеонову выдвинуть версию о происхождении Рюрика из племени поморских славян – ободричей. Имя Рюрик он считал производным от «рарог» – «сокол»²⁵. В качестве дополнительного аргумента ученый предложил свою интерпретацию «знака Рюриковичей» - трезубца - как изображения сокола-рерика («изображенная на Игоревоу гривне птица с поднятыми когтями может быть сокол-рерик»²⁶, но какое изображение имел в виду исследователь и какую «Игореву гривню», неизвестно). Версию С. Гедеонова сразу же раскритиковали Михаил Погодин²⁷ и Осип Первольф²⁸. Уже в последней четверти XX в. Гедеонова активно поддержал В. Вилинбахов, доказывая, что варяги – это балтийские славяне²⁹. О. Рапов, увидевший в трезубце летящего вниз сокола, высказал догадку, что эта птица могла быть родовым тотемом Рюрика, при этом указав, что она не была божеством ни у славян, ни у скандинавов³⁰.

Аргументы В. Вилинбахова и О. Рапова убедили многих солидных исследователей³¹, хотя нет ни одного лингвистического доказательства этой гипотезы. Для подтверждения «западного» происхождения ильменских славян тоже нет никаких убедительных археологических материалов. Трудно поверить, что ободрицкие поселенцы не оставили никаких следов на побережье, а сразу ушли далеко в глубь терри-

тории, заселенной финскими племенами, и победили их, что без массового притока из метрополии не было бы возможным. Что же касается языка новгородских берестяных грамот, в которых лингвисты находят его близость к языкам западных славян, то эта проблема лежит в совсем другой плоскости. Это проблема славянского этногенеза и происхождения *ильменских словен*, у которых вместе с *радимичами* и *вятичами* могло быть западное происхождение.

Версию ободрицкого происхождения Рюрика подхватили и приверженцы известной фальсификации - т. н. «Велесовой книги» - Сергей Лесной (1894–1967) и Стефан Ляшевский (1899–1986), доказывавшие, что Гостомysl был старшим сыном Годлава, погибшего в 844 г.³² Но проблема происхождения этой легенды, которая не подтверждается другими источниками и могла быть простым использованием известной версии происхождения династии Рюриковичей для привязки князей к своей стране³³, как и интерпретации трезубца³⁴, далека от своего решения. Недавно свою версию трезубца как изображения якоря, символа мученической смерти Папы Римского Климента, святого, особенно чтимого Западной и частью Восточной церкви, выдвинул львовский исследователь И. Мыцько³⁵. Эти же идеи развернули в своем исследовании О. Белов и Г. Шаповалов³⁶.

И хотя последние изыскания на Ладоге экспедиции А. Кирпичникова³⁷, особенно сделанная 20 июня 2008 г. вблизи строения 930 г. находка литейной формочки с соколом с поднятыми крыльями, позволяют довольно убедительно связать сокола с трезубцем, это не дает никаких оснований для поддержания «ободритской» версии. Как показал петербургский исследователь Андрей Чернов³⁸, это изображение имеет массу аналогий в скандинавских материалах, а также ладожских, гнездовских и даже монете датского конунга из области Данло – Олафа Гудредссона (Айлав Гутфритссон) (939–941), найденной в графстве Кент. Проблема трактовки этого изображения и его генезиса не менее сложная³⁹.

Никаких убедительных аргументов, которые могли бы конкурировать со скандинавской этимологией имени *Рюрик*, зафиксированного в источниках, включая древние рунические надписи, и свидетельствовать об аутентичности мекленбургской легенды и ободритском (славянском) происхождении Рюрика, нет.

Последняя «соломинка», за которую цепляются антинорманисты, – утверждение о фактическом отсутствии языковых заимствований по сравнению с Англией и вроде бы мизерная информация саг о пребывании викингов на Руси. Опровержение подобных «тезисов» не требует больших усилий.

В V – середине VI в. кельтское население Британии было покорено скандинавскими колонистами - племенами *ютов*, *саксов* и *англов*,

которые сначала создали пятнадцать своих «королевств», объединенных позже в семь: Кент (юты в 455 г.), Суссэкс (саксы в 477 г.), Уэссэкс (саксы в 491 г.), Эссэкс (саксы в 527 г.), Мерсия (англы и саксы в 585 г.), Восточная Англия (англы в 593 г.) и Нортумбрия (англы в 605 г.)⁴⁰. Эти королевства были объединены Уэссэксом в Англию в 827 г. А в 835 г. началось вторжение датских викингов, создавших в 856 г. в Восточной Англии целую область, преимущественно заселенную скандинавскими колонистами, – Денло («область датского права»), опираясь на которую, в начале XI в. подчинили всю Англию. Одновременно из Ирландии, Шотландии и северных островов сюда вторгались норвежские викинги. Их последнее вторжение было отбито в 1066 г. Необходимо учитывать, что язык датчан и норвежцев тогда едва различался и был очень близок к языку англо-саксов. Масштабы их переселения были огромными, о чем свидетельствуют источники и могильники. Поэтому и не приходится удивляться языковыми заимствованиями. В то же время в Нормандии и на Сицилии, где викинги создали свои государства и где язык местного населения сильно отличался от староскандинавского, также как и на Руси, таких заимствований практически не сохранилось. Нормандия стала в 911 г. герцогством викингов. Там, без притока новых колонистов и под влиянием более развитого общества, они практически полностью ассимилировались, сохранив только воинские навыки, развитые лучше, чем у французов. В 1066 г. в Англии высадились уже норманны, только под названием предков, от которых остались норманнское вооружение и некоторые традиции. Новые завоеватели принесли французские традиции и французский язык⁴¹.

Что касается саг, то здесь следует обратить внимание, что сохранились и были записаны те, что были сложены после возвращения их героев на родину. Если сравнивать число саг, где упоминаются походы и поездки в Гардарики (Русь), Альдейгуборг (Ладогу), Хольмгард (Новгород) или Бярмию (Карелу), с теми, где упоминаются походы и поездки на Сицилию или в земли франков, то первых окажется больше. И это при том, что викинги на протяжении почти трех столетий держали в страхе земли наследников Карла Великого.

«Саги о давних временах». Ряд скандинавских саг из цикла «саг о давних временах» («Пергамент с Плоского острова», «Сага о Хальвдане, сыне Эстейна», «Сага о Стурлауге Работящем», «Сага о Хрольве Пешеходе», «Сага о Тидреке Бернском»), а также «Песня о Хюндле» из «Старшей Эдды» и «Младшая Эдда» Снорри Стурлуссона⁴², рассказывающая о ранней истории Ладоги (земляное городище Ладоги возникло как городище викингов не позже 753 г., дата точно установлена по дендрохронологии мостиков, полученной Н. Черных и Е. Рябиным

в 1970–1980 гг.⁴³), рассматривают ее как центр одного из скандинавских королевств (в этот период таких «королевств» в скандинавских землях и на территориях, контролируемых викингами, было больше сотни). В этих источниках, похоже, отображена история Ладожского королевства конца VIII – середины IX в., в которой выделяются эпизоды борьбы шведских и датских викингов за владение им. Сначала в королевстве утвердились шведские викинги из Готланда, потом его захватили «морской конунг» Эйстейн и его сын Хальвдан. Последний не сумел его удержать, и туда вернулись наследники предыдущих правителей. Но потом королевство захватила другая группа шведских викингов. Этому последнему эпизоду посвящен целый цикл саг.

Сын Эйстейна Хальвдан Старый – далеко не единственный герой древних саг. Они рассказывают о многих конунгах с таким именем. Но никто другой не связан с Ладогой или другими восточными землями. Саги повествуют о шведском конунге – сыне Эрунда Хальвдане Старом (ок. 500–520), о конунге Хальвдане Храбром (ок. 650–690-е гг.), отце конунга Швеции, Дании и Восточной Англии Ивара Широкие Объятья, о норвежском конунге Хальвдане Белая Кость (ок. 750), о сыне Эйстейна Грима норвежском конунге Хальвдане Щедром на золото и Скупым на трапезу (790–800?), который был дедом конунга Хальвдана Черного (ок. 820 – ок. 860), отца первого конунга объединенной Норвегии Гаральда Харфарга (858–934).

Как было сказано выше, «Саги о древних временах северных стран» содержат рассказы о событиях, имевших место до 875 г. (то есть до исландской колонизации). Датский хронист Саксон Грамматик (ок. 1140 – ок. 1216) начал их обрабатывать с 1201 г. для своего громадного свода «*Gesta Danorum*»⁴⁴, но записывать их стали около 1250 г.⁴⁵, а древнейшие сохранившиеся рукописи с этими записями относятся к XV в. Тем не менее, именно эти саги сохранили много интересной информации о древнейших периодах, требующей тщательной проверки и освобождения от более поздних пластов⁴⁶. И именно они меньше всех исследованы и недоступны в славянских переводах.

Обратимся к этим сложным источникам.

«Пергамент с Плоского острова» (*Flateyjarbók*) – самый большой исландский манускрипт из 225 листов, составленный в 1387–1394 гг. двумя священниками с утраченных записей древних саг. Одна из них рассказывает, что конунг «Хальвдан Старый взял себе в жены Альфию, дочку Эдмунда, конунга из Хольмгарда (Новгорода. – Л.В.)»⁴⁷. Понятно, что о Новгороде в IX в. еще не было и речи, и в начальном тексте речь шла о Ладогe.

«Сага о Хальвдане, сыне Эйстейна» (*Hálfðanar saga Eysteinnssonar*)⁴⁸ окончательно сформировалась около 1350 г.⁴⁹, но ее создание, без

сомнений, намного древнее. Согласно этой саге, род Эйстейна происходил от самого Одина – главного из богов скандинавского пантеона. Но реалии гораздо скромнее: эта же сага повествует, что Эйстейн был сыном Транда, даже не конунга, а только хевдинга Нидароса (Тронхейма) в Норвегии. Женившись на Асе, дочери одного из «морских конунгов» Сигурда Оленя, он получил за ней две небольшие области в Норвегии: почти незаселенный Финмарк на севере и Хагаланд в Упланде. После смерти Асы он потерял эти «королевства» и занялся пиратством на Балтике. Однажды он напал на Альдейгюборг (*Ладогу. – Л.В.*), где «в то время правил... тот конунг, которого звали Хергейр, он был преклонного возраста. Исгерд звали его жену, она была дочерью конунга Хледвера из Гаутланда... У них была дочь по имени Ингигерд, она была прекрасней всех девушек и такого высокого роста, словно мужчина; она была одаренной во всех отношениях»⁵⁰. Эйстейн, воспользовавшись тем, что его войско было более многочисленным («у Хергейра войска было мало»), взял Альдейгюборг и стал там конунгом, женившись на вдове Хергейра. Но викинги Хергейра спустя некоторое время отомстили за смерть своего конунга, убив Эйстейна. После него конунгом избрали его сына Хальвдана, который, занявшись поисками убийц отца, воевал у Бьярмаланде (*Кореле. – Л.В.*) и только после пяти лет приключений на Восточном пути (*Austrvegr*) вернулся в Альдейгюборг⁵¹. Ингигерд⁵², дочь предыдущего ладожского конунга Хергейра, тем временем воспитывалась у Скули, ярла Алаборга. Вокруг локализации этого пункта продолжается дискуссия: где он был расположен - на Белоозере⁵³, в Приладожье⁵⁴, на Онежском озере⁵⁵ или вблизи Олонца на берегу Ладоги⁵⁶? Этот спор создает некоторые основания для определения гипотетической территории Ладожского «королевства». После смерти Эйстейна и отъезда Хальвдана Ингигерд с мужем возвратилась в Ладогу. Через пять лет сюда вернулся и Хальвдан, но не задержался, снова окунувшись в водоворот приключений, завершившихся его возвращением в материнские земли в Норвегии⁵⁷.

«Сага о Хальвдане, приемыше Брани» (*Hálfðanar saga Brönufóstra*), сохранившаяся в рукописях XV в., создана около 1300 г. Она рассказывает, что Хальвдан был сыном датского конунга Гринга, а Ингигерд была его сестрой. Они были спасены ярлом Торвидом после гибели их отца и отправлены в Бьярмаланд, где правил его брат Оттар. Когда Хальвдану исполнилось 12 лет, Оттар дал ему четыре корабля, с которыми и началась его одиссея, бросавшая его то к берегам легендарного Гелуланди (Лабрадор?), то к берегам Англии⁵⁸.

«Сага о Стурлауге Работящем» (*Sturlaugs saga starfsama*), окончательно оформившаяся на рубеже XIII–XIV вв.⁵⁹, рассказывает, что в Альдейгюборге правил старый конунг Ингвар, имевший дочь Ин-

гигерд (*«она была прекрасней всех женщин и очень мудрой»*), которая отказала Фрамару, шведскому викингу, прибывшему в Альдейгуборг с 60 драккарами. Тогда тот вернулся в Швецию, получил помощь от названного брата Стурлауга, который занял Альдейгуборг, поставил в нем конунгом Фрамара и выдал за него Ингигерд. И правил вначале Фрамар, *«советуясь с лучшими людьми в той стране»*⁶⁰.

«Сага о Хрольве Пешеходе» (*Gaungu–Hrólfs saga*)⁶¹ сообщает: *«Хреггвид звали конунга, он правил в Хольмгардарике (Новгороде на Руси. – Л.В.) ...дочь, которую звали Ингигерд; она была прекрасней и мягче всех женщин во всей Гардарике (Руси. – Л.В.)»*⁶².

Из «Саги о Тидреке Бернском» (*Tiðreks saga af Bern*), созданной около 1250 г. в Бергене на базе позднее потерянной немецкой баллады о Дитрихе Бернском⁶³, узнаем, что в Хольмгарде правил конунг Хертнит⁶⁴.

«Песня о Хюндле» из Старшей Эдды и, наконец, Младшая Эдда Снорри Стурлуссона (1178–1241) также содержат известия о Хальвдане Старом: *«Конунга звали Хальвдан Старый, он был славнейшим среди всех конунгов. Он был великим воином и далеко ходил на восток, там он убил на поединке того конунга, которого звали Сигтрюг, он вступил в брак с той женщиной, которую звали Альвиг Мудрая, дочь конунга из Хольмгарда (Новгорода. – Л.В.), у них было 18 сыновей»*⁶⁵.

Информацию, похожую на рассказы саг, содержит так называемая Иоакимовая летопись в пересказе Василия Татищева. Вокруг ее продолжается дискуссия⁶⁶. Можно согласиться с одним из первых исследователей этого памятника П. Лавровским (1827–1886), что невозможно доказать, что летопись действительно написана новгородским епископом Иоакимом Корсунянином и дошла до нас в изначальном виде, а считать ее информацию не более чем вероятной было бы несправедливо⁶⁷. И все же похоже, что отдельные части этого памятника хранят древнюю информацию. Еще Бьёрн Клейбер отметил, что один из источников, относящихся к кругу «саг о древних временах», мог стать основанием Иоакимовой летописи⁶⁸. Эту версию развил Глеб Лебедев, обратив внимание на то, что река Кумень, на которой был разбит князь Буригой (по сагам – конунг Хергейр, Хреггвид или Хертнит), – это река Куммене в Финляндии, а имя «Адвинда» присутствует в новгородском ономастиконе – одного из посадников звали Отвине⁶⁹.

Понятно, что во многих сагах рассказы переданы разными скальдами, сделавшими своих заказчиков главными героями. Кроме того, эти рассказы также отображают эпизоды борьбы за Ладогу различных групп шведских и датских викингов в разное время⁷⁰.

Рядом с Ладогой и ее окраинами формировалась Славия – союз пришлых словен, части кривичей и чуди (угро-финнских племен), на

этом этапе попавшая под влияние королевства викингов, связанного с международным транзитным путем от Каспийского моря через Волгу и ее бассейн к Балтийскому морю, проходившим в районе озера Ильмень и реки Волхов через земли, колонизованные *словенами*⁷¹. Все это способствовало расцвету Ладоги, выросшей из центра межплеменного обмена в город – полиэтнический торговый центр, и повышало заинтересованность в этом пункте не только различных групп шведских и датских викингов, но и бродячих «морских конунгов» из Норвегии.

Хальвдан Старый известен не только из древних саг. Этот представитель династии ютландских конунгов, родичей датских Скьёльдунгов, остается загадочной фигурой. Ютландские конунги происходили из «морских конунгов», прославившихся в первую очередь как знаменитые пираты. Саги приписывают создание королевства в Ютландии Сигурду Ринге (Кольцо), отцу знаменитого Рагнара Лодброка (Кожаные Штаны), и относят это событие к концу VIII в., причем в роли его союзников выступают правители Острогарда (Дании) и Кунигарда (Киева)⁷².

Ранняя генеалогия Скьёльдунгов и Инглингов очень сложна и противоречива⁷³. Считают, что Хальвдан Старый был младшим братом датского конунга Горма и сыном Гаральда Хильдитена (Боевой зуб)⁷⁴, а также был родичем Сигурда Ринге и его сына Рагнара Лодброка. Попробуем разобраться в этих родственных отношениях.

Кто действительно был отцом Хальвдана Старого? По сагам, как мы знаем, он был сыном Эйстейна, сына хевдинга Транда. Потеряв после смерти жены владения в Северной и Южной Норвегии, Эйстейн превратился в «морского конунга» и занялся пиратством на Балтике, грабя также и земли Бьярмии. Его брату Эйрику Путешественнику, тоже «морскому конунгу», саги приписывают открытие пути в Константинополь – в землю Одаинсак («Луга бессмертия»). Отдельная сага об Эйрике Путешественнике записана около 1300 г.⁷⁵

Имя Эйстейн характерно для VIII в. Согласно саге о Хальвдане, сыне Эйстейна (*Hálfðanar saga Eysteinsonar*), конунг Эйстейн с сыном Хальвданом на 30 драккарах вышли в Аустрвез (*Austrvegr* – Восточный путь, земли за Балтийским морем в глубине материка⁷⁶). Именно во время этого похода был взят Альдейгуборг (*Ладога* – Л.В.). Согласно этому же источнику, Искерд, жена ладожского конунга Хергейра, была дочерью Хледвера, конунга из Гаутланда (Готаланда) в Швеции. Именно шведские викинги из Готланда, по мнению исследователей, были основателями ранней Ладоги, имевшей наиболее интенсивные контакты со шведскими землями⁷⁷. После гибели Эйстейна Хальвдан передал Ладогу брату Искерд.

Захват Ладоги «морским конунгом» Эйстейном можно отнести к последней четверти VIII в. (ок. 780 г. или немного ранее). Этот храбрый пират поспешил закрепить свое положение браком со вдовой предыдущего конунга Хергейра. Это было вдвойне полезным - как для придания законности узурпации, так и для сохранения мира и поддержки Готланда. Но некоторые ладожские викинги шведского происхождения не согласились служить пришедшим норвежско-датским викингам Эйстейна, что привело его к гибели. Видимо, из-за этого и Хальвдан не остался в Ладоге, а передал ее шведскому принцу. Дочь погибшего ладожского конунга Ингигерд по смерти Эйстейна также поборолась за Ладогу и вернулась туда с мужем.

Первое датированное упоминание о Хальвдане относится к 782 г., когда он возглавил посольство датского конунга Сигифрида (Sigifridus) к королю франков Карлу Великому⁷⁸. В целом миссия была успешной, и через некоторое время Хальвдан утвердился в западной части Ютландии и даже претендовал на старший датский престол, выступая в 810 г. соперником конунга Готфреда, сына Горма.

Из этих ведомостей выходит, что Хальвдан должен был принадлежать к династии Скъёльдунгов либо был с ней связан близкими родственными связями. Отец Горма Гаральд Гильдетан был конунгом Ютландии. Исследователи начала XIX в. считали, что у конунга Гаральда было трое сыновей: Горм, Рюрик и Хальвдан⁷⁹. Гаральд Гильдетан, согласно «Песне Хюндле» из Старшей Эдды, был Скъёльдунгом, сыном датского короля Рюрика Метателя Колец и Ауд, дочери Ивара Широкие Объятья. Его сводным братом был Рандвер, отец Сигурда Ринга и дед Рагнара Лодброка. Этот Рандвер вроде бы был сыном конунга Гардарики (Руси) Радбарда (Radbardr – Рыжебородый). Не шла ли здесь речь еще об одном конунге Ладоги⁸⁰?

Был ли Хальвдан Старый братом датского конунга Горма⁸¹? А если был, то каким братом? Родным или двоюродным? Успешный «морской конунг» Эйстейн был сыном хевдинга, то есть не принадлежал к династии Инглингов или Скъёльдунгов. Если Эйстейн был отцом Хальвдана, то братом Горма Хальвдан мог быть только по матери, которая в таком случае должна быть сестрой Гаральда Гильдетана, отца конунга Горма.

Согласно сагам, Аса, жена Эйстейна и мать Хальвдана, была дочерью «морского конунга» Сигурда Херта (Оленя). Но Хальвдан в 782 г. уже возглавлял датское посольство, а известный сагам Сигурд Херт женился на Ауслаг, дочери Сигурда Змеиный Глаз, ставшей матерью Асы. Сигурд Змеиный Глаз был одним из сыновей Рагнара Лодброка, погибшего около 865 г. Таким образом, Хальвдан не мог быть сыном этой Асы и внуком Сигурда Херта. В окончательном ва-

рианте саги ее редакторы, видимо, сами запутались в родословной героев, что, учитывая наличие многих персонажей с одинаковыми или похожими именами, по прошествии длительного времени было совсем не трудно сделать.

Отцом Асы, вероятно, был конунг Сигифрид, поддержавший в 777 и 782 гг. вождя саксов Видукинда в борьбе с королем франков Карлом Великим и поставивший внука Хальвдана во главе своего посольства в 782 г. Этот конунг, похоже, был братом Гаральда Гильгетана⁸². Между 797 и 800 гг. после Сигифрида конунгом стал Гаральд Гильдетан. Горм и Рюрик (названный так в честь деда, что было традицией у скандинавов) были его сыновьями, а Хальвдан, наверное, племянником, сыном сестры и Эйстейна. В другом случае Хальвдан был родным братом Горма и Рюрика и младшим сыном Гаральда Гильдетана. Я больше склоняюсь к первому варианту.

Конунг Гаральд Боевой Зуб умер около 800 г. Горм стал старшим датским конунгом, унаследовав отцовский престол после Гаральда Гильдетана, а Рюрик получил от Карла Великого Рустрингию в Фрисландии⁸³, на которую претендовал и Хальвдан. После этого Горм, похоже, передал прежние владения Рюрика на ободрицкой границе своему старшему сыну Готфреду, а двоюродному брату Хальвдану – часть Ютландии, примыкавшей к Рустрингии (восточной части Фризии от залива Зайдерзе до границ Ютландии), что давало возможность датским конунгам контролировать побережье Северного моря на довольно большом пространстве. Наличие в Ладоге значительных фризских материалов и известия саг позволяют допустить, что Хальвдан предпринимал попытки вернуть ее себе. Возможно, это ему периодически удавалось. Эта борьба отображена также в рассказах о военных экспедициях, которые конунг Горм посылал на Готланд, в Бярмию и Герут.

Деятельность Готфрида, чьи владения граничили с имперскими и землями ободритов, показана в источниках значительно лучше, чем деятельность его отца Горма или дядей Рюрика и Хальвдана. Готфрид пытался проводить активную политику, используя выгодное расположение своего королевства и контролируя торговые потоки между имперскими, славянскими землями и королевствами викингов⁸⁴. Его беспокоило расширение империи франков, и он укреплял свои границы, поддерживая дипломатические отношения с Карлом Великим⁸⁵.

Наконец, в 808 г. он разрушил Рерик (вероятно, основанный в конце VIII в. его дядей Рюриком) и перевез оттуда торговцев и ремесленников в свою столицу Хедебю⁸⁶. Еще П. Шафарик связал Рерик с ободричами, допуская, что его название происходит от «рарога» – самого быстрого из соколиных, который мог быть их тотемом или

божеством⁸⁷. Однако уже Л. Нидерле обратил внимание на то, что Шафарик не учел информацию источника, где четко сказано: «*lingua danorum Reric dicebatur*» («*датским языком в Рерике разговаривали*»⁸⁸). То есть город был преимущественно с датским населением.

П. Шафарiku возражали многие авторы. Большинство из них отстаивали германскую этимологию названия поселения и его датский характер. Дискуссия на эту тему продолжается⁸⁹, а сам эмпорий Рерик не локализован до сих пор. Существующий ныне мекленбургский городок Рерик (на который ссылаются антинорманисты) получил свое название только в 1938 г., а с XIII в. он известен из источников как село Альт Гаарз (Alt Gaarz). Где находился Рерик, был ли он в земле ободричей как датская фактория или находился на датско-ободрицкой границе, а ободричи только пробовали его захватить – этот вопрос остается дискуссионным. Наиболее обоснованной выглядит локализация Рерика в Мекленбурге, в районе современного Висмара⁹⁰.

Название этого эмпория связано с Рюриком, младшим братом датского конунга Горма, который позже получил от Карла Великого владения у Фрисландии. Очевидно, до этого он имел владения на ободрицкой границе, перешедшие после его ухода в Фрисландию к Готфриду. Эмпорий Рерик, видимо, был основан примерно в начале последней четверти VIII в., когда датчане пытались захватить хотя бы часть территории ободричей⁹¹.

Эмпорий Рерик превратился в конкурента Хедебю, ставшего после его разгрома главным балтийским цетром, через который пошли потоки международной торговли в обход опасных североморских путей, контролировавшихся «морскими конунгами»⁹². И хотя само поселение не было уничтожено полностью, в 809 г. здесь был убит ободрицкий князь Дрожо⁹³, и оно уже не представляло угрозы для Хедебю. В новых условиях наступления франков, использовавших ободрицко-датские противоречия, Готфрид уже не видел возможности расширения территории за счет ободричей – стоял вопрос обороны собственно датских земель. Поэтому он окружил свою столицу мощными укреплениями и начал сооружение оборонной линии *Dannevirke*, тянувшейся от бухты Шпей, где находился Хедебю, до болот на западе полуострова, а другая часть укреплений, между бухтой Шпей и Эккер-фьордом, защищала полуостров Швансен. Остатки этих укреплений, основой которых был вал общей длиной около 30 км и высотой от 3,6 до 6 м, сохранились. Эта линия была завершена уже в XI в.⁹⁴

После смерти Горма в 810 г. Готфрид занял старший престол Дании в Лейдре, но слабое равновесие, которое поддерживал Горм, сразу было нарушено. Разгорелась борьба между Готфридом и его дядей

Рюриком, поддержанным Хальвданом. Рюрик погиб⁹⁵, а Фрисландия перешла к Хальвдану. Тогда Готфрид собрал ледунг в 200 драккаров и трижды вторгся во Фрисландию. Борьба закончилась его победой, Фрисландию обложили данью⁹⁶. Програвший Хальвдан, наверное, вернулся в норвежский Хагаланд или Вестфальд, где и умер, как сообщает «Сага об Инглингах».

Таким образом, Хальвдан Старий был Скьёльдунгом по матери. Он вел себя подобно отцу и другим «морским конунгам» - искал удачи, а после неудач укрывался во владениях деда Сигифрида. Получив, наконец, небольшое королевство, он попытался удержать свое верховенство над важными торговыми центрами в различных регионах (Ладогой, Южной Ютландией и какими-то землями в Южной Норвегии).

События, происходившие в Ладоге после 810 г., не нашли отражения в источниках. Саги рассказывают об удачном нападении на Ладогу около 852 г. (либо раньше), в котором приняли участие шведские викинги Фрамар, Стурлауг и сын Стурлауга Хрольв. На основании информации Жития св. Анскария (написанного гамбургско-бременским епископом Римбертом до 865 г.) А. Кирпичников связывает это событие с походом шведского конунга Анунда из Дании на Бирку в 852 г.⁹⁷ Изгнанный из Швеции Анунд нашел прибежище в Дании. Получив помощь от датских викингов, привлеченных богатой добычей, он присоединил к своим 11 драккарам еще 21 датский корабль и неожиданно появился возле Бирки. Тут ему стало жаль родного города, и он предложил узнать волю богов, бросив жребий, что было обычным для викингов в подобных моментах. Жребий направил их к другому городу *in finibus Sclavogum* (это тоже необходимо оставить как указание источника, буквально это означает *к славянам*: автор не знал названия города, но где-то там, по его убеждению, должны были находиться славяне), неожиданное нападение на который принесло им успех и богатую добычу⁹⁸.

Похоже, что после того как Хальвдан перенес центр своей деятельности в Ютландию, в Ладоге остались потомки Ингигерд, дочери Хергейра, и ее мужа Ульвкеля. Старый конунг Ингвар мог быть как раз их сыном. После его гибели Фрамар стал ладожским конунгом, женившись на его дочери Ингигерд (названной так в честь бабушки), и сначала правил, *«советуясь с лучшими людьми в той стране»*. К тому времени в Ладоге и ее округе уже сформировалось славяно-финское общество с вкраплением старой местной варяжской *руси* (потомков готландцев), лидером которого был Гостомysl. В результате восстания, организованного этой элитой в 860 или в 865 г., Фрамар потерял Ладогу. И местные вожди после этого вполне логично обра-

тились к Рюрику, сыну или внуку Хальвдана, чтобы с помощью датских (ютландских) викингов отбивать нападения шведских викингов⁹⁹. Кроме того, пришедшие из отдаленной Ютландии викинги больше нуждались в поддержке местной элиты и ее лидеров, тогда как соседние шведские конунги демонстрировали агрессивную политику в отношении юго-восточных соседей. Приблизительно в то же время Эйрик Эмундарссон, конунг Упсалы, подчинил себе южнобалтийские земли (ок. 850–860 гг.), а Олаф, конунг Бирки, овладел укрепленными пунктами куршей Себорг (*Гробини. – Л.В.*) и Ануоле¹⁰⁰.

Петербургский исследователь А. Чернов справедливо обратил внимание, что *русь*, призванная ладожанами (а среди них тоже была своя *русь* с преимущественно готландскими корнями), согласно ПВЛ, находилась на пути по Балтике и Атлантике в Средиземное море между готами и англянами (англами). То есть это как раз Фризия с ее Рюриковым Рустрингером. Призыв Рюрика в Ладогу оправдан и тем, что арабское серебро, накопленное в Ладоге в результате двойного товарообмена, через Данию шло в Европу, а после взятия шведами Ладоги этот поток развернулся на Швецию. Кого же тогда нужно было звать ладожанам для защиты морских путей, как не Рюрика с его флотом¹⁰¹?

Рюрик. Многие источники, в частности анналы Эйнхарда (741–829)¹⁰², Фульдские анналы (680–901)¹⁰³, Бертинские анналы (741–882) в частях епископа из Труа Пруденция (835–861) и реймского архиепископа Гинкмара (861–882)¹⁰⁴, Ксантенские анналы (640–874)¹⁰⁵, Норманнская хроника (820–911)¹⁰⁶, Житие св. Анскария, архиепископа Бременского и Гамбургского, первого миссионера в Швеции, написанное его учеником и следующим епископом Римбертом (831–865)¹⁰⁷, «История гамбургских епископов» Адама Бременского (ок. 1073–1075)¹⁰⁸, невзирая на определенные противоречия, достаточно надежно связывают Рюрика (Рйорика) с Хальвданом Старым.

Можно утверждать, что сыновьями Хальвдана были Ануло, Харальд Клак, Регинфрид и Хемминг. Ксантенские и Фульдские анналы под 850 г., а также Адам Бременский¹⁰⁹ и Роскильская хроника, составленная около 1140 г.¹¹⁰, называют Рюрика младшим братом Харальда Клака, другие источники – племянником.

Понятно, что мнения исследователей также расходятся. Криштоф де Кош считал Рюрика сыном Ануло¹¹¹, Елена Мельникова – сыном Хемминга¹¹², Арист Куник, Юхан Стенструп, Эрнст Дюммлер, Генрик Ловмянский – сыном одного из братьев и внуком Хальвдана Старого. Я больше склоняюсь к старой версии Фридриха Крузе, Вальтера Фогеля и Николая Беляева, считавших Рюрика младшим сыном Хальвдана

Старого¹¹³. В таком случае Рюрик должен был бы родиться не позже 810 г. Ф. Крузе полагал, что он родился около 817 г.¹¹⁴, но почти невероятно, чтобы Хальвдан Старый до этого периода оставался жив и не принимал участия в борьбе за датский престол, занимаемый его сыновьями. В таком случае Рюрик мог быть только внуком Хальвдана. В итоге приходится согласиться, что проблемы происхождения Рюрика и Хальвдана остаются дискуссионными и требуют дальнейших исследований: Рюрик был младшим сыном либо внуком Хальвдана, и оба они были связаны с датской династией Скьельдунгов.

Походы Готфрида вынудили императора Карла, считавшего Фрисландию частью империи, начать подготовку вторжения во владения датского конунга. Но в это время Готфрид пал жертвой заговора¹¹⁵.

Датским конунгом стал Хемминг, которого Саксон Анналист (+ после 1152) следом за Региноном Приюмским (ок. 840–915) считал племянником Готфрида¹¹⁶. Наверное, он был сыном Готрика, брата Готфрида. Хальвдан, возможно, еще был жив. В борьбу в 812 г. после смерти конунга Хемминга его сыновья вступили с другим племянником Готфрида – Зигфридом. Эта борьба закончилась жестокой битвой, в которой пали Зигфрид и Ануло, старший сын Хальвдана, а также, по явно преувеличенным данным хроник, 10 940 мужей с обеих сторон. Победа досталась сыновьям Хальвдана (сам он умер между 810 и 812 гг., ближе к первой дате), и королевский трон разделили Регинфрид с братом Харальдом Клаком¹¹⁷. Оба отправили посольство к императору Карлу с просьбой отпустить их брата Хемминга, возможного заложника при императорском дворе еще со времен Хальвдана¹¹⁸. Понятно, что Хемминг, сын Хальвдана, был дядей конунга Хемминга, племянника конунга Готфрида и брата конунга Зигфрида.

Сыновья Хальвдана продержались в Дании до 815 г., когда погиб Регенфрид. Гаральд Клак и Хемминг пытались удержать владения в Фрисландии и Ютландии. Хемминг погиб в 837 г.¹¹⁹ К этому времени он уже был христианином.

После неудачных попыток удержаться в Ютландии в 819–823 гг. Харальд Клак с женой, сыном Готфридом, племянником (или младшим братом?) и сторонниками прибыли в 826 г. в столицу империи франков Ингельгейм, где приняли христианство в присутствии императора Людовика Благочестивого. Император подтвердил Харальду Клаку владения графством Рустинген у Фрисландии. Н. Беляев допускал, что племянником или младшим братом, крестившимся в 826 г. вместе с Харальдом Клаком, был Рюрик¹²⁰. Роскильская хроника (*Chronicon Roskildense*) (ок. 1140 г.) это прямо утверждает¹²¹.

Харальд Клак умер в начале 840-х гг.¹²² После этого Рюрик потерял графство Рустинген в Фрисландии, поссорился с императором

Лотарем и стал «морским конунгом», то есть пиратом, нападая на фризские берега. Интересно, что после неудачного нападения в 845 г., закончившего вспышкой эпидемии, он приказал отпустить всех пленных христиан и заставил всю свою дружину поститься на протяжении 40 дней. Этот факт косвенно подтверждает, что он был христианином или симпатизировал христианам¹²³. Этот эпизод, зафиксированный Ксантенскими и Бертинскими анналами, послужил основанием для ошибочного предположения, будто бы Рюрик был королем ободричей в 846 г.¹²⁴

В 850 г. для нападения на Англию Рюрик собрал огромный флот в 350 драккаров. С ним он захватил Дорестада, крупный порт в Фрисландии, находившийся на о. Валхерен при впадении р. Шельды в дельту Рейна. В Дорестаде сходились торговые пути вдоль Рейна, берегов Британии, Северного и Балтийского морей. Фризские купцы доминировали на Балтике¹²⁵. Именно потому на этот город нападали «морские конунги»: в 834, 835 и 837 гг. викинги грабили Дорестада, а в 846 г. Рюрик сжег город почти на глазах императора Лотаря, находившегося в Нимвегене¹²⁶. Франкская империя не могла позволить себе потерять такой центр северной торговли.

Поэтому император Лотарь вернул Рюрику владения в Фрисландии в качестве имперского лена, который был обязан защищать¹²⁷. С этого времени близким соратником Рюрика стал сын Харальда Клака Готфрид. Это тоже свидетельствует в пользу версии, что Рюрик был братом Харальда Клака, а если племянником – то сыном Ануло либо Регенфрида, то есть старшим по родовому счету от Готфрида. Дорестада был значительным христианским центром (*там много церквей, священников и клириков*)¹²⁸, откуда отправлялись миссионеры в скандинавские королевства¹²⁹. Можно не сомневаться, что Рюрик не только поддерживал христиан, но и сам являлся христианином. Ведь не мог же язычник быть маркграфом Рустрингии. Поэтому не стоит придавать большого внимания эпитетам типа *fel christianitatis*¹³⁰, которыми награждали Рюрика современные ему хронисты в период, когда последний со своим пиратским флотом наводил ужас на Атлантическое побережье империи, пытаясь заставить императора Лотаря вернуть ему Рустрингию с Дорестадом¹³¹.

Император Лотарь, воспользовавшись новым всплеском борьбы за датский престол после смерти конунга Хорика I (854 г.), в 855 г. отнял фрисландские владения Рюрика и Готфрида. Новый конунг Дании Хорик II (854–867/873) в 857 г. передал Рюрику часть своих земель между Северным морем и р. Эйдер.

Потом информация о Рюрике исчезает из источников, и только в 863 и в 867 гг. появляется известие о том, что его флотилия совершила

два мощных нападения на прирейнские владения императора Лотаря. При этом источники называют Рюрика христианином.

После смерти Лотаря Рюрик обратился к Карлу Лысому, с которым встретился дважды – в 870 и 872 гг., причем на второй встрече он был с младшим сыном Харальда Клака Родульфом. В 873 г. Рюрику были возвращены владения во Фрисландии, за которые он принес вассальную присягу Карлу Лысому. Однако в том же году Рюрик присягнул брату Карла Людовику Немецкому, под контроль которого перешли прибрежные земли. После этого западные источники о нем больше не упоминают.

В 882 г. владения Рюрика в Фрисландии получил от императора Карла III Толстого Готфрид, старший сын Харальда Клака¹³². Почти очевидно, что к 882 г. Рюрик уже скончался. Г. Ловмянский считал, что он умер в 876 г., но так и не аргументировал свою гипотезу¹³³.

Первым на биографию ютландского конунга Рорика¹³⁴ еще в 1816 г. обратил внимание бельгийский исследователь Ганс Фридрих Хольманн, который отождествил этого конунга с летописным Рюриком¹³⁵. Хольманн был родом из Эвера, центра германской Фрисландии, со времен Екатерины II принадлежавшей России, а с 1818 г. – герцогству Ольденбургскому, чья династия была в родственных отношениях с Романовыми. Выдвинул эту гипотезу уроженец Ольденбурга Фридрих Карл Герман Крузе (1790–1866)¹³⁶, бывший с 1836 г. профессором Дерптского университета. Его выводы получили признание среди европейских ученых¹³⁷, но в России были восприняты сдержанно и со временем забыты. Н. Беляев (1878–1955)¹³⁸, полковник артиллерии и профессор Михайловской артиллерийской академии, известный исследователь в области булатной стали, владевший большинством европейских языков, в эмиграции занимался исследованием саг и германских источников. К сожалению, его работы не известны советским историкам, так как были опубликованы преимущественно в эмигрантских изданиях. Не был с ними знаком даже Г. Лебедев.

Идеи Беляева поддержали Г. Вернадский¹³⁹, большинство европейских историков, а также Е. Прицак¹⁴⁰, Л. Гумилев¹⁴¹, Г. Лебедев¹⁴², Б. Рыбаков¹⁴³, А. Молчанов¹⁴⁴, М. Свердлов¹⁴⁵, А. Кирпичников¹⁴⁶ и др.¹⁴⁷, причем некоторые из этих исследователей, не будучи знакомыми собственно с работами Беляева, пришли к тем же выводам самостоятельно либо через работы Крузе. С. Азбелев, соглашаясь с тождеством летописного Рюрика с Рориком Ютландским, считает его внуком ободричко-ладожского князя Гостомысла¹⁴⁸. Понятно, что среди современных российских историков остается больше всего противников отождествления Рюрика Ладожского с Рюриком Ютландским¹⁴⁹, причем большинство из них не знакомы с работами М. Беляева, а о Г. Хольманне и Ф. Крузе знают из пересказов.

О. Рыздзевская, не соглашаясь с этим тождеством, не обернула свои сомнения в систему доказательств¹⁵⁰. Согласно Г. Ловмянскому, одновременно существовали два разных Рюрика, при этом он откровенно заявил, что задача его работы - опровергнуть доводы Беляева¹⁵¹. И. Шаскольский повторил аргументы, касающиеся отсутствия информации о владении Рюрика Ладогой в западных источниках и хронологических несоответствиях¹⁵².

Все замечания о хронологических несоответствиях (а были ли они в действительности?) и молчании латинских источников о Ладогe, на мой взгляд, достаточно корректно сняты М. Беляевым, Г. Лебедевым и Е. Пчеловым в цитированных работах. Рюрик (до 810/812–879) в 867–879 гг. был способен полностью контролировать Ладогу, удерживать земли между Северным морем и р. Эйдер и вернуть себе Дорестад с фризскими территориями. А. Чернов обратил внимание на то, что Рюрик не мог прибыть в Ладогу в 862 г. и вообще ранее 867 г., что согласуется с выводами археологов о пожаре Ладоги в 865 г. На наш взгляд, он обоснованно считает, что Рюрик первый раз пробыл в Ладогe два года, а потом пошел к Ильменю, где заложил Рюриково городище. Вернуться в Северную Европу на три года его вынудила потребность в своей базе у Фрисландии. Передача же фрисландских владений его племяннику (или двоюродному брату?) Готфриду, как справедливо заметил Е. Пчелов, могла быть связана с перемещением наследника Рюрика Игоря вместе с опекуном-регентом Олегом в Приднепровье - в Киев¹⁵³.

Гостомысл. Начальная летопись в рассказе о призвании Рюрика явно отражает отношения на ранней стадии *дружинного государства*, поскольку основные решения принимались еще на тингах (вечах). Гостомысл представлен как лидер местной знати, поэтому все попытки сделать из него князя выглядят спекулятивными. А. Микляев (1934–1993), проанализировав больше сотни топонимов Приладожья с *гост*- и *гощ*-, пришел к выводу о присутствии этого имени в этой местности уже в VIII в.¹⁵⁴ Ничего фантастического и неправдоподобного в фигуре Гостомысла нет. Понятно, что рассказ о князе руян, сбежавшем в 844 г. к берегам оз. Ильмень¹⁵⁵, целиком бездоказателен. Фульденские анналы¹⁵⁶, Ксантенские анналы¹⁵⁷, Кведлинбургские анналы¹⁵⁸, Альтайхские анналы¹⁵⁹ и Хильдесхаймские анналы¹⁶⁰, рассказывая о походе императора Людовика Благочестивого, завершившемся завоеванием славянских земель, рассказывают о гибели князя по имени Gestumus, Gestimulus или Gostomuizli, при этом никоим образом не связывая этот поход с островом Рюген. Все попытки найти среди ободричей либо других поморских и полабских славян князя Гостомысла, якобы убежавшего от франков на берега оз.

Ильмень и начавшего здесь славянскую колонизацию, фиксируемую археологами на столетие раньше, – просто очередная попытка согласовать патриотическую ностальгию антинорманистов с реальной биографией Рюрика. Любые созвучия имен – чисто случайные и не могут служить аргументом, особенно имена вроде Гестум или Годлав.

Такой неоднозначный источник, как упоминаемая Иоакимова летопись, называет Гостомысла сыном князя Буриvoja, а Рюрика – сыном Умилы, дочери Гостомысла. Исследователи уже давно обратили внимание на определенную близость князя Буриvoja из Иоакимовой летописи к Борживою чешской хроники Козмы Пражского¹⁶¹, равно как и Умилы к Людмиле, что указывает на чешский прототип этой генеалогии¹⁶². Кажется, стоит согласиться с Е. Пчеловым, что вся эта генеалогия Иоакимовой летописи сконструирована или подправлена самим В. Татищевым¹⁶³. При этом мотивацией служили те же самые патриотические чувства: очень уж хотелось связать Рюрика со славянской династией.

Рюриковы «братья». Традиция называет рядом с Рюриком двух братьев: Синеуса и Трувора. Трафаретность самой легенды о троих братьях и то обстоятельство, что имена Синеуса и Трувора нигде не повторяются среди множества потомков Рюрика, заставляет осторожно относиться к этой информации¹⁶⁴. Арист Куник считал их неверным переводом эпитетов Рюрика: «победами пользующийся» и «верный» («страж Тора») ¹⁶⁵. С ним соглашались Н. Беляев и Г. Вернадский. Потом было принято предположение Б. Рыбакова о том, что летописец не понял шведского текста, сообщавшего, что Рюрик пришел со своим домом (сине-хус) и верной дружиной (тру-вор)¹⁶⁶. Против этой версии выступал Г. Ловмянский. Выходило, что переводчик дважды перевел фразу «с родом своим и верной дружиной»: один раз – в соответствии с ее настоящим значением, а второй раз (непонятно как) – приняв ее за собственные имена. Кроме того, невозможно создать имя *Трувор* из *thru varing*¹⁶⁷. Это противоречие пытался снять Н. Гринев, допустив, что текст соглашения с Рюриком был записан рунами, которые в XI в. редактор не мог разобрать, что и привело к ошибке¹⁶⁸. Его попытку трудно признать убедительной.

Скандинавская этимология имен Синеус (Signjótr) и Трувор (Thorvarr или Thorvarör) не вызывает сомнений¹⁶⁹. Эти шведские имена известны в рунических надписях из Упланда и Исландии. В окрестностях Изборска известен курган, называемый Труворовой могилой, но это место никак не связано ни с местным фольклором, ни с псковскими летописями¹⁷⁰. Белоозерская легенда, зафиксированная в XVI в., связывает Синеуса не с Белоозером, а с Кистею, что, по авторитетному мнению О. Рыздзевской, повышает ее историчность¹⁷¹. Но этого явно

мало, чтобы зачислить Трувора или Синеуса в число членов династии Рюриковичей¹⁷². Тем более, что латинские источники и саги братьев Рюрика с такими именами не упоминают. Видимо, можно согласиться с Е. Мельниковой, что загадка Трувора и Синеуса относится к проблемам, которые окончательно не будут решены никогда¹⁷³.

Тексты Ипатьевского и Никоновского сводов в этой части удивительно похожи. Видимо, уже в XI в. существовал один из вариантов «Сказания о призвании варягов», хотя похожих рунических текстов, то есть письменного «Сказания» на древнескандинавском языке, не существовало¹⁷⁴.

Согласно летописи, Трувор и Синеус умерли в 864 г. Оба могли быть хевдингами, поставленными Рюриком над этими важными областями со славянским кривичским (Изборск) и финским (Белоозеро) населением. Конунги ставили во главе только своих родичей, и эти викинги тоже могли быть родичами Рюрика, но не обязательно его братьями¹⁷⁵, тем более, родными. Оба имени чаще встречаются у шведов. Поэтому Трувор и Синеус скорее хевдинги из числа «старой» ладожской руси-варягов либо свояки Рюрика, братья его жены. Проблема остается открытой.

Вадим Храбрый. Во время отсутствия Рюрика в Ладоге в 870–873 гг. могла выступить оппозиция во главе с Вадимом Храбрым. Вернувшись, Рюрик должен был вступить в борьбу, окончившуюся гибелью Вадима и бегством части «мужей» в другие земли¹⁷⁶. И. Фроянов назвал Вадима Храброго «словенским князем», которого поддерживали «старейшины»¹⁷⁷. С такой версией можно было бы согласиться. За время отсутствия Рюрика князь Славии мог осуществить попытку захвата Ладоги и найти поддержку у местной элиты из числа «старой» ладожской руси-варягов. Возражения М. Свердлова по этому поводу не выглядят убедительными, равно как и вывод о легендарности фигуры Вадима¹⁷⁸. Ничего легендарного в его деятельности нет, и непонятно, кому и для чего это надо было придумывать. Но загадочным остается имя *Вадим*. Это христианское имя (мученик Вадим Перский погиб 9 апреля 376 г.) на Руси впервые встречается в тексте Галицкого евангелия XIII в.¹⁷⁹ Как же это имя могло попасть в языческую Славия середины IX в.? Тогда Вадим Храбрый должен был бы быть варягом-христианином, лидером группы «старых» ладожских варягов, которые уже сливались с словенскими лидерами.

Семья. Согласно летописям, Рюрик умер в 879 г. Эта традиционная дата выглядит довольно правдоподобно. «Летописец о великих княжениях и о битвах, како же побеждали князь князя и колько который князь княжил на своем княжении», написанный скорописью XVII в., рассказывает о войне Рюрика с Олегом, с Лопью и Корелой и о смерти

Рюрика в 879 г. в Кореле. В другой летописи XVII в. сообщается: «Умре Рюрик в Кореле в войне тамо положен бысть в городе Кореле». Об этом же говорится и в «Подробнейшей истории государей российских», опубликованной Н. Новиковым в 1791 г. в его «Вивлиофике». В. Зиборов обратил внимание на то, что в последнем случае имя Рюрика связано с именем новгородского боярина карельского происхождения Валиты, чей род в XIV в. занимал высокое положение в Новгородской земле. Он решил, что Рюрик был вставлен в готовый текст, относящийся к Валите и Кореле в 1592–1630 гг., когда российская дипломатия искала доказательства древности вхождения карельских земель в русские¹⁸⁰. К. Бестужев-Рюмин, напротив, не видел ничего невероятного в сообщении о гибели Рюрика в Кореле¹⁸¹. Действительно, имя Рюрика только раз связано с Валитою - и то в довольно ненадежном источнике. Сообщение о смерти Рюрика и передаче власти Олегу напоминает песню скальда о том, как умирающий от раны конунг передает власть и сына родичу и ближайшему сподвижнику. Возможно, когда российская дипломатия цеплялась за Валиту, песнь о гибели Рюрика в Кореле-Бьярмии еще существовала, как и эпические свидетельства принадлежности Корелы к Новгороду.

Согласно Иоакимовой летописи, у Рюрика было много жен, но «паче всех любил Эфанду, дочь князя урманского, и когда та роди сына Ингоря, дасть ей обезаный при море град с Ижарою в вено... передаше княжение и сына своего шурина своему Ольгу варягу сушу, князю урманскому»¹⁸². Г.З. Байер (1694–1738) отождествлял Урманию со шведской областью Раумдалией¹⁸³. Возможно, что, подобно Хальвдану, пытаясь не потерять ютландские и фрисландские владения, а также удержать Ладогу, Рюрик искал компромисс со шведами, закрепив его брачным союзом. Свояк Олег привел викингов, с которыми Рюрик выступил в Бьярмию (Корелу), чтобы военным успехом укрепить свою популярность среди местной элиты. В этом походе он получил ранение, от которого умер, а власть перешла к молодому свояку Олегу, объявленному регентом при племяннике. Олег также мог быть одним из «морских конунгов» как норвежского¹⁸⁴, так и датского происхождения¹⁸⁵, которого Рюрик привлек, выдав за него свою дочь. Догадки о том, что матерью Игоря была славянка из рода Гостомысла, не опираются на источники¹⁸⁶. Более того, если Олег был свояком Рюрика, то есть братом его матери, то и сам Игорь, тоже по матери, был скандинавом шведского, норвежского или датского происхождения.

Понятно, что Рюрик утвердился в Ладоге¹⁸⁷, а не в Новгороде¹⁸⁸, тогда еще не существовавшем. Можно согласиться с Т. Вилкул, что в первичном тексте ПВЛ присутствует только «ладожская версия»

прихода Рюрика¹⁸⁹. Хольмгард (Новгород) возник в середине X в. в двух километрах от Рюрикова городища, заложенного им на берегу Ильменя, взяв на себя основные функции последнего¹⁹⁰. Hólmgarðr – отображение самоназвания Холм-города, позже ставшего составной частью Новгорода¹⁹¹.

Период утверждения Рюрика в Ладоге был периодом военно-политической нестабильности. Так, из 76 кладов с 25 622 дирхемами, закопанных в этом регионе между 780 и 899 гг., 23 клада с 13 213 дирхемами (или 51,6 % всех дирхемов) относятся к периоду 860–879 гг. Это подтверждает такой вывод, так как клады закапывали чаще именно в периоды военно-политической нестабильности¹⁹².

Подводя итоги и осознавая необходимость продолжения дискуссии, можно утверждать, что летописный князь Рюрик тождествен Рорику Фризскому. Он, вероятно, был сыном «морского конунга» Хальвдана Старого, родившимся до 810/812 г. Длительное время он находился при старшем брате Харальде Клаке, был «морским конунгом» и пиратом, периодически удерживал владения в Ютландии и Фрисландии с центром в Дорестаде, а в 867–879 гг. стал конунгом (князем) в Ладоге. Во времена князя Рюрика Новгорода еще не существовало. Летописный рассказ позволяет также утверждать, что, будучи ладожским князем, Рюрик пытался расширить контролируемую территорию в глубину континента. Понятно, что, кроме контроля над путями, его интересовали территории, богатые пушным зверьем. Исследователи характеризуют Рюрика как дальновидного и умелого политика, прекрасного организатора морских походов, умевшего использовать все возможности для реализации поставленной задачи¹⁹³. Потомки Рюрика занимали престолы на Руси и в княжествах на ее территории до конца XVI в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Библиографию проблемы см.: *Войтович Л.В.* Рюрик: легенди і дійсність. Стан дискусії на початку XXI ст. // Наукові зошити історичного факультету. Львівський національний університет ім. Івана Франка. Збірник наукових праць. Вип.7. Львів, 2005. С. 25–35; *Его же.* Рюрик: легенды и действительность // Исследования по русской истории и культуре. Сборник статей к 70-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова / Отв. ред. Ю. Алексеев, А. Дегтярев, В. Пузанов. М., 2006. С. 111–121; *Его же.* Вікінги в Центральній Східній Європі: проблеми Ладоги і Пліснеська // Археологічні дослідження Львівського університету. Вип.12. Львів, 2009. С. 79–101; *Его же.* Загадки вікінгів: Ладога і Пліснеськ. Продовження дискусії на межі XX–XXI століть // *Actis testantibus.* Ювілейний збірник на пошану Леонтія Войтовича / Україна:

культурна спадщина, національна свідомість, державність. Вип. 20. Львів, 2011. С. 142–188; *Его же*. Викинги в Центрально-Восточной Европе: загадки Ладоги и Плиссеска // Вестник Удмуртского университета. Серия 5. История и филология. 2011. Вип. 3. С. 2–15; 2012. Вип. 1. С. 3–11.

2. *Пчелов Е.В.* Рюрик / Жизнь замечательных людей. Вип. 1477 (1277). М., 2010. 336 с.

3. См.: *Davidson H.E.* Introduction to Saxo Grammaticus The History of the Danes. Book I–IX. Vol. Commentry. Cambridz, 1980.

4. *Schier K.* Sagaliteratur. Stuttgart, 1970. S. 81.

5. Ibidem. S. 72–91.

6. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 14.

7. *Шахматов А.* Разыскания о русских летописях. М., 2001. С. 11.

8. См.: *Беовульф* / Переклад О. О'Лір. Наук. ред. К.Шрей і О.Фешовець. Львів, 2012. С. 196.

9. *Куник А. А.* Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. 1. СПб., 1903. С. 10.

10. *Шаскольский И. П.* Норманская теория в современной буржуазной науке. М.; Л., 1965; *Его же*. Вопрос о происхождении имени «Русь» в современной буржуазной науке // Труды Ленинградского отделения Ин-та истории. Т. 10. Л., 1967. С. 129–167; *Его же*. Норманская проблема в советской историографии // Советская историография Киевской Руси / Отв. ред. В.В. Мавродин. Л., 1976. С. 152–165; *Его же*. Антинорманизм и его судьбы // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1983. С. 35–51.

11. *Гедеонов С.А.* Варяги и Русь. Ч.1. СПб., 1876. С. 191–194.

12. См.: *Фомин В.В.* Русские летописи и варяжская легенда. Липецк, 1999; *Его же*. Кривые зеркала норманизма // Сборник Русского исторического общества. Т. 8 (156). Антинорманизм. М., 2003. С. 83–127; *Его же*. «За море», «за рубеж», «заграница» русских источников // Там же. С. 146–168; *Его же*. Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005; *Его же*. Варяги и варяжский вопрос в судьбе России. URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/35679.php> (дата обращения: 3.05.2013).

13. *Черных П.Я* К вопросу о происхождении имени «варяг» // Ученые записки Ярославского государственного пед. ин-та. Вип. 4. Ярославль, 1944; *Его же*. Этимологические заметки. Варяг // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. № 1. М., 1958.

14. *Анохин Г.И.* Рюрик – солеввар из Русы // Человек. Вип. 4. 1994. С. 77–92; *Его же*. Новая гипотеза о происхождении государства на Руси // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 51–61.

15. *Венелин Ю.* О происхождении славян вообще и россос в особенности (1836–1839) // Сборник Русского исторического об-ва. Вип. 8 (156). М., 2003. С. 21–83; *Его же*. Скандинавомания и ее поклонники, или столетие изыскания о варягах. М., 1842; *Его же*. О нашествии завислянских славян на Русь до Рюриковых времен // Общество истории и древностей российских. М., 1848; *Его же*. Известия о варягах арабских писателей и злоупотребления в истолковании оных // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1870. Кн. 4. С. 1–18.

16. Кузьмин А. Г. «Варяги» и «русь» на Балтийском море // Вопросы истории. 1970. № 10; *Его же*. Об этнической природе варягов (к постановке проблемы) // Вопросы истории. 1974. № 11; *Его же*. Славяне и Русь. Проблемы и идеи: трехвековой спор в хрестоматийном изложении. М., 1998; *Его же*. Начало Руси: тайны рождения русского народа. М., 2003.

17. Геденов С. А. Отрывки из исследований о варяжском вопросе. СПб., 1862; *Его же*. Варяги и Русь. Ч. 1–2. СПб., 1876.

18. Вилинбахов В. Б. Балтийские славяне и Русь // *Slavia occidentalia*. Т. 22. Poznań, 1962. С. 253–277; *Его же*. Балтийско-Волжский путь // Советская археология. 1963. № 3. С. 333–347; *Его же*. Несколько замечаний о теории А. Стендер-Петерсона // Скандинавский сборник. Вып. 6. Таллин, 1968; *Его же*. Об одном аспекте историографии варяжской проблемы // Скандинавский сборник. Вып. 7. Таллин, 1969; *Его же*. По поводу некоторых замечаний П. Н. Третьякова // Советская археология. 1970. № 1; *Его же*. Современная историография о проблеме: балтийские славяне и Русь // Советское славяноведение. 1980. № 1. С. 79–84.

19. Кузьмин А. Г. К вопросу о происхождении варяжской легенды // Новое о происхождении нашей страны. Памяти М. Н. Тихомирова. М., 1967. С. 42–53; *Его же*. «Варяги» и «русь» на Балтийском море // Вопросы истории. 1970. № 10. С. 28–55; *Его же*. Об этнической природе варягов // Вопросы истории. 1974. № 3. С. 54–83; *Его же*. Облик современного норманизма // Сборник Русского исторического общества. Т. 8 (156). Антинорманизм. М., 2003. С. 214–256.

20. Фомин В. В. Русские летописи и варяжская легенда. Липецк, 1999; *Его же*. Варяги и варяжская Русь. М., 2005; Варяги и варяжский вопрос в судьбе России // www.portal-slovo.ru; Меркулов В. И. Немецкие генеалогии как источник по варяго-русской проблеме // Сборник Русского исторического общества. Т. 8 (156). Антинорманизм. М., 2003. С. 135–145; *Его же*. Откуда родом варяжские гости? Генеалогическая реконструкция по немецким источникам. М., 2005; *Его же*. Гюстроавская ода и мекленбургская генеалогическая таблица // Судьба России в современной историографии. Сб. ст. памяти А. Г. Кузьмина. М., 2006. С. 172–184; Сахаров А. Н. Рюрик, варяги и судьбы российской государственности // Сборник Русского исторического общества. Т. 8 (156). Антинорманизм. М., 2003. С. 9–17.

21. Thomas F. Die nahe Anverwandtschaft des Herzogs Carl Leopold mit der Fürstin Catharina fon Rusland. Gustrow, 1716.

22. Войтович Л. Рюрик: легенди і дійсність. Стан дискусії на початку ХХІ ст. // Наукові зошити історичного факультету. Львівський національний університет ім. Івана Франка. Вип. 7. Львів, 2005. С. 28.

23. Татищев В. Н. История государства Российского. Т. 1. М., 1968. С. 293.

24. «И поскольку у Витислава короля два сына были, один Трасик, чьи дети известны, другой Годелайб, чьи дети неизвестны, то оному Рурика, Трувера и Синава приписали (Б. Латом и И. Ф. Хемниц.– Л. В.)». [Байер Г. З. Сочинение о варягах / Пер. В. Кондратовича // Записки Академии наук. Т. 4. СПб., 1728. С. 42; Сочинение о варягах автора Феофила Сигафра Баэра. СПб., 1747. С. 6–7].

25. Геденов С. А. Варяги и Русь. Ч. 1. СПб., 1876. С. 191–194.

26. Гедеонов С.А. Варяги и Русь. Ч. 2. СПб., 1876. С. XXXIV.
27. Погодин М.П. С. Гедеонов и его система о происхождении варягов и Руси. СПб., 1864; *Его же*. Борьба не на живот, а на смерть с новыми историческими ересями. М., 1872; *Его же*. Три заметки о начале русского государства // *Slavia*. Vol. 1. 1932. S. 118–132.
28. Первольф И.И. Германизация балтийских славян. СПб., 1876; *Его же*. Варяги-русь и балтийские славяне // Журнал Министерства народного образования. Ч. 192. 1877. № 7. С. 37–97.
29. Вилинбахов В.Б. Волх и Рюрик – патронимы преданий и легенд Новгородской земли // Русский фольклор. Вып. 13. 1972. С. 23.
30. Рапов О.М. «Знаки Рюриковичей» и символ сокола // Советская археология. 1968. № 3. С. 62–69.
31. Толочко П.П. Древняя Русь. Киев, 1987. С. 20–21.
32. Войтович Л.В. Рюрик: легенды и действительность // Исследования по русской истории и культуре. Сборник статей к 70-летию профессора И.Я. Фроянова. М., 2006. С. 114.
33. Пчелов Е.В. Происхождение династии Рюриковичей // Труды Историко-архивного института. Т. 34. Сборник статей геральдического семинара Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета. Вып. 1. М., 2000. С. 140–183; *Его же*. Генеалогия древнерусских князей IX – начала XI в. М., 2001. С. 65–67.
34. Толстой И.И. Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского. Нумизматический опыт. СПб., 1882. С. 165–183; Б. и Ч. [Болсуновский К.В. и Чернев Н.П.] Заметка о загадочной фигуре на монетах Великого княжества Киевского. Киев, 1889; *Их же*. Родовой знак Рюриковичей, великих князей Киевских. Киев, 1908; Орешников А.В. Новые материалы по вопросу о загадочных фигурах на древнейших русских монетах // Археологические известия и заметки Московского археологического общества. Т. 10. М., 1894. С. 301–311; *Его же*. Классификация древнейших русских монет по родовым знакам // Известия АН СССР. Серия 7. Отделение гуманитарных наук. 1930. № 2. С. 87–112; Arne T.J. Sveriges förbindelser med Östern under Vikingatiden // Fornvannen meddelanden från Kungl Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens. № 6. Stockholm, 1911. Н. 1–2. S. 47–48; Крип'якевич І. Герб України // Календар товариства «Просвіта» на 1914 р. Львів, 1914. С. 126–131; Левшиновский М.С. Что означает загадочная фигура на монетах великих князей // Спорные вопросы русской нумизматики. Пг., 1915; Грушевський М. Про гербові знаки України // Народна воля (Київ). № 101. 3.09.1917; Лихачев Н.П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики // Труды Музея палеографии. Вып. 1. Л., 1928; *Его же*. Печати с изображением тамги или родового знака // Там же. Вып. 2. Л., 1930. С. 56; Таубе М.А. Загадочный родовой знак семьи Владимира Святого // Сборник статей, посвященных П.Н. Милюкову, 1859–1929. Прага, 1929. С. 117–135; *Его же*. Родовой знак семьи Владимира Святого в его историческом развитии и государственном значении для Древней Руси // Владимирский сборник в память 950-летия крещения Руси, 988–1938. Белград, 1939. С. 89–112; Рыбаков Б.А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси в

Х–ХІІ вв. // Советская археология. Т. 6. 1940. С. 227–257; Андрусак М. Тризуб. Б.м., 1947; Янин В.Л. Древнейшая русская печать Х в. // Краткие сообщения. Института истории материальной культуры. Вып. 57. М., 1955; Его же. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей // Там же. Вып. 62. М., 1956. С. 3–16; Его же. Актовые печати Древней Руси Х–ХV вв. Т. 1–2. М., 1970; Ширинский С.С. Ременные бляшки со знаком Рюриковичей из Бирки и Гнездова // Славяне и Русь. Сборник статей в честь Б.А. Рыбакова. М., 1968. С. 215–223; Молчанов А.А. Подвески со знаками Рюриковичей и происхождение древнерусской буллы // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 7. Л., 1976. С. 68–91; Его же. Об атрибуции лично-родовых знаков Рюриковичей Х–ХІІІ вв. // Там же. Т. 16. Л., 1985. С. 66–83; Его же. Знаки Рюриковичей на древнерусских печатях и монетах: последняя четверть века их изучения // Нумизматический сборник. № 5. М., 1997; Ершевский Б.Д. Об атрибуции новгородских печатей и пломб ХІІ – начала ХІІІ в. с изображением княжеских знаков // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 10. Л., 1978. С. 47; Иоаннисян О.М. Родовые знаки древнерусских князей Х–ХІІІ вв. (литература и источники) // Гербоведение: материалы и исследования. Л., 1983. С. 109–112; Кулаков В.И. Птица-хищник и птица-жертва в символах и эмблемах IX–XI вв. // Советская археология. 1988. № 3. С. 106–117; Макаров Н., Чернецов А. Сфрагистические материалы из Белозера // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 230–241; Якимович Б. До питання про українську національну символіку // Пам'ятки України. 1989. № 3. С. 44–48; Дашкевич Я. Родовий знак Рюриковичів у Галицькому князівстві ХІІІ ст. // Третя наукова геральдична конференція (Львів, 4–5 листопада 1993 р.). Львів, 1993. С. 32–33; Белецкий С.В. Знаки Рюриковичей на пломбах из Дрогичина (по материалам свода К.В. Болсуновского) // Stratum plus. Т. 6. Кишинев, 1999. С. 288–330; Его же. Лично-родовые знаки Рюриковичей на металлических подвесках XI в. // Ruthenica. Т. 1. Киев, 2002. С. 134–151; Соболева Н.А. Знак Рюриковичей в контексте проблемы «Русь и евроазиатская идея» // Хранитель, исследователь, учитель. К 85-летию В.М. Потины. СПб., 2005. С. 33–68.

35. Мицько І. Давня історія Підгір'я в контексті українсько-чеських зв'язків // Слово «Просвіти» (Старий Самбір). Ч. 58. 2003. С. 4.

36. Белов О., Шаповалов Г. Український тризуб. Київ–Запоріжжя, 2008.

37. Кирпичников А.Н. Ладожская жемчужина в Балтийском море // Родина. 2008. № 9.

38. Чернов А.Ю. В старой Ладогe найден герб Рюрика? URL: <http://chernov-treznin.narod.ru/GerbRurika.htm> (дата обращения: 3.05.2013).

39. Кулаков В.И. Иконография геральдических орлов Германии и Пруссии // Альманах «Марс». 1997. № 1.

40. Мельникова Е.А. Меч и лира. Англо-саксонское общество в истории и эпосе. М., 1987.

41. Горский А. Начало Руси: славяно-варяжская дилемма? // Родина. 2009. № 9. С. 18.

42. Ридзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. М., 1978. С. 69, 85–88.

43. Рябинин Е.А., Черных Н.Б., Стратиграфия, застройка и хронология ниж-

него слоя Староладожского земляного городища в свете новых исследований // Советская археология. 1988. № 1. С. 72–100.

44. См.: Davidson H.E. Introduction to Saxo Grammaticus The History of the Danes. Book I–IX. Vol.2. Commentry. Cambridz, 1980.

45. Schier K. Sagaliteratur. Stuttgart, 1970. S. 81.

46. Ibidem. S. 72–91.

47. Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. С. 69.

48. Полный текст саги (древнейшая пергаментная рукопись 1450–1475 гг.): Hálfðanar saga Eysteinnssonar // Fornaldarsögur Norðurlanda / Utg. av Guðni Jónsson, Bjarni Vilhjálmsson. Bd. 3. Reykjavik, 1944. Bl. 283–319; Hálfðan Eysteinnsson // Seven Viking Romances / Trans. with an Introd. by Hermann Pálsson and Paul Edwards. London–New York, 1985. P. 171–198; Die Saga von Haldan Eysteinnsson // Zwei Abenteuersagas / Aus dem Altnordische übersetzt und mit einem Nachwort von Rudolf Simek. Leverkusen, 1989. S. 55–99.

49. Vries J. de. Altnordische Literaturgeschichte. T.2. Berlin, 1967. S. 496–497.

50. Hálfðanar saga Eysteinnssonar / Hrsg. F.R.Schröder. Halle, 1917. S.93–94.

51. Ibidem. S.106.

52. Образ Ингигерд из этой саги имеет ряд параллелей с Ингигерд королевских саг. См.: Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги. С.108–110; Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н. Из истории Старой Ладogi (по материалам скандинавских саг) // Древнейшие государства на территории СССР. 1985 год. М., 1986. С. 108–115.

53. Kleiber B. Zu einigen Ortsnamen oms Gardariki // Scando-Slavica. T. 3. 1957. S.222; Schramm G. Normannische Stützpunkte in Nord westrussland. Etappen einer Reichsbildung im Spiegel von Namen // Beiträge zur Namenforscheng. N.F. Bd. 17. 1986. H. 3. S. 280–282.

54. Лебедев Г.С. Эпоха викингов. С. 187.

55. Ellis-Davidson H.R. The Viking Road to Byzantium. London, 1976. P. 41.

56. Глазырина Г.В. Alaborg «Саги о Хальвдане, сыне Эйстейна». К истории Русского Севера // Древнейшие государства на территории СССР. 1978 г. М., 1978. С. 203–204.

57. Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. С. 85; Прицак О. Походження Русі. Т. 2. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія. Київ, 2003. С. 364–367.

58. Тиандер К. Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1896. С. 287–292.

59. Vries J. de. Altnordische Literaturgeschichte. T. 2. S. 499.

60. Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. С. 85; Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о Северной Руси. Тексты, перевод, комментарий. М., 1996. С. 158–159, 164–165, 170–171.

61. Gøngu-Hrólf's saga // Fornaldar sögur Norðurlanda. Udg. Ved. C.C.Rafn. Bd.3. København, 1830. S. 235–364.

62. Ibidem. S. 237–238; Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. С. 86.

63. Vries J. de. Altnordische Literaturgeschichte. T. 2. S. 500–501, 514–520. Текст саги см.: Tidriks saga of Bern. Utg. au H.Bertelsch. Bd.1–2. København, 1908–1911.

64. Рьдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. С. 87. См. также: Веселовский А.Н. Русские и вильтинцы о Тидреке Бернском (Веронском). СПб., 1906. С. 130–190.

65. Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. С. 88.

66. См.: Азбелев С.Н. Устная история в памятниках Новгорода и новгородской земли. СПб., 2007. С. 6–34; Пчелов Е. Рюрик. М., 2010. С. 37–67; Конча С. Скандинавские элементы Иоакимовской летописи и вопрос о ее происхождении // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2012. № 3. С. 98–111.

67. Лавровский П.А. Исследование о летописи Якимовской // Ученые записки Второго отделения Императорской академии наук. Кн. 2. Вып. 1. СПб., 1856. С. 77–160.

68. Kleiber B. Nordiske spor i en gammel Russiske kronika // Maal og Minne. Oslo, 1960. Heft 1–2. S. 70.

69. Пчелов Е.В. Генеалогия древнерусских князей IX – начала XI в. М., 2001. С. 62.

70. Войтович Л. Княжа доба на Русі: портрети еліти. Біла Церква, 2006. С.199.

71. Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. С. 189.

72. Крузе Ф. О происхождении Рюрика // Журнал Министерства народного просвещения. 1836. Январь. С. 49.

73. См.: Francke G. Genealogische Tabellen zur Geschichte der Skandinavischen Völker. 1834. Генеалогия Скьёльдунгов основана на «Родовом перечислении Скьёльдунгов» (Landfædgatal Skjöldunga), составленном Семундом Мудрым (+ 1133), «Родословии датских конунгов» (Ævi Danakonunga) Ари Мудрого (1067/1068–1148) и «Сage о Скьёльдунгах» (Skjoldunga saga), записанной в 1180–1200 гг. и известной из пересказов и фрагментов в основном из латинских конспектов Rerum Danicarum Fragmenta Анgrimura Энсона (1568–1648). Генеалогия шведской династии Инглингов основана на «Перечислении Инглингов» скальда Тьодольва Мудрого из Хвинира (конец IX в.) и «Сage о Инглингах» (Ynglinga saga), созданной Снорри Стурлуссоном между 1220 и 1230 гг.

74. Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. T. 1 / Ed. G.H.Pertz. Hannoverae, 1826. S. 162, 349; Пчелов Е.В. Генеалогия древнерусских князей IX – начала XI в. С. 78.

75. Simek R., Pálsson H. Lexikon der altnordischen Literatur. Stuttgart-Kröner, 1987. S. 70.

76. До конца XI в. в сагах *Austrvegr* – *Восточный путь* обычно означал земли Руси. Так, Ярослав Мудрый (Ярицлав – по сагам) нередко именуется как *Austrvegr konunge* – *конунг Восточного пути*, а местное население – как *Austrvegrsmenn* – *жители Восточного пути*. С XII в. название *Gardariki* вытесняет *Austrvegr*, последнее остается исключительно для обозначения юго-восточного побережья Балтики: Виндланд (Vindland), Курланд (Kúrland), Естланд (Estland) и т. д. (См.: Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н., Мельникова Е.А. Восточная половина мира глазами скандинавов: топонимия в исторических исследованиях // Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 483).

77. Потин В.М. Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным (IX–XII вв.) // Исторические связи Скандинавии и России. IX–XX вв. Л., 1970.

С. 67; Давидан О. И. К вопросу о контактах древней Ладоги со Скандинавией (по материалам нижнего слоя Староладожского городища) // Скандинавский сборник. Вып. 16. Таллин, 1971. С. 112; Лебедев Г. С. Археологические памятники Ленинградской области. Л., 1977. С. 164–193; Даркевич В. П. Международные связи // Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 389; Седых В. Н. Северная Русь в эпоху Рюрика по данным археологии и нумизматики // Ладога и истоки русской государственности и культуры. С. 84–96.

78. Ловмянский Х. Рорик Фрисландский и Рюрик «Новгородский» // Скандинавский сборник. Вып. 7. Таллин, 1963. С. 224–226, 228–229.

79. Крузе Ф. О происхождении Рюрика. С. 75.

80. Милютенко Н. И. «Гардская» версия происхождения Рагнара Кожаные Штаны (Сага о Сьельдингах) // Ладога и эпоха викингов. Материалы к Четвертым чтениям памяти Анны Мачинской. СПб., 1998. С. 30–33.

81. Крузе Ф. О происхождении Рюрика. С. 51.

82. Н. Беляев отождествлял Сигфрида с Сигурдом Рингом (Беляев Н. Рорик Ютландский и Рюрик начальной летописи // *Seminarium Kondakovianum*. Т. 3. Прага, 1929. С. 23), с чем согласиться трудно. Кроме того, что эти имена совсем разные, есть еще и хронологические несовпадения. Последнее упоминание о Сигфриде относится к 797 г., а сын Сигурда Ринга, знаменитый Рагнар Лодброк, погиб где-то в 865 г. во время очередного морского похода.

83. Francke G. Genealogische Tabellen. S. 406.

84. Jones G. A history of the Vikings. Oxford, 1984. P. 102–104.

85. Мельникова Е. А. Вступление норманнов в дипломатические отношения с Франкской империей // *Hiatoria animate*. Памяти О. И. Варяш. Ч. 3. М., 2004. С. 22–38.

86. *Annales Regni Francorum* / Ed. G. H. Pertz, F. Kurze // *Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum*. Hannoverae, 1895. P. 126–127.

87. *Szafarzyk J. Słowiański starożytności*. T. 2. Wrocław, 1848. S. 236–238; *Šafařík P. J. Slovanske starožitnosti*. Díl. 2. Praha, 1937.

88. *Annales Regni Francorum* / Ed. G. H. Pertz, F. Kurze // *Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum*. Hannoverae, 1895. P. 126.

89. *Wigger F. Mecklenburgische Annalen bis zum Jahre 1066*. Schwerin, 1860; *Löffler L. Handelsstaden vid Östersjön som på danskarnas språk kallades Reric* // *Namn och bygd*. T. 7. 1919. S. 25–26; *Vogel W. Das emporium Reric*, *Festschrift til Halvdan Koht*. Oslo, 1933. S. 85–92; *Vasmer M. Germanen und Slaven in alter Zeit* // *Namn och bygd*. T. 21. 1933. S. 128–130; *Koczy L. Sklawanja Adama Bremeńskiego* // *Slavia Occidentalis*. T. 12. Poznań, 1933. S. 217; *Beltz R. Der Burgwall von Alt-Gaarz (Mecklenburg)* // *Nachrichtenblatt für Deutsche Vorzeit*. T. 11. 1935. S. 107; *Id. Reric und Thrasiko, Zwei Namen unserer frühesten Geschichte* // *Monatshefte für Mecklenburg*. 1938. S. 220; *Id. Zu Reric* // *Mecklenburg*. T. 34. 1939. S. 175–177; *Kroggmann W. Reric* // *Jahrbücher des Vereins für mecklenburgische Geschichte und Altertumskunde*. T. 103. Schwerin, 1939. S. 77–84; *Vries J. Altnordisches etymologisches Wörterbuch*. Leiden, 1962; *Doberan Kr. Ein Beitrag zur Lage von Reric* // *Varia Archaeologica*. Berlin, 1964. S. 237–254; *Herrmann J. Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder / Neisse und Elbe*. Berlin, 1968. S. 19; *Leciejewicz L. Miasta Słowian północnopółabskich*. Wrocław, 1968. S. 20.

90. Херрманн И. Ободриты, лютичи, руяне // Славяне и скандинавы / Пер. Г.С. Лебедева, под ред. Е.А. Мельниковой. М., 1986. С. 338–346; Zwischen reik und Bornhoved: die Beziehungen zwischen den Danen und ihren slawischen Nachbarn von 9. bis ins 13. Jahrhundert. Beiträge einer internationalen konferenz. Leipzig, 4–6 December 1997 / Hrsg. von O. Hack und Chr. Lubke. Stuttgart, 2001.

91. Bogusławski W. Dzieje Słowiańszczyzny północno-zachodniej. T. 3. Poznań, 1895. S. 28–35; Wachowski K. Słowiańszczyzna Zachodnia. Warszawa, 1902. S. 84–112; Knorr H.A. Die Hacksilberfunde Hinterpommerns der Grenzmark und der Neumark // Mannus. T. 28. 1936. S. 160–229; Jankuhn H. Sechs karten zum Handel des 10. Jahrhunderts im westlichen Osterseebeken // Archaeologia–Geographica. T. 1. 1950–1951. Z. 1. S. 8–16; Ślaski K. Udział Słowian w życiu gospodarczym Bałtyku na początku epoki feudalnej (VII–XII w.) // Pamiętnik Słowiański. T. 4. Kraków, 1954. S. 227–234; Fritze W. Probleme der abodritischen Stammes- und Reichsverfassung und ihrer Entwicklung von Stammesstaat zum Herrschaftsstaat // Siedlung und Verfassung der Slawen zwischen Elbe, Saale und Ode / Hrsg. von H. Ludat. Ciessen, 1960. S. 141–149; Labuda G. Organizacje państwowe Słowian Zachodnich w okresie kształtowania się państwa polskiego (od VI do połowy X wieku) // Początki państwa polskiego. T. 1. Poznań, 1962. S. 65–69; Herrmann J. Germanen und Slawen in Mitteleuropa. Zur Neugestaltung der ethnischen Verhältnisse zu beginn des Mittelalters. Berlin, 1984.

92. Мельникова Е.А. Укрощение неукротимых: договоры с норманнами. С. 14–15.

93. Annales Regni Francorum. P. 129.

94. См.: Künl J., Hardt N. Dannevirke – Nordens Største fortidsminde. Musset ved Dannerirke. Danevirkegården, 1999.

95. Крузе Ф. О происхождении Рюрика. С. 51.

96. Саксон Анналист. Хроника 741–1139 / Изд. подг. И.В. Дьяконов. М., 2012. С. 47.

97. Кирпичников А.Н. Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси: итоги и основные проблемы. Л., 1988. С. 47–48.

98. Vita St. Anskarii / Ed. G.H. Pertz // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. T. 2. Hannoverae, 1827. P. 704.

99. Войтович Л. Княжа доба на Русі: портрети еліти. С. 199–200.

100. Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н., Мельникова Е.А. На пути «из варяг в греки» // Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 483.

101. Чернов А.Ю. В Старой Ладоге найден герб Рюрика? URL: <http://chernov-trezin.narod.ru/GerbRurika.htm> (дата обращения: 5.05.2013).

102. Einhardi Annales / Ed. G. H. Pertz // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores (далее – MGH SS). T. 1. Hannoverae, 1826. P. 135–218.

103. Annales Fuldenses / Ed. G. H. Pertz // Ibid. P. 337–415.

104. Annales Bertiniani / Ed. G. H. Pertz // Ibid. P. 419–515.

105. Annales Xantensium / Ed. G. H. Pertz // Ibid. T. 2. Hannoverae, 1829. P. 217–235; Анналы Ксанта // Историки эпохи Каролингов / Отв. ред. А. И. Сидоров. М., 1999. С. 143–158.

106. Chronicon de Normannorum gestis in Francia / Ed. G. H. Pertz // MGH SS. T. 1. P. 532–536.
107. Vita Sancti Anskarii a Rimberto / Ed. G. H. Pertz // MGH SS. T. 2. P. 683–725.
108. См.: Magistri Adami Bremensis Gesta Hammaburgensis Ecclesiae Pontificum / Ed. B. Schmeidler // Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum. Hannoverae, 1917; *Adam of Bremen*. History of the archbishops of Hamburg. Bremen New York, 1959; *Адам Бременский*. Деяния архиепископов гамбургской церкви // Немецкие анналы и хроники X–XI столетий. М., 2012. С. 297–449.
109. Там же. С. 310.
110. Chronicon Roskildense // Scriptores minores historiae Danicae medii aevi / Rec. M. C. Gertz. Vol. 1. Kobenhavn, 1970. P. 3.
111. Koch C. Tables généalogiques des maisons souveraines du nord et de l'est de l'Europe. Paris, 1818. Tabl. 17.
112. История Дании. Т. 1. М., 1996. С. 42.
113. Пчелов Е. В. Генеалогия древнерусских князей IX – начала XI в. С. 71.
114. Крузе Ф. О происхождении Рюрика. С. 71.
115. Саксон Анналист. С. 47.
116. Там же. С. 48; *Reginonis Chronicon* // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. T. 1/Ed. W. Wattenbach. Leipzig, 1890. (810 jahr). P. 582.
117. Саксон Анналист. С. 53.
118. Там же. С. 54.
119. Пчелов Е. В. Генеалогия древнерусских князей IX – начала XI в. С. 71–72.
120. Беляев Н. Т. Рорик Ютландский и Рюрик начальной летописи. С. 227–228.
121. Chronicon Roskildense. P. 4.
122. Пчелов Е. В. Генеалогия древнерусских князей IX – начала XI в. С. 72.
123. Там же. С. 73.
124. Николаев С., Бобров А., Чернов А. О Рюрике, Гостомысле и простушке Умиле // Повесть временных лет. Перевод Д. С. Лихачева, О. В. Творогова. Комментарии А. Г. Боброва, С. Л. Николаева, А. Ю. Чернова при участии А. М. Введенского и Л. В. Войтовича. СПб., 2012. С. 467.
- В тексте источника: «845 г. В то время, когда это произошло, король Людовик, собрав большое войско, отправился в поход против вендов. Когда язычники узнали об этом, они, со своей стороны, отправили в Саксонию послов, и поднесли ему дары, и передали ему заложников, и попросили о мире. И тот предоставил мир и вернулся в Саксонию. После же этого на разбойников нашла чудовищная смерть, при этом также и вожак нечестивцев, по имени Регинхери, который грабил христиан и святые места, умер, пораженный Господом. Тогда, посоветовавшись, они бросили жребии, которыми их боги должны были указать им средства к спасению, но жребии упали без пользы. Когда же некий пленный христианин посоветовал им бросить жребий перед их христианским богом, они это сделали, и их жребий выпал удачно. Тогда их король по имени Рюрик вместе со всем народом язычников в течение 40 дней воздерживался от мяса и медового напитка, и смерть отступила, и они

отпустили в родные края всех плененных христиан, которых имели» (Анналы Ксанта / Историки эпохи Каролингов / Пер. А.И. Сидорова. М., 1999. С. 146–147). От слов «После же этого на разбойников...» в тексте рассказывается совершенно другой сюжет, связанный с разбойниками, как называли тогдашние христианские хронисты исключительно викингов. Также этот сюжет понимали практически все исследователи – от Ф. Крузе до Е. Пчелова. После разгрома и гибели их короля в 844 г., о чем сообщили почти все источники этого времени, ободриты уже не рисковали воевать с Людовиком, выслав посольство с дарами и выдав заложников только при известии о походе франков, как убедительно свидетельствует первый фрагмент текста. Кроме того, о морских походах ободритов нет никаких известий, а проход через имперские земли во Фризию был попросту невозможен. Датский король Хорик I не только не принимал участия в набегах, но и категорически отмежовывался от них, убеждая императора, чтобы он даже казнил захваченных участников таких набегов. Хронисты также нигде не указывают на участие датских королей в подобных операциях (См.: Мельникова Е.А. Укрощение неукротимых: договоры с норманнами. С. 17). Набеги эти предпринимали разбойники – «морские конунги», контролировавшие выход из Балтийского моря и имевшие базы в Западной Ютландии и Южной Норвегии, недостижимые ни для датских конунгов, ни для императора.

125. Wadstein E. Norden och Väst Europa i gammal tid. Stokholm, 1925.

126. Анналы Ксанта / Историки эпохи Каролингов / Отв. ред. А. И. Сидоров. М., 1999. С. 145–151.

127. Беляев Н.Т. Рорик Ютландский и Рюрик начальной летописи. С. 230–231.

128. Житие святого Ангсгария, написанное Римбертом и еще одним учеником / Пер. В.В. Рыбакова // Из ранней истории шведского народа и государства. Первые отношения и законы. М., 1999. С. 44.

129. Там же. С. 51.

130. Annales Xantenses / Ed. G.H. Pertz // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. T. 2. Hannoverae, 1827. P. 235.

131. Vogel W. Die Normannen und das Fränkische Reich. Berlin, 1906. S. 129; Keary C.F. The Vikings in Western Christendom. London, 1891. P. 271.

132. Пчелов Е. Генеалогия древнерусских князей IX – начала XI в. С. 73–74.

133. Ловмянский Х. Рорик Фрисландский и Рюрик «Новгородский». С. 237.

134. Фактически имя Рорик тождественно Рюрику: древнешведское Rørik, Rurik, древнедатское Rørik и древнескандинавское Hrærekr (Николаев С. Семь ответов на варяжский вопрос // Повесть временных лет. Пер. Д.С. Лихачева, О.В. Творогова. Комментарии А.Г. Боброва, С.Л. Николаева, А.Ю. Черного при участии А.М. Введенского и Л.В. Войтовича. СПб., 2012. С. 407).

135. Hollmann H.Fr. Rustringen, die ursprüngliche Heimat des ersten russischen Großfürsten Ruriks und seiner Brüder. Ein historischer Versuch. Bremen, 1816; Голлманн Г.–Фр. Рустрингия, первоначальное отечество первого великого князя Рюрика и братьев его. М., 1819.

136. Крузе Ф. О происхождении Рюрика // Журнал Министерства народного просвещения. 1836. № 1. Январь. С. 43–73; № 6. Июнь. С. 513–517.

137. См., напр.: *Bredsdorf A.* Bemerhunden, die Genealogie des Russischen Fürstengeschlechtes betreffend // *Mèemory Society Royal Antiquaires du Nord.* Copenhagen, 1840. P. 173–176; *Depping H.* Histoires des Normands. Paris, 1843. P. 207.

138. *Беляев Н. Т.* Рорик Ютландский и Рюрик начальной летописи // *Seminarium Kondakovianum.* Т. 3. Прага, 1929. С. 215–270.

139. *Vernadsky G.* The Origins of Rusia. Oxford, 1959. P. 207–208; *Вернадский Г. В.* Древняя Русь. Тверь, 1999. С. 341–344, 380–382.

140. *Pritsak O.* The Origin of Rus'. Vol.1. Cambridze (Mass.), 1981. P. 155.

141. *Гумилев Л.* Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989. С. 160.

142. *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 214.

143. *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993. С. 299.

144. *Молчанов А. А.* Древнескандинавский антропонимический элемент в династической традиции рода Рюриковичей: о роли отдельных компонентов в полиэтнической основе формирования Древнерусского государства // *Образование Древнерусского государства: спорные проблемы.* М., 1992. С. 44–47.

145. *Свердлов М. Б.* Rörík (Hröríkr) i Gordum // *Восточная Европа в древности и средневековье.* М., 1994. С. 36–37.

146. *Кирпичников А. Н.* Сказание о призвании варягов: легенды и действительность // *Викинги и славяне.* СПб., 1998. С. 40–50.

147. *Касиков Х., Касиков А.* Еще раз о Рюрике Новгородском и Рорике датчанине // *Скандинавский сборник.* Т. 33. Таллин, 1990. С. 98–109; *Пчелов Е.* Генеалогия древнерусских князей IX – начала XI в. С. 74–76; *Войтович Л.* Княжа доба на Русі: портрети еліти. С. 196–203; *Его же.* Рюрик: легенди і дійсність. Стан дискусії на початку XXI в. // *Наук. зошити іст. ф-ту ЛНУ ім. Івана Франка: Зб. наук. праць.* Вип. 7. Львів, 2005. С. 25–35; *Его же.* Рюрик: легенды и действительность // *Исследования по русской истории и культуре: Сб. статей к 70-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова / Отв. ред. Ю. Алексеев, А. Дегтярев, В. Пузанов.* М., 2006. С. 111–121.

148. *Азбелев С. Н.* Обзор источников о происхождении Рюрика и версия о его славянских предках // *Известия Русского генеалогического общества.* СПб., 1994. Вып. 1. С. 45–46; *Его же.* О происхождении династии Рюриковичей // *Россия и зарубежье: генеалогические связи. Первый Международный генеалогический colloquium.* М., 1999. С. 7; *Его же.* Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. СПб., 2007. С. 61–86.

149. См.: *Яманов В. Е.* Рорик Ютландский и летописный Рюрик // *Вопросы истории.* 2002. № 2. С. 127–137.

150. *Рыдзевская Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. С. 132.

151. *Ловмянский Х.* Рорик Фрисландский и Рюрик «Новгородский». С. 224–230.

152. *Шаскольский И. П.* Норманская теория в современной буржуазной историографии. М.; Л., 1965. С. 211.

153. *Пчелов Е.* Генеалогия древнерусских князей IX – начала XI в. С. 75.

154. См.: *Археологическое исследование Новгородской земли.* Л., 1984.

С. 25–45.

155. *Азбелев С.Н.* Гостомысл // Варяго-русский вопрос в историографии. М., 2010. С. 598–618.

156. *Annales Fuldenses* (680–901) // MGH SS. T.1. P. 372.

157. *Annales Xantenses* // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum. Hannoverae–Leipsigae, 1909. P.14; Ксантенские анналы // Историки эпохи Каролингов / Пер. с лат. А.И.Сидорова. М., 1999. С. 151.

158. Кведлинбургские анналы // Немецкие анналы и хроники X–XI столетий / Пер. с лат. И.В.Дьяконова. М., 2012. С. 37.

159. Алтайхские анналы // Там же. С. 97.

160. Хильдесхайские анналы // Там же. С. 229.

161. *Лавровский П.А.* Исследование о летописи Якимовской // Ученые записки Второго отделения Императорской академии наук. Кн. 2. Вып.1. СПб., 1856. С. 113.

162. *Пчелов Е.В.* Рюрик. М., 2010. С. 62, 66.

163. Там же. С. 64–67.

164. *Nerman B.* Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der Jüngerer Eisenzeit. Stockholm, 1929. S. 48.

165. *Kunik A.* Die Berufung der Schwedischen Rudsen durch den Finnen und Slawen. Sent-Petersburg, 1844. S. 131–134.

166. *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества. С. 286.

167. *Ловмянский X.* Русь и норманны. С. 275.

168. *Гринев Н.Н.* Легенда о призвании варяжских князей (об источниках и редакциях в Новгородской первой летописи) // История и культура Древнерусского государства. М., 1989. С. 31–43.

169. *Томсен В.* Начало русского государства. М., 1891. С. 65; *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия. С.168; *Schramm G.* Die erste Generation der altrussischen Fürstendynastie. Philologische Argumenten für die Histoorrytüt von Rjurik und seine Brüdern // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 28. 1980. S. 321–333.

170. *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия. С. 166–167.

171. Там же. С. 168.

172. *Мельникова Е.А.* Происхождение правящей династии в раннесредневековой историографии. Легитимизация иноэтничной знати // Элита и этнос средневековья. М., 1995. С. 39–44; *Она же.* Рюрик, Синеус и Трувор в древнерусской историографической традиции // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти чл.-кор. РАН А.П. Новосельцева / Отв. ред. к.и.н. Т.М. Калинина. М., 2000. С. 142–159.

173. Там же. С. 158.

174. Там же. С. 149–157.

175. *Шлецер А.-Л.* Нестор. Т. 1. СПб., 1876. С. 202–205.

176. *Касиков Х., Касиков А.* Еще раз о Рюрике Новгородском и Рорике Датчанине. С. 214.

177. *Фроянов И.Я.* Мятёжный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб., 1992. С. 100–103.

178. *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь: князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 123–125.
179. *Лосева О.В.* Русские месяцесловы XI–XIV веков. М., 2001. С. 313.
180. *Зиборов В.К.* О летописи Нестора: основной летописный свод в русском летописании XI в. СПб., 1995. С. 56; Романовы и Рюриковичи. О родословной легенде Рюриковичей // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 47–54.
181. *Бестужев-Рюмин К.Н.* Древняя русская история. СПб., 1879. С. 390.
182. *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 2. М., 1963. С. 41, 218, 227, 252–253, 305.
183. *Bayer Th. S.* De Varagis // Commentarii Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae. Т. 4 (ad annum 1729). 1735. P. 301.
184. См.: *Демин С.В.* Олег – основатель государства Киевской Руси. URL: http://ulfdalir.narod.ru/literature/guests/Demin_Oleg.htm (дата обращения: 2.05.2013).
185. См.: *Мельникова Е.А.* Ольга / Олег Вещий. К истории имени и прозвища первого русского князя // Ad fontem: У источника. Сб. статей в честь С.М. Каштанова. М., 2005. С. 138–146; *Мыцько И.З.* Датское происхождение князя Олега // Скандинавские древности. Интернет-конференция. 10–30 сентября 2010. URL: <http://conference.dansk.ru/content/view/28/39> (дата обращения: 2.05.2013).
186. *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь. С. 126.
187. *Мачинский Д.А.* Почему и в каком смысле Ладогу следует считать первой столицей Руси // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша: связующие пути и организующие центры. Шестые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21–23 декабря 2001 г. Сборник статей. СПб., 2002.
188. *Гиппиус А.А.* Новгород и Ладога в «Повести временных лет» // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического исследования Новгородского Рюрикова городища и Новгородской областной археологической экспедиции / Ред. Е.Н. Носов и А.Е. Мусин. СПб., 2007.
189. *Вилкул Т.Л.* Ладога или Новгород? // *Paleoslavica*. Т. 16. № 2. Cambridge (Mass.), 2008. P. 272–280.
190. *Носов Е.Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. С. 190–199.
191. *Джаксон Т.Н.* О названии Руси Gardar // *Scando-Slavica*. Т. 30. 1984. С. 140–143; Его же. Наименование Древней Руси и Новгорода в древнескандинавской письменности: о возникновении топонимов Gardar и Hólmgarðr // Скандинавский сборник. Вып. 30. Таллин, 1986. С. 85–95; *Джаксон Т.Н., Молчанов А.А.* Из истории формирования древнескандинавской топонимии пути «из варяг в греки» // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1986. С. 59–61.
192. *Седых В.Н.* Клады эпохи Рюрика: археолого-нумизматический аспект // XIII Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. 11–15 апреля. М., 2005. С. 106–107.
193. *Vogel W.* Die Normannen und das Fränkische Reich. Berlin, 1906. S. 236.

Всеволод МЕРКУЛОВ

НАЧАЛО РУСИ ПО ГЕРМАНСКИМ ИСТОЧНИКАМ (К уточнению научной проблематики)

Начало Руси и формирование древнерусской государственности – это комплексная научная проблема, в которой немалую роль играют германские исторические источники. Они довольно информативны и позволяют существенно конкретизировать как локальные вопросы, так и общий взгляд на раннюю историю Руси.

Как известно, традиция связывать варягов с Южнобалтийским побережьем имеет давние и серьезные научные основания. Но мы не будем возвращаться к этой теме в ее широком историческом значении и сосредоточимся на ряде внутренних вопросов, которые можно успешно решить с привлечением германских источников.

Варяги сыграли ключевую роль в ранней российской истории, создав первую правящую династию и укрепив позиции Древнерусского государства на международной арене того времени. Собственно, начало Руси связано с самим призванием варягов, о котором повествует летопись, и вокруг которого не утихают научные дискуссии. На протяжении довольно длительного времени ученые вели спор о расположении варяжской прародины, максимально близко приблизившись сегодня к окончательному решению этой серьезной проблемы.

Впрочем, во многом вековой спор «норманистов» и «антинорманистов» выходил из той плоскости, которую предоставляют нам исторические источники. Например, в летописи прародина варягов указывается вполне определенно. Согласно «Повести временных лет» варяги «сидят по морю... к западу до земли аглянской», т.е. до исторической области Ангельн в Шлезвиге, как можно предположить. Здесь прослеживается прямое указание на южное побережье Балтийского моря.

Таким образом, под прародиной варягов понимается современная немецкая земля Мекленбург – Передняя Померания, непосредственно граничащая с землей Шлезвиг-Гольштейн. Причем никакая другая предположительная локализация варягов на географической карте не соответствует столь точно летописному свидетельству. Не случайно франкский император Карл Великий в начале IX в. утвердил единый сразу для обеих соседних областей закон, получивший название «Правды англов и варинов».

Получается, что германские источники в наибольшей степени связаны с регионом, из которого летописец выводил варягов. И в

этом заключается их безусловное преимущество. Помимо этого, Новгородская IV летопись дает пусть и позднее, но весьма важное уточнение к известной легенде о призвании варягов-руси:

«Избрашася от Немець три браты с роды своими, и пояша съ собою дружину многу. И пришедь старейшиною Рюрикъ седе в Новогороди, а Синеоусь, брат Рюриковъ, на Белиозере, а Труворъ вы Изборьске; и начаша воевати всюды. Отъ техъ Варягъ находничехъ прозвашася Роусь, и отъ техъ словеть Роуская земля; и суть Новгородстии людие и до дняшнего дни отъ рода Варяжеска»¹.

По всей видимости, переселение с южного и юго-восточного берегов Балтийского моря в Приильменье и Приладожье происходило на протяжении нескольких столетий, как минимум, со времени Рюрика. Оно стало завершаться лишь к тому моменту, когда крестоносцы полностью захватили Померанию и Пруссию. Изначально в новгородском делопроизводстве применяется термин «варяги». Позднее выходцы с Южной Балтики получали прозвище «из Немец», указывавшее на выселение из земель, захваченных «немцами», или «из Прус» - по названию области, которое сохранилось даже после немецкого завоевания.

Хорошо известна точка зрения средневекового автора Сигизмунда Герберштейна, упоминавшего о русской прародине на южном берегу Балтийского моря². При этом Герберштейн выразил широкое мнение, бытовавшее в просвещенных кругах Европы того времени. Его же придерживался знаменитый исследователь мекленбургских генеалогий Николай Маршалк³. Тенденция сохранялась и в других работах, писавшихся независимо друг от друга.

Естественно, отношение к подобным свидетельствам должно быть не только внимательным, но и достаточно взвешенным с научной точки зрения. Конечно, мы не можем с полной уверенностью судить об объективных исторических обстоятельствах начала Руси по немецким работам XVI-XVIII вв. Однако важно установить истоки той историографической традиции, которая связывала варягов и Русь с южным побережьем Балтики. В связи с этим можно сделать некоторые интересные наблюдения.

Летописная легенда о призвании варягов оказывается полностью созвучной тому, что написал в XVI в. мекленбургский ученый Иоганн Фридрих Хемниц. Он привел предание, согласно которому Рюрик с братьями происходили с южного берега Балтики и были сыновьями князя Годлава (Годлиба или Годелайба)⁴. Эту династию связывали с городом Рерик, разрушенным данами в 808 г. Хемниц основывался на данных более древнего манускрипта из Шверинского архива, который не сохранился до наших дней. В то же время важно, что и Хемниц, и предшествовавший ему автор шверинского манускрипта вряд ли могли использовать информацию из русских летописей, которые стали известны в Германии только в первой половине XVIII в. благодаря переводам Герарда Фридриха Миллера.

Следовательно, свидетельства о Рюрике и варягах в германских документах появились из неких других источников, не связанных с древнерусским летописанием. Причем информация этих источников в целом соответствовала летописным свидетельствам, за исключением некоторых деталей. К примеру, германские авторы употребляли форму имени Сивар, а не Синеус, или датировали само варяжское призвание 840 г. По всей видимости, с теми же источниками соотносится известная легенда о Рюрике и его братьях, записанная путешественником К. Мармье в Мекленбурге⁵.

Итак, согласно германским источникам, Рюрик с братьями были «призваны» около 840 г., что представляется довольно правдоподобным. Хронология Начальной летописи достаточно условна и оставляет немало противоречий. Однако некоторые летописные списки, на наш взгляд, более точно, нежели германские источники, указывают на место «призвания». Вероятнее всего, это был не Новгород, а Ладога, заложенная варягами еще в середине VIII в. Новгород Рюрик «срубил» позднее, о чем свидетельствует и название города. По археологическим данным, он был основан не ранее IX в.

На основании этого можно допустить, что и «Сказание о призвании варягов», которое А.Г. Кузьмин считал местным ладожским преданием⁶, и сообщения германских источников о Рюрике восходят к общему первоисточнику. При этом данные русских летописей могут дополняться и даже уточняться данными германских документов, получая новое историческое содержание. И связи Руси с варяжской Померанией оказываются глубже, чем можно представить. Приведем ряд показательных примеров.

Немецкий краевед Йохан Гюнтер опубликовал несколько мекленбургских народных преданий и сказок. Одна из них называлась «Ведьма» (De Hex). В данном случае сюжет сказки не столь важен – она представляет собой довольно типичное произведение. Однако первые строки очень интересны: «В одном большом селе, расположенном близ Эльды в юго-западном Мекленбурге, во времена московитов жила-была злобная ведьма...»⁷.

Остается загадкой, зачем в некоем селе на юге Балтики безо всякой привязки к сюжету сказки вспоминать про «московитов». Почти не вызывает сомнений, что фраза «во времена московитов» употреблена в тексте в качестве синонима типичного фольклорного выражения вроде «в незапамятные времена». Как известно, в источниках «московитами» называли русских из Великого княжества Московского XIV–XVI вв. Но можно предположить, что по аналогии в эту эпоху «московитами» могли именовать и русов более раннего времени.

Данное упоминание «московитов» на юге Балтики не является единственным. Сохранилось любопытное историческое предание, связанное с городом Кессин, расположенным близ Ростка. В частности, «жители крепости (Кессин. – Прим. авт.) сражались с московитами, и король их был убит, немногим удалось спастись из уцелевшей

крепости, а сама цитадель с замком была разграблена врагами. Не нашли московиты только самое ценное – стол из золота и золотого идола бога. Эти сокровища были спрятаны герцогом на дне глубокого колодца»⁸.

Упомянутая в сказании крепость Кессин – это городской центр кессинов (или хижан), входивших в южнобалтийский племенной союз велетов/вильцев⁹. Замок Кессин располагался в нижнем течении реки Варнов, в окрестностях города Росток. Крепость просуществовала до второй половины XII в., когда была разрушена войсками датского короля Вальдемара I. Сейчас на месте некогда серьезной цитадели находится одноименный населенный пункт.

Конечно, историчность приведенного сказания можно поставить под вопрос. Однако очень часто устное наследие сохраняет в форме преданий память о реальных исторических событиях, причем порой весьма древних.

В предании подчеркивается, что крепость в Кессине уцелела после захвата города московитами. Поэтому можно предположить, что описываемые в сказании события имели место не позднее XII в. Подтверждает это и упоминание спрятанного золотого идола – очевидно, речь идет об эпохе открытой приверженности жителей города язычеству.

Иными словами, перед нами еще одно историческое сказание, в котором «московиты» фигурируют в истории южнобалтийского региона. По всей видимости, автор предания имел в виду тех, кто вполне определенно ассоциировался у него с Русским миром.

Все это позволяет еще больше детализировать варяжский вопрос, связывая его с Южной Балтикой. Если Сигизмунд Герберштейн получил сведения о происхождении варягов в самой Московии, то северогерманский фольклор доносит до нас как бы свидетельства этой традиции «с той стороны».

Что касается альтернативной точки зрения о происхождении варягов, то достаточно процитировать шведского автора Петра Петрея, который писал: «...Я нигде не мог отыскать, что за народ были варяги, и потому должен думать и войти в подробные разыскания, что они пришли из Шведского королевства или из вошедших в состав его земель, Финляндии и Ливонии»¹⁰.

Как известно, мнение о «скандинавском» происхождении варягов является одним из глубинных заблуждений в отечественной истории. Не раз отмечалось, что оно основано преимущественно на «догадках» шведских авторов XVII в., среди которых важную роль сыграл писатель Петр Петрей. Впрочем, Швеция появилась в варяжском вопросе отчасти логично. Дело в том, что прародина варягов на Южнобалтийском побережье в первой половине XVII в. входила в состав Шведского королевства. Так что человек, писавший о варягах в то время, вполне мог обобщать. Получалось, что варяги будто бы «пришли из Швеции» в ее тогдашних границах. Но сегодня такая

полуправда, применимая к конкретной исторической эпохе, конечно, не может претендовать на серьезное научное значение.

Отдельное внимание в германских источниках уделяется родословной Рюрика. Мекленбургский историк Матиус Иоганн фон Бэр писал, что у «короля рутенов и ободритов» Витислава был сын Годелайв, у которого, в свою очередь, были сыновья Рюрик, Сивар и Трувор. Позднее Рюрик основал Новгород и стал великим князем Руси¹¹. Сам Витислав, будучи союзником Карла Великого, известен по франкским хроникам. Вообще франкские документы сообщают о вражде ободритов и велетов/вильцев (что позволяет, например, несколько иначе взглянуть на предание о нападении «московитов» на крепость Кессин, приведенное выше).

В целом средневековые мекленбургские генеалогии являются ценными историческими источниками, которые еще не изучены в полной мере. В то же время уже сейчас очевидно, что они способны существенно дополнить представление о тесных контактах Руси с южнобалтийским Поморьем. Мекленбургские родословные позволяют прямо связывать древнерусскую историю с Северной Германией. Помимо этого, они прекрасно соотносятся со всем комплексом источников, позволяющих локализовать прародину летописных варягов – основателей Древней Руси – на южном берегу Балтийского моря.

К широкому перечню генеалогических документов относится родословная мекленбургских королей и герцогов, которая принадлежит к числу древностей Доберанского монастыря.

Город Доберан расположен между Ростком и Висмаром – в десяти километрах от Рерика и в непосредственной близости от Южнобалтийского побережья. Впервые он упоминается в источниках во второй половине XII в. как «villa Slavica Doberan» (предположительно от личного имени Добран). В 1164 г. в ходе христианизации Поморья здесь был основан цистерцианский монастырь, в котором обособились двенадцать монахов. Очень быстро он завладел обширными территориями, доходившими на востоке до «вендского города» Росток.

Помимо этого, монастырь в Доберане стал использоваться для погребения представителей мекленбургской правящей династии. В 1172 г. там была похоронена Воислава – супруга князя Прибыслава, принявшего крещение. Когда сам Прибыслав погиб в 1178 г. в результате несчастного случая на рыцарском турнире, он был также захоронен в Доберанском монастыре.

В следующем столетии здесь проходили посвящение епископы Шверина, ставшего столицей Мекленбургской области, и велись многочисленные теологические диспуты. К началу XV в. Доберанский монастырь пережил период своего расцвета, после того как папа Римский Бонифаций IX даровал его аббату право использовать епископские регалии.

Вплоть до Реформации Доберанский монастырь играл существенную роль в церковной истории южнобалтийского Поморья. После

секуляризации в 1552 г. на его месте возникла административная резиденция Мекленбургского герцогства с постоянным двором, палатами, многочисленными хозяйственными постройками и охотничьим домиком¹².

Сегодня Доберанский монастырь по праву считается усыпальницей, которая имеет огромное историческое и культурное значение. В дополнение к некрополю была создана уникальная композиция, которая представляла собой родословное древо мекленбургских правителей. Самое удивительное заключается в том, что создатели отобразили генеалогию на витраже арочного окна в соборе Доберанского монастыря. В ней были указаны представители вендской династии от последнего языческого короля Никлота, отца Прибыслава, до Иоханна II, который был правителем Верле и скончался в 1337 г., то есть первые шесть поколений «исторических» князей Мекленбурга.

Доберанский монастырь (нем. Kloster Doberan) - бывший цистерцианский монастырь в Бад-Доберане. Первый монастырь, учрежденный в Мекленбурге, он появился после крещения князя вендов Прибыслава и превратился в важный духовный, политический и экономический центр.

Соответственно, можно предположить, что витражная генеалогия была создана в первой половине - середине XIV в. и является, таким образом, одним из старейших мекленбургских родословий, которые известны на сегодняшний день. Достоверность этого источника подтверждается тем, что он был неотъемлемой частью погребального комплекса, объединившего в себе захоронения лиц, которые упоминаются в родословии на витраже.

Доберанская генеалогия отнюдь не уводит нас к легендарным истокам мекленбургской династии, как многие аналогичные источники. В родословии указаны только реальные персонажи, существование которых не вызывает никаких сомнений. Также очевидна и их прямая принадлежность к мекленбургскому дому, подтвержденная другими документами.

Центральными фигурами Доберанской генеалогии являются Никлот и Прибыслав. Согласно Гельмольду, оба яростно сопротивлялись христианизации, что дало основание хронисту назвать их «мрачными чудовищами, враждебными христианам»¹³. Однако первый погиб в 1160 г. при обороне родового замка Верле, а второй в конце концов был вынужден принять новую веру.

В Доберанской генеалогии Никлот и Прибыслав указаны как Rex Wagirorum, то есть «вагрийские короли». По всей видимости, это ука-

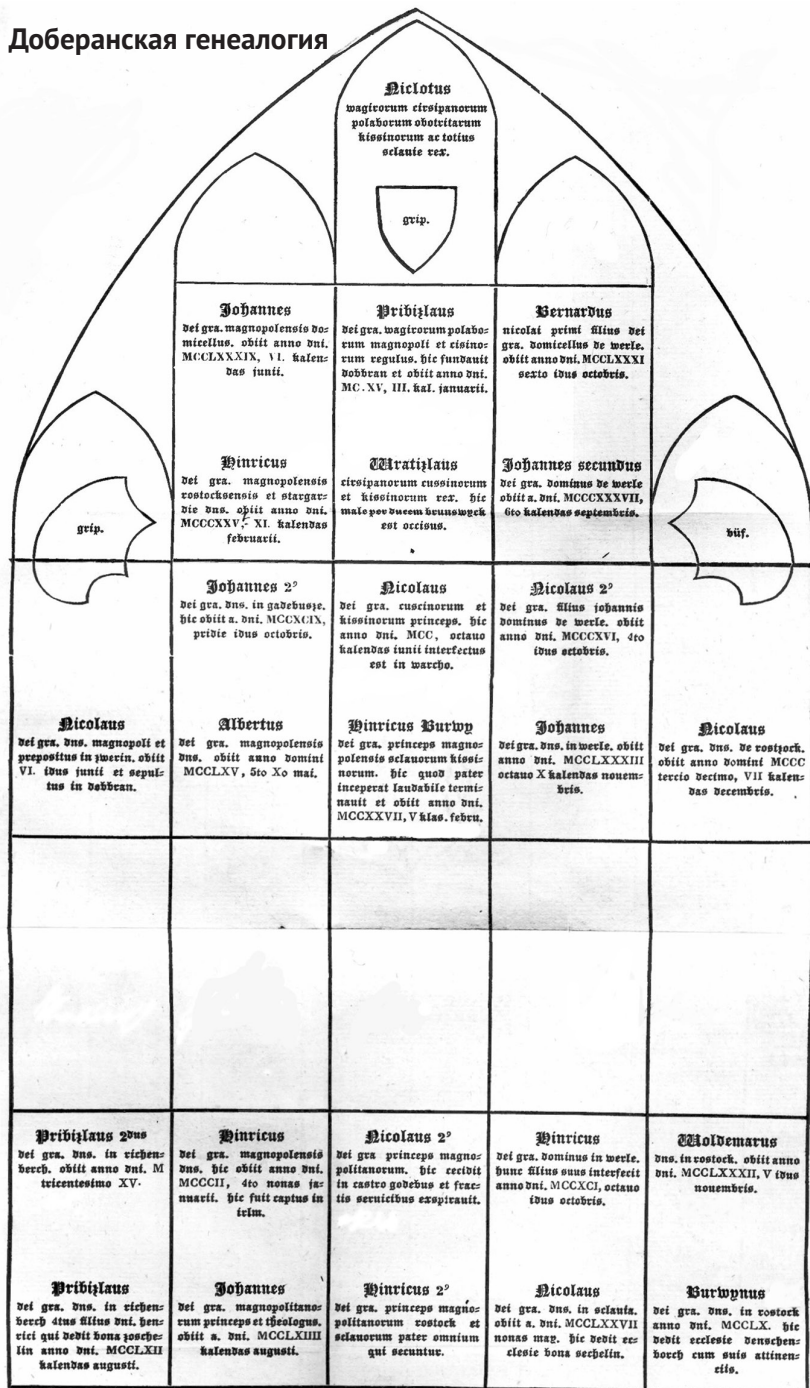
Варин (нем. Warin) - город в Германии, в земле Мекленбург - Передняя Померания.

зание оказывается тождественным Rex Wairensium (по Гельмольду). О самом государстве Никлота и Прибыслава хронист дает довольно точные сведения: «Из всех северных народов только славяне были упорнее других и позже обратились к вере. Как я уже говорил, славянских народов много, и те из них, которые называются винулами или винитами, по большей части относятся к Гамбургской епархии. Ибо Гамбургская церковь, помимо того, что она, будучи столицей митрополита, охватывает все северные народы или страны, имеет также определенные границы своей епархии. В нее входит самая отдаленная часть Саксонии, которая расположена по ту сторону Альбии и называется Нордальбингией (...). Оттуда граница тянется до земли винитов, тех именно, которые называются вагры, ободриты...»¹⁴.

Однако написание «вагры» (Wagiri) отнюдь не являлось традиционным для источников. В этом смысле Гельмольд является скорее исключением, отчасти следуя за Адамом Бременским, который использовал написание Waigri¹⁵. В широком перечне других исторических документов этот этноним также локализуется на Южнобалтийском побережье, но указывается как «варины» или «вари»: Varini (Тацит), Varinnae (Плиний Старший), Varni (Прокопий), Waari и Wari (Видукинд), Waari (Анналист Саксон), Wari (Титмар). При этом наблюдается довольно точное соответствие тому написанию – Wairensium, которое Гельмольд использует для названия народа (страны) Никлота и Прибыслава.

Доберанская генеалогия

По этой причине нет необходимости доказывать лингвистическую связь между формами «варяги» и «вагры», так как последняя является исключением, отклонением от «нормального» написания. Естественно, настаивая на обратном, оппоненты уводят обсуждение проблемы в сторону. В результате мнимая проблематика отдаляет историков от решения актуальных вопросов. Однако форма «варины» или «вари» довольно однозначно соответствует летописному написанию «варязи».

Доберанская генеалогия, обозначая Никлота и Прибыслава «королями варягов», становится чрезвычайно ценным источником по начальному периоду русской истории, в которой варяжский вопрос имеет, пожалуй, важнейшее и наиболее принципиальное значение. Но научная значимость родословия из Доберанского монастыря этим не ограничивается.

Историческая методология позволяет экстраполировать подтвержденные документальные сведения на другие подобные источники. В данном случае достоверность Доберанской генеалогии подтверждается как иными свидетельствами (в частности, Гельмольдом), так и достоверностью существования Никлота и Прибыслава, а также их принадлежностью к мекленбургской династии.

Следовательно, данные Доберанской генеалогии можно соотнести с другими мекленбургскими родословиями, в достоверности которых у некоторых исследователей до сих пор возникают сомнения. Сразу оговоримся, что речь идет не о правдоподобности свидетельств об отдельных «легендарных прародителях», а об исторической достоверности мекленбургской генеалогической традиции в целом.

Доберанская генеалогия была создана во время правления прямых потомков Никлота (и, вероятно, по их же поручению при оформлении усыпальницы в Доберане), что сводит к минимуму хронологический разрыв и подтверждает преемственность родословной традиции. Никлот – реальное историческое лицо – называется в ней «королем варягов» (*Rex Wagirorum*), и это позволяет уверенно переносить данный титул и на его предшественников. Наконец, в этом свете принадлежность летописного варяга Рюрика к варяжской (или вагрийской) династии королей Мекленбурга представляется весьма обоснованной, подтверждая сведения других мекленбургских генеалогий.

В заключение, можно сформулировать краткие выводы, позволяющие уточнить научную проблематику по обозначенной теме.

Во-первых, германские источники имеют большое значение для исследования и успешного решения научной проблемы начала Руси. Они помогают конкретизировать и дополнять летописные свидетельства о призвании варягов, позволяя уверенно связывать их с южным берегом Балтийского моря. При этом германские источники не связаны с собственно древнерусскими.

Во-вторых, германские источники о начале Руси по большей части укладываются в единую традицию. Они не только не противоречат, но

и полностью согласуются с очевидной параллелью между летописными варягами и южнобалтийскими варинами. В этом смысле германские источники позволяют надежно обосновать происхождение варягов с южного побережья Балтики и ассоциировать их с варинами.

Наконец, германские источники позволяют «углубить» варяжский вопрос, связывая начало Руси с цивилизационным развитием всего Южнобалтийского региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. М., 2000. С. 11.
2. *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. СПб., 1908. С. 4.
3. *Marschalk N.* Die Mecklenburger Fürstendynastie und ihre legendären Vorfahren. Die Schweriner Bilderhandschrift von 1526. Bremen, 1995.
4. *Chemnitz J.Fr.* Genealogia regum, dominorum et ducum Megapolensium...; notae adjectae... Joh. Christ. Beselinii / Westphalen, Mon. ined. II, 1615-1726. (Неопубликованная рукопись: Chemnitz, Chronicon. Schwerin, Hauptarchiv).
5. *Marmier X.* Lettres sur le Nord. Paris, 1857. P. 25-26. Первое указание на этот источник мы находим у Владимира Чивилихина в кн.: Память. М., 1982.
6. Кузьмин А.Г. К вопросу о происхождении варяжской легенды // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 42-53.
7. *Günther J.Ch.F.* Meklenburgische Volkssagen und Volksaberglaube // Verein für Mecklenburgische Geschichte und Altertumskunde: Jahrbücher des Vereins für Mecklenburgische Geschichte und Altertumskunde. Bd. 8 (1843), S. 206.
8. *Иванова-Бучатская Ю.В.* Plattes Land: Символы Северной Германии (славяно-германский этнокультурный синтез в междуречье Эльбы и Одера). СПб., 2006. С. 97.
9. *Херрманн Й.* Ободриты, лютичи, руяне / Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 338.
10. Подробнее см.: *Петрей П.* История о Великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 151-464.
11. *Beehr M.J.* Rerum Meclenburgicarum. Leipzig, 1741. S. 30-31.
12. Подробнее см.: *Erdmann W.* Zisterzienser-Abtei Doberan. Kult und Kunst. Königstein/Taunus, 1995; *Minneker I.* Vom Kloster zur Residenz: Dynastische Memoria und Repräsentation im spätmittelalterlichen und frühneuzeitlichen Mecklenburg. Münster, 2007.
13. Дословно в тексте: Fueruntque hii duo truculentae bestiae, Christianis valde infesti.
14. Helm. Lib. I. Cap. VI.
15. Adam, Hist. eccl., Lib. II, Cap. 18.

Александр МАЙОРОВ

ДАНИИЛ ГАЛИЦКИЙ И «ПРИНЦ ТАРТАР» НАКАНУНЕ НАШЕСТВИЯ БАТЫЯ НА ЮЖНУЮ РУСЬ

*Данные венгерских и русских источников
о контактах Даниила с татарами*

Жалованная грамота венгерского короля Бела IV, адресованная некоему Николаю, сыну Обичка из Зюд (Nikolaus filius Obichk de Zyud)¹, датирована 22 апреля 1244 г. В ней речь идет о пожаловании этому королевскому сервиенту в награду за верную службу в период татарского нашествия земли Коаржег (terra Koarzeg)².

Документ сохранился в оригинале и трех копиях конца XIII в., одна из которых представляет собой подтверждение пожалования 1244 г., сделанное королем Андреем III в 1291 г. По свидетельству Рихарда Марсины, автора последней публикации документа, оригинал дошел до нас в виде грамоты, писанной на листе пергамента (485×437+73 мм), которая происходит из архива семьи Мадяч (Madách). Ныне эта грамота хранится в Архиве актов Венгерского национального архива в Будапеште (Magyar Országos Levéltár, Diplomatikai Levéltár. DL 72302)³.

Как явствует из документа, упомянутый в нем Николай (Миклош), сын Обичка из Зюд, был королевским послом, выполнявшим важные дипломатические поручения и побывавшим при папском дворе, а также в Венеции, Болгарии и на Руси. Во время посещения Руси он встречался с князем Даниилом и привез от него послание к королю Беле, касавшееся взаимоотношений с татарами.

В грамоте читаем: «В русские и болгарские земли он (Николай. – А.М.) отправлялся послом от нас, обещал нам подробный рассказ светлейшего герцога Даниила, который, повидав принца Тартар, возвращался домой и поэтому видел и разузнал положение дел у тартар и при помощи пера донес разведанное»⁴.

М.С. Грушевский первым обратил внимание на приведенное свидетельство грамоты Бела IV и, сопоставив его с рассказом Галицко-Волынской летописи о поездке Даниила в Орду, датируемым концом 1245 – началом 1246 г., пришел к выводу, что источники говорят о разных встречах князя с татарами. Однако с каким татарским принцем

мог видаться Даниил до поездки к Батыю, Грушевский определить не смог, предположив лишь, что это мог быть один из темников, например Мауци (Могучий)⁵.

О связях Даниила с монголо-татарами, установленных до поездки в Орду, писал, ссылаясь на упомянутую грамоту Белы, В.Т. Пашуто, не входя, впрочем, в детальное обсуждение вопроса⁶. Грамота Белы, по мысли А. Авенариуса, свидетельствует, что около 1244 г. состоялась первая, неизвестная по другим источникам, поездка князя в Орду⁷.

Я.Р. Дашкевич обратил внимание на сообщение Галицко-Волынской летописи о том, что сам Батый искал встречи с Даниилом, возвращаясь из своего похода в Венгрию, когда послал к князю двух богатырей - Манмана и Балая⁸. Встреча между ними и, следовательно, первый контакт Даниила с Батыем должны были состояться еще в 1243 г. Именно об этой встрече русского князя с «принцем Тартар», по мысли историка, сообщил венгерскому королю его посол Николай⁹.

Такого же взгляда придерживается В.Н. Нагорный, предположивший, что целью миссии Манмана и Балая было подчинение галицко-волынского князя Батыю, и эта цель, судя по всему, была достигнута¹⁰. М. Бартницкий, опираясь на данные грамоты Белы IV, сделал предположение, что до апреля 1244 г. Даниил мог даже совершить поездку в Монголию и заручиться поддержкой центрального правительства империи¹¹.

Следует, однако, заметить, что использование сведений жалованной грамоты венгерского короля от 22 апреля 1244 г. вызывает ряд серьезных затруднений, а сам этот документ требует специального источниковедческого исследования.

Прежде всего, в начальном протоколе грамоты использована совершенно нетипичная для 1240-х гг. интитуляция: «[Б]ела, милостью Божией король, первородный [сын] короля Венгрии» (*[B]ela, dei gracia rex primogenitus regis Hungarie*). В других документах этого времени Бела IV титуловался иначе, например: «Бела, милостью Божией король Венгрии, Далмации, Хорватии, Рамы, Сербии, Галиции, Лодомерии и Комании» (*Bela, dei gracia Vngarie, Dalmacie, Croacie, Rame, Servie, Gallicie, Lodomerie Comanieque rex*)¹².

Далее, интересующая нас грамота, как и большинство королевских документов, имеет двойную датировку – по числу лет от Рождества Христова и числу лет правления самого Белы IV. В нашем случае дата конечного протокола имеет следующий вид: грамота дана «в год воплощения Господня тысяча двести сорок четвертый, десятые календы мая, нашего королевства двадцатый» (*anno dominice incarnationis millesimo ducentesimo quadragesimo quarto, X kalendas maii, regni autem nostri vicesimo*).

Однако, если исходить из общепринятой даты коронации Белы IV эстергомским архиепископом – 14 октября 1235 г.¹³, приведенные в жалованной грамоте даты не соответствуют друг другу: 22 апреля 1244 г. приходится не на двадцатый, а на середину девятого года правления Белы.

Отмеченные особенности документа вызвали различные толкования у исследователей, заставляя колебаться в определении даты издания грамоты, а иногда даже сомневаться в ее подлинности.

Указав на противоречие в датировке грамоты, Дьёрдь Фейер и Мориц Вертнер склонялись в пользу достоверности второй даты – по числу лет правления короля Белы – и в результате датировали документ 1254 г.¹⁴ При такой датировке в источнике могла идти речь о поездке Даниила в Орду на рубеже 1245–1246 гг., подробно описанной в Галицко-Волынской летописи.

Отдавая приоритет известию русской летописи, Дюла Паулер датировал королевскую грамоту 1246 г.¹⁵ Эту датировку принимают и некоторые новейшие исследователи, в частности Тору Сенга и Марта Фонт¹⁶. Т. Сенга сделал вывод, что содержание грамоты противоречит ее датировке. Историк предположил, что посольство Миклоша было связано с событиями 1246 г.: встречей Даниила с папским легатом Плано Карпини, бракосочетанием дочери Белы Констанции и сына Даниила Льва и участием русского князя на стороне венгров в битве на Лейте¹⁷.

Сомнения насчет аутентичности грамоты Белы IV высказывает Дариуш Домбровский. Вместе с тем содержащиеся в документе сведения о контактах Даниила с неким монгольским правителем, имевшие место ранее весны 1244 г., историк находит вполне достоверными¹⁸.

Высказывались и более категоричные суждения. Янош Карачоньи и Имре Сентпетери сочли грамоту от 22 апреля 1244 г. фальсификацией. Помимо странной путаницы в датировке и сомнительного королевского титула, исследователи указали на некоторые другие нетипичные особенности документа¹⁹. Правда, И. Сентпетери признал, что в конце XIII в. в королевской и архиепископской канцеляриях документ воспринимался как подлинный, о чем, в частности, свидетельствует проведенная в 1296 г. специальная экспертиза, на основании которой было подтверждено сделанное от имени короля Белы IV земельное пожалование²⁰.

Обобщив наблюдения венгерских археографов и источниковедов, Я.Р. Дашкевич сделал вывод: подозрительность или фальшивость грамоты с узко дипломатической (юридической) точки зрения не исключает правдивости хотя бы части содержащихся в ней сведений. К сведениям жалованной сервиенту Миклошу грамоты, которые в

историческом и источниковедческом отношении выдерживают критику, историк отнес и «упоминание о встрече Даниила с татарским полководцем ранее 1244 г.»²¹.

Оригинал грамоты 22 апреля 1244 г.

Как видим, в изучении интересующего нас источника сложилась весьма парадоксальная ситуация. При общем позитивном отношении к свидетельству королевской грамоты о контактах Даниила Романовича с одним из предводителей татар до поездки в Орду сама эта грамота вызывает серьезные сомнения в своей подлинности. Во всяком случае, подозрительной представляется дата издания грамоты, следовательно, неясным остается и время упомянутой в ней встречи Даниила с «принцем Тартар».

Попытку разрешить это противоречие предпринял недавно М. М. Волощук, автор единственного на сегодня специального источниковедческого исследования грамоты 22 апреля 1244 г.²² В пользу подлинности грамоты, по мнению историка, свидетельствует ее трехкратное подтверждение в 1281, 1291 и 1296 гг. Что же касается противоречия в датировке акта, то нельзя исключать возможности ошибки позднейшего переписчика при копировании одной из дат издания грамоты, значившейся в оригинале. Согласно Волощуку, окончательный ответ на этот вопрос может дать сравнительное изучение всех известных списков королевской грамоты²³.

Такое исследование, однако, уже проделано, и результаты его не оставляют сомнений в том, что противоречивая датировка значилась уже в оригинале грамоты. В 1987 г. текст акта был опубликован по сохранившемуся до нашего времени оригиналу. Описание документа, данное Р. Марсиной, характеризует его как предположительно подлинную королевскую грамоту. О подлинности, в частности, свидетельствует сохранившийся фрагмент двусторонней вислой печати Белы IV из коричневого воска диаметром 50 мм (40 мм в средней части) на красной шелковом (?) шнуре²⁴.

Насколько можно судить, ранее исследователи имели дело лишь с копиями и регестами грамоты 1244 г. Историков интересовал только текст документа, и свои суждения о подлинности акта они строили, исходя из его формулярного анализа. Сказанное, по-видимому, относится и к Дьёрдю Фейеру, первым опубликовавшему документ. Он воспользовался списком из коллекции известного собирателя рукописей и произведений искусства Миклоша Янковича (1772 -1846)²⁵. Опубликованный Фейером документ близок по тексту к оригиналу, но не тождественен ему.

То же самое следует сказать и о публикациях Густава Венцеля²⁶ и Фердинанда Кнауца²⁷. В них не учтены палеографические особенности оригинала грамоты, на которые указывает Р. Марсина, в частности отсутствие заглавной буквы в имени короля Белы, для написания которой оставлен пропуск. Очевидно, не имели дела с оригиналом грамоты 1244 г. Янош Карачоньи и Имре Сентпетери.

Исключение составляет публикация Карла Рата, не только указавшего на отсутствие в оригинале грамоты заглавной буквы в имени Белы, но и отметившего, что грамота имеет вислую печать на красном шелковом шнуре (*vörös selyem zsinórról függő pecsét*). В момент публикации оригинал грамоты принадлежал выдающемуся венгерскому археологу и историку искусства Ференцу Рёмеру Флорису (1815 – 1889) (*eredetie jelenleg Rómer Flórisnál vagyon*)²⁸.

По-видимому, К. Рат и Р. Марсина имели дело с одним и тем же документом – оригиналом королевской грамоты 1244 г. Единственным препятствием для такого вывода остается тот факт, что К. Рат не смог определить принадлежность печати на документе, хотя атрибуция актовых печатей входила тогда в задачи издателей.

Так или иначе, до идентификации фрагмента двусторонней вислой печати на документе из Венгерского национального архива (DL 72302) как маестатной печати Белы IV, произведенной Р. Марсиной, историки не могли быть уверены в том, что до наших дней сохранился оригинал грамоты 1244 г.

Как устанавливает Марсина, идентификация печатей Белы IV может быть проведена даже в тех случаях, когда сохранились только их фрагменты (в половину целой печати), поскольку утраченными, как правило, оказываются восковые края, а уцелевшие части идентичны друг другу. В период с ноября 1242 по 1260 г. использовались королевские печати (*sigilli maiestatici*) по типу изображений на аверсе и реверсе, относящиеся к одному виду (*Sigilla num. 4, 5* – по классификации Марсины)²⁹.

Проведенный Р. Марсиной сфрагистический анализ уцелевшего фрагмента печати грамоты DL 72302 устанавливает его подлинность. О подлинности документа свидетельствуют также результаты палеографического анализа: грамота, несомненно, написана почерком и в соответствии с формуляром XIII в. Историческое содержание документа, в том числе описание мотивов пожалования, в целом представляется достоверным³⁰.

Результаты исследования Р. Марсины ставит под сомнение М.М. Волощук, который утверждает, что ему не удалось отыскать в фондах Венгерского национального архива в Будапеште оригинал королевской грамоты, а под шифром, указанным Марсиной, в действительности хранится другой документ³¹.

Наша проверка показала, что искомый оригинал все-таки существует. По данным официального сайта Венгерского национального архива, оригинал грамоты Белы IV от 22 апреля 1244 г. с вислой королевской печатью хранится под шифром DL 72302, старый шифр - Q 120/4 24³². И если Р. Марсина осторожно характеризовал этот документ как вероятный оригинал (*autographi instar – zdanlivý (predstieraný) original*), то в электронном каталоге архива он уверенно атрибутирован как оригинал грамоты 1244 г. (*Fennmaradási forma: Eredeti*).

Итак, приходится признать, что нетипичный королевский титул и противоречивая дата значились уже в оригинале жалованной грамоты Белы IV Николаю, сыну Обичка из Зюд. Рассуждения исследователей о возможных ошибках, допущенных переписчиками при копировании оригинала, лишены основания. Сомнительные с точки зрения историков нового времени атрибуты грамоты не вызвали подозрений в подлинности документа при его подтверждении в конце XIII в., точнее, не стали причиной для отказа в конфирмации. Очевидно, для этого были свои объективные причины.

Обнаружение и публикация оригинала грамоты 1244 г. при дальнейшем анализе содержания акта требуют исходить из того, что перед нами подлинный исторический документ.

Впрочем, этот вывод не избавляет от необходимости дать объяснение, почему составителем акта употреблен нетипичный для большинства документов того времени королевский титул Белы, а также указана столь же нетипичная дата издания, согласно которой отсчет правления короля начинался задолго до его коронации.

Королевский титул и счет лет правления Белы IV

Известно, что королевским титулом Бела пользовался еще до того, как стал единоличным правителем Венгерского королевства (1235 г.). Об этом, помимо многочисленных венгерских источников, свидетельствует и Галицко-Волынская летопись, которая именует его «Белариксь, рекъмый король Оугорьскый» в рассказе о событиях, относящихся к 1230 г.³³

Значащийся в грамоте 1244 г. королевский титул Белы IV – «милостью Божией король, первородный [сын] короля Венгрии», не встречающийся в официальных документах после 1235 г., отсылает нас к более раннему времени, когда Бела, став соправителем своего отца Андрея II, получил титул «младшего короля» (*rex iunior*). Одним из атрибутов титула *rex iunior* было указание на первородство младшего

короля как старшего сына короля-протектора – *primogenitus regis*. Такой атрибут в титуле Бела неоднократно встречается в документах 1220 – первой половины 1230-х гг.³⁴

Возможно, датировка грамоты 1244 г. двадцатым годом королевства Бела в сочетании с использованием в его титуле атрибута прежних лет – *primogenitus regis* – подразумевала отсчет правления Бела с момента, когда он стал младшим королем-соправителем при своем отце Андрее II.

М.М. Волошук предположил, что отсчет правления Бела мог вестись с 1225 г., когда он был признан Римским папой в качестве младшего короля Венгрии³⁵. О таком признании, по мнению историка, свидетельствует письмо к Беле папы Гоннория III от 15 июля 1225 г. с инскрипцией: «Светлейшему мужу Беле, молодому королю» (*Illustri viro Bele iuveni regi*)³⁶. Но при отсчете от 15 июня 1225 г. грамота 22 апреля 1244 г. приходится на восемнадцатый год правления.

Впервые Бела был коронован своим отцом в качестве младшего короля Венгрии в 1214 г. в возрасте восьми лет, после помолвки с дочерью болгарского царя Борила. Сохранилась подлинная королевская грамота, датированная 1217 г., скрепленная, помимо печати Андрея II, еще и печатью Бела с титулом *rex iunior*³⁷.

Однако в дальнейшем между отцом и сыном произошел разрыв. В 1220 г. Бела женился на дочери никейского императора Феодора I Ласкаря Марии и стал правителем Славонии. Несмотря на то, что Андрей II сам устроил этот брак, уже в 1222 г. разочаровавшись в союзе с Никеей, король-отец потребовал его расторжения. Папа Гоннорий III отказался дать разрешение на развод, Бела же принял сторону папы, забрал жену и бежал в Австрию, опасаясь гнева отца. Только в 1223 г. при посредничестве папы Андрей II примирился с сыном, заключив с ним соглашение, по которому Бела был восстановлен в своих правах, смог вернуться на родину и был назначен правителем Славонии, Далмации и Хорватии³⁸.

Об усилиях Гоннория III по возвращению Беле его королевских прав свидетельствуют два послания, датированных 22 февраля 1224 г. В одном из них, адресованном комиту Позоны (Братиславы) Бузаду (*Buzad comiti de Poson*), папа требует принесения присяги на верность Беле как младшему королю Венгрии. При этом понтифик представляет беглого принца как «премного дорогого во Христе сына нашего Б[елу], короля первородного [сына], дорогого во Христе сына нашего, светлейшего короля Венгрии» (*in maiori carissimi in Christo filii nostri B., regis primogeniti, carissimi in Christo filii nostri, regis Ungarie illustris, adversitate*)³⁹.

Тем же днем датировано еще одно послание Гоннория III, адресованное королю Андрею II и упомянутому комиту Позоны Бузаду. В

этом письме, сохранившемся в виде регеста, папа требует, чтобы Бела, «первородный сын короля, сохранивший свою честь и жизнь в земле австрийского герцога» Леопольда VI, получил гарантии сохранения всех принадлежавших ему ранее прав⁴⁰.

Как видим, самые ранние документы, свидетельствующие о признании за Белой королевского титула со стороны римского понтифика, относятся к началу 1224 г.

24 декабря 1223 г. (anno ab Incarnatione Domini MCCXXIV. IX. Kalend. Januarias) датируется первый официальный документ Белы с титулом «Божией милостью король, первородный сын [короля] Венгрии» (*Bela Dei gratia Rex, primogenitus Regis Ungariae*)⁴¹. К 1223 г. (без указания более точной даты) относится распоряжение короля Андрея II, сохранившееся в виде регеста, в котором Бела именуется «королем, первородным [сыном], наместником Далмации и Хорватии» (*Bela primogenitor nostro rege Dalm. et Chroat. Gubernatore*)⁴².

Появление в титуле Белы нового атрибута *primogenitus regis*, по-видимому, связано с восстановлением его в королевских правах с помощью папы.

Поскольку оно произошло еще в конце 1223 г., то издание жалованной грамоты Николаю, сыну Обичка из Зюд, действительно приходится на двадцатый год королевства Белы с учетом одиннадцати лет его правления в качестве младшего короля, правителя Славонии, Далмации и Хорватии.

Более широкий анализ датировок актов, вышедших из канцелярии Белы IV в 1230 – 1260-е гг., сохранившихся как в оригинале, так и преимущественно в виде позднейших конфирмаций и регестов, подтверждает наш вывод о том, что отсчет его правления мог начинаться ранее 1235 г.

Например, жалованная грамота Яну, сыну Николая, доблестному рыцарю (*Ian, filius Nicolai, strenuus miles noster*), оказавшему неоценимые услуги всем христианам во время татарского нашествия и награжденному за это четырьмя селами в земле Спиша, дана в Буда во второй день июльских нон (8 июля) 1246 г. (*secundo die nonas iulii, anno domini millesimo CC xL sexto*), «в двадцать шестой год нашего королевства» (*regni autem nostri vicesimo sexto*). Если следовать этому документу, сохранившемуся в виде подтверждения, данного королем Ласло IV 3 января 1269 г. (?)⁴³, отсчет лет королевства Белы должен происходить с 1220 г., – очевидно, с момента назначения его правителем Славонии.

Можно привести еще несколько примеров, демонстрирующих странную непоследовательность при датировке документов Белы IV по числу лет от начала его королевства. Так, грамота от 22 марта 1262 г.

дана «в тридцать шестой год нашего королевства» (Anno domini M° CC° LX° secundo, XI. Kalendas Aprilis, regni autem nostri anno tricesimo sexto)⁴⁴, следовательно, общий отсчет правления Белы здесь ведется с 1226 г. Грамота 1235 г. дана «в пятый год королевства» (Anno inc. 1235. indict. 30. regni a. quinto)⁴⁵.

В некоторых документах начала 1260-х гг. срок королевства Белы исчисляется с 1225 или 1231 г.: грамота от 2 сентября 1261 г. дана «в год королевства тридцать шестой» (Anno ab inc. D. 1261. IV. Non. Septembris, regni a. tricesimo sexto)⁴⁶; грамота от 1263 г. - «в год королевства тридцать второй» (a. D. 1263, regni a. tricesimo secundo)⁴⁷.

Есть также немало случаев, когда в королевских грамотах срок правления Белы IV сокращался относительно даты начала его самостоятельного правления – 14 октября 1235 г. Так, грамота от 5 апреля 1251 г. дана «в шестой год королевства» (D. a. inc. d. 1251. Non. April. regni a. sexto)⁴⁸; грамота от 21 февраля 1256 г. - «в тринадцатый год королевства» (a. D. 1256. X. Kai. Martii, regni a. decimo tertio)⁴⁹.

В грамотах конца 1250–1260-х гг. заметна тенденция начинать отсчет правления Белы около 1240 г. Так, грамота 1259 г. дана «в двадцатый год королевства» (anno D. 1259. regni a. vicesimo)⁵⁰; две грамоты 1260 г. - «в год нашего королевства двадцатый» (a. D. 1260. regni a. n. a. vicesimo; regni a. vigesimo)⁵¹; грамота 1267 г. - «в год нашего королевства двадцать седьмой» (anno Domini M° CC° sexagesimo VII°, regni autem nostri anno vicesimo VII°)⁵².

Следует, таким образом, признать, что в датировке грамот Белы IV по числу лет его правления, несмотря на то, что в преобладающем большинстве случаев отсчет велся от 14 октября 1235 г., существовали и другие даты отсчета, связанные с определенными событиями в жизни короля. Одной из таких дат, возможно, было восстановление его прав в конце 1223 г. и приобретение с санкции Римского папы титула Dei gratia Rex, primogenitus Regis Ungariae.

Посольская служба Миклоша: поездки в Рим и Венецию

Содержащееся в королевской грамоте от 22 апреля 1244 г. описание заслуг Миклоша, сына Обичка из Зюд, позволяет составить более или менее ясное представление о времени его посольства на Русь и переговоров с князем Даниилом Романовичем. Судя по всему, эти события произошли за несколько лет до издания грамоты.

Как следует из документа, Бела IV высоко оценил службу Миклоша, прежде всего за то, что последний в период татарского нашествия

на Венгрию оставался верным своему королю и сопровождал его во время вынужденного бегства и пребывания на побережье и островах Адриатического моря, где король нашел убежище. Из Трогира Бела отправил Миклоша к папскому двору, и, преодолевая многие опасности, следуя по морю и по суше, королевский посол достиг Рима, чтобы просить утверждения понтификом почтенных отцов, новоизбранных эстергомского, калочского и дьерского епископов, чьи предшественники погибли от рук татар⁵³.

В «Истории архиепископов Салоны и Сплита» архидиакон Фома Сплитский (ок. 1200 – 1268) сообщает, что три венгерских архиепископа - Матвей Эстергомский, Хугрин Калочский и Григорий Дьерский - пали в битве с татарами на реке Шайо 11 апреля 1241 г.⁵⁴ Из этого же источника узнаем, что, когда венгерский король, спасаясь от татар, бежал «в сплитские земли», при нем находились избранные, но еще не утвержденные в Риме архиепископы Стефан Эстергомский и Бенедикт Калочский⁵⁵.

В расположенном неподалеку от Сплита городе Трогире Бела IV находился в марте, а затем в мае 1242 г., о чем свидетельствуют изданные здесь жалованные грамоты, предоставлявшие горожанам новые и подтверждавшие старые привилегии, в том числе право на владение территориями, на которые претендовала сплитская коммуна⁵⁶. О перемещениях венгерского короля весной 1242 г. можно судить по его грамотам, выданным городам Задару и Клисусу, а также островам Крку и Хвару⁵⁷.

Поскольку, описывая поездку в Рим Миклоша, Бела отметил, что она пришлась на время, когда папский престол был вакантным (*sede apostolica vacante*), следует думать, что посол вернулся к королю еще до избрания папой Иннокентия IV, т. е. до июня 1243 г. После смерти его предшественника Целестина IV (10 ноября 1241 г.) в течение полутора лет выборы папы не проводились, и апостольский престол оставался свободным.

Если следовать указанию грамоты о том, что Миклош ездил в Рим во время татарского вторжения в Венгерское королевство (*adversitas Tartarorum regnum nostrum invaserat*) и выступил в путь из Трогира, то можно полагать, что его поездка началась в марте 1242 г., еще до того как произошел внезапный отход монгольских войск из Венгрии⁵⁸.

Второй заслугой Миклоша было участие в урегулировании «раздора» между венгерским королем и Венецией из-за «приморских земель Адриатики». Верный сервиент доставил в Венецию послания своего короля, и эта трудная миссия также завершилась успешно, за что Миклош снискал особую благодарность монарха⁵⁹.

Здесь, несомненно, имеется в виду известная по «Истории» Фомы Сплитского и подробно описанная венецианскими хронистами

попытка жителей Задара освободиться от власти Венеции, предпринятая в том же 1242 г.⁶⁰ Из венгерских документов известно, что в мае 1242 г., во время пребывания Белы IV в Клизе, к нему прибыло посольство от коммуны Задара с просьбой принять город под свое покровительство. Король согласился и утвердил заключенный ранее договор своего брата Кальмана с жителями Задара о переходе их под власть венгерского короля⁶¹.

После этих событий начался период длительных переговоров, во время которых венецианцам удалось добиться возвращения всех своих соотечественников и материальных ценностей, захваченных в Задаре. Очевидно, в переговорах венгерского короля, ставшего сюзереном Задара, с властями Венецианской республики участвовал Миклош, полномочный посол Белы IV. Поездки в Венецию в описываемое время он, надо думать, совершал неоднократно, поскольку о доставлявшихся им королевских посланиях в жалованной грамоте от 22 апреля 1244 г. говорится во множественном числе.

Заслуга его, очевидно, состояла в том, что ему удалось почти на два года оттянуть начало боевых действий. За это время Бела успел сосредоточить в Задаре значительные военные силы, возглавляемые королевским наместником в Хорватии и Далмации баном Денешем (Дионисием). Вооруженное противостояние началось уже после того, как Миклош исполнил свою миссию и даже успел получить в награду за это земельные пожалования. В июне 1244 г. венецианский флот штурмом овладел Задаром, изгнав оттуда венгров⁶².

Служба Миклоша в качестве королевского посла в Венеции началась, согласно грамоте Белы IV, после ухода татар с Адриатического побережья (*cum post recessum Tartarorum ad easdem partes maritimas*). Можно предполагать, что первая поездка в Венецию могла состояться сразу после возвращения Миклоша из Рима, которое по времени должно было совпасть с решением Белы принять под свой суверенитет Задар. Последующие поездки в Венецию могли происходить во второй половине 1242 и, возможно, в 1243 г.

***Посольство Миклоша к Даниилу Романовичу
и русско-венгерские отношения
первой половины 1240-х гг.***

Вслед за сообщением о посольской службе Миклоша в Венеции в грамоте от 22 апреля 1244 г. помещено описание его поездки на Русь и переговоров с князем Даниилом. Если предположить, что заслуги Миклоша перечисляются здесь в хронологической после-

довательности, то поездка на Русь должна была состояться после окончания миссии в Венеции, т. е. в период между серединой 1242 и апрелем 1244 г.

Однако имеющиеся в нашем распоряжении факты из истории русско-венгерских отношений первой половины 1240-х гг. не подтверждают, а скорее наоборот - говорят против такой возможности.

Как следует из сообщения Галицко-Волынской летописи, во время, когда татары подошли к Киеву, Даниил Романович находился при дворе венгерского короля («В то же время ехаль бяше Даниль Оугры королеви») ⁶³. Как поясняет далее летописец, князь не знал о постигшей Киев напасти («и еще бо бяшет не слышалъ прихода поганыхъ Татаръ на Киевъ») ⁶⁴.

Отводя от Даниила подозрения в намеренном бегстве из страны в канун татарского нашествия, придворный писатель дает понять, что князь имел важную причину уехать в Венгрию: он хотел заключить союз с королем, скрепленный династическим браком («ехаль бе Данило князь ко королеви Оугры, хотя имети с ним любовь сватьства») ⁶⁵.

Цель, однако, не была достигнута («и не бы любви межи има»), поскольку Бела, вопреки прежним намерениям, отказался выдать свою дочь за сына Даниила Льва, после чего Даниилу пришлось ни с чем возвращаться домой. И только добравшись до пограничного Синеводского монастыря, князь узнал о бедствии, постигшем его земли, «виде множество бежащих от безбожных Татаръ» ⁶⁶.

Оскорбительный для Романовичей отказ от ранее обещанного брака был сделан Белой, очевидно, в присутствии несостоявшегося жениха Льва Даниловича, прибывшего ко двору венгерского короля вместе со своим отцом и в сопровождении пышной свадебной свиты из галицких бояр. Не имея возможности вернуться на Русь, Даниил оставил «сына своего Оугрехъ». А сразу после ухода татар из русских земель Лев вернулся к отцу в сопровождении упомянутых бояр («Вышедшоу же Лвови изъ Оугоръ с бояры Галичкими и приеха во Водавоу ко отцю си») ⁶⁷.

Демонстративный отказ от союза с галицко-волынским князем, сделанный в унижающей его достоинство форме, наложил отпечаток на последующие отношения Романовичей с Белой. И когда весной 1246 г. венгерский король обратился к Даниилу с предложением восстановить союзные отношения и сам посватался к Льву Даниловичу, русские князья не поверили в его добрые намерения, «древле бо того измениль бе, обещаваъ дати дщерь свою», потребовав от короля принесения специальной клятвы ⁶⁸.

Из приведенных летописцем слов самого Бела следует, что речь шла тогда не только о брачном союзе, но, прежде всего, о заключении

мира между венгерским королем и галицко-волынским князем. Бела обещал посланцу Даниила митрополиту Кириллу помочь добраться до Nikei, если последний убедит князя заключить с венгерским королем мир («аще створить со мною мир»)⁶⁹. Следовательно, до весны 1246 г. Даниил и Бела фактически находились в состоянии войны, начало которой было положено оскорбительными действиями венгерского короля осенью 1240 г.

После разрыва отношений с Романовичами Бела стал поддерживать их главного соперника в борьбе за Галич - Ростислава Михайловича и даже выдал за него свою дочь⁷⁰. Мартин Димник полагает, что брак Ростислава и венгерской принцессы Анны был заключен сразу после ухода из Венгрии татар и возвращения Бела из Далмации – в апреле или мае 1242 г.⁷¹; Джура Харди относит этот брак к 1242 или 1243 г.⁷², а Дариуш Домбровский допускает возможность бракосочетания Ростислава и Анны в 1243-м или начале 1244 г.⁷³

Нам представляется, что Галицко-Волинская летопись дает более определенные хронологические указания на этот счет. По словам летописца, венгерский король выдал за Ростислава свою дочь после того, как он, разбитый возвращавшимися из Венгрии татарами, бежал к Беле («Ростислава розгнаша Татарове во Боркоу, и бежа Оугры, и вдасть зань паки король Оугорьскийи дочь свою»). Далее в летописи следует сообщение об отправке к Даниилу идущим из Венгрии Батыем двух «богатырей», Манмана и Балая⁷⁴. Все это – события весны 1242 г.

Очевидно, не случайно возобновление активной внешней политики Бела IV на востоке после ухода из Венгрии татар совпадает с захватом Галича и Перемышля Ростиславом Михайловичем и его союзником Константином Рязанским. Как рассказывает летописец, Даниил и Василько немедленно выступили против Ростислава и вынудили его бежать из Галича. От полного разгрома черниговского князя спасло вторжение в Галицкую землю вышедших из Венгрии татар («весть приде ем, яко Тотарове вышли соуть и земле Оугорьское, идоуть в землю Галичькоюу, и тою вестью спасеся»)⁷⁵. Разбитый затем татарами где-то в Борку («во Боркоу»), Ростислав бежал в Венгрию, где его уже ждала невеста – принцесса Анна.

Противостояние Романовичей с Белой IV продолжалась в 1243 – начале 1244 г. Его ареной на некоторое время стали земли Малой Польши.

Летопись рассказывает о войне русских князей с малопольским князем Болеславом Стыдливим. Даниил и Василько «внидоша во землю Лядьскоую четырьми дорогами». Поляки нанесли ответный удар и «воеваша около Андреева» (недалеко от Холма). Тогда Рома-

новичи осадили Люблин и потребовали от жителей: «Не помогайте князю своему»⁷⁶.

Как неоднократно отмечалось в литературе, выступление Даниила и Василька было связано с борьбой за Краков Болеслава Стыдливового и Конрада I Мазовецкого, союзника Романовичей, предоставившего им убежище во время нашествия Батыя⁷⁷. Этот конфликт, однако, носил более широкий международный характер. В нем участвовал также венгерский король Бела IV, действуя против Конрада и Романовичей на стороне своего зятя Болеслава.

Из венгерских источников известно, что на помощь Болеславу Бела отправил войска под командованием комита Тренчина Богмела (Богомера) (*Vogomerius, comes Trenchiniensis*), который успешно справился со своей задачей и, видимо, еще до конца 1243 г. вернулся домой. В жалованной грамоте, выданной Богмелу 23 мая 1244 г., Бела отмечал его заслуги «в государственных и частных делах нашего королевства в Польше, Болгарии и других королевствах» (*in publicis quam privatis regni nostri negociis in Polonia, Bulgaria ceterisque regnorum*). Как следует из документа, важнейшая заслуга Богмела состояла в том, что он, будучи «послан на помощь нашему дорогому зятю светлейшему герцогу Польши против герцога Конрада», исполнил поручение «с большой для нашего величества честью»⁷⁸.

Д. Домбровский датирует поход Даниила и Василько в Польшу концом 1243-1244 г.⁷⁹ Между тем есть основания полагать, что уже в битве под Суходолом 25 мая 1243 г. на стороне Конрада Мазовецкого сражались русские князья. К такому выводу приходит Герард Лябуда на основании грамоты Болеслава в адрес некоего Клемента из Рушчи (1252 г.)⁸⁰. В документе упоминается об участии в битве под Суходолом на стороне Конрада четырех князей, в том числе, как полагает Лябуда, Даниила и Василька⁸¹.

Как видим, во внутренний конфликт польских князей оказались втянутыми венгерский король и галицко-волынские князья, чьи войска должны были вступить в столкновение друг с другом уже в 1243 г.

Анализируя задачи восточной политики Белы IV после ухода из Венгрии татар, Иван Бертеня констатирует, что отправка венгерских войск в Польшу «была осуществлена не просто для оказания помощи попавшему в беду зятю короля, но и для выполнения завоевательных планов Белы, направленных на восток». В благодарность за помощь Болеслав Стыдливый предоставил Беле территорию Малой Польши в качестве плацдарма «для военных операций венгров с целью захвата Галича и оказал ему непосредственную военную помощь»⁸².

Уже в начале 1244 г. боевые действия с участием венгерских войск переместились на территорию Галицкой земли. В литературе давно

отмечено, что успешную осаду Люблина, о которой, помимо русской летописи, сообщают также польские источники⁸³, Романовичи должны были прервать ввиду вторжения в Галицкую землю венгерских войск⁸⁴.

Об этом событии сообщает Галицко-Волынская летопись. Улучив благоприятный момент, Ростислав Михайлович уговорил своего тестя дать ему «Оугорь много» и начал поход на Перемышль. Сначала верные Романовичам войска терпели поражение, но затем, когда основные их силы прибыли из-под Люблина, Даниил смог разбить Ростислава, и тот вернулся в Венгрию⁸⁵.

Своей кульминации русско-венгерское противостояние достигло в 1245 г., когда в битве под Ярославом Романовичам удалось нанести решающее поражение Ростиславу и пришедшим с ним венгерским и польским войскам.

Посольство Миклоша в Болгарию и венгеро-болгарский союз конца 1239 г.

Возвращаясь к описанному в королевской грамоте от 22 апреля 1244 г. посольству Миклоша к Даниилу Романовичу, мы должны констатировать, что это событие едва ли могло произойти позднее осени 1240 г., когда наступил разрыв в отношениях между венгерским королем и Романовичами и Бела IV начал проводить враждебную им политику. Это посольство должно было состояться раньше, в период, когда венгерский король усиленно искал союзников ввиду надвигавшейся угрозы монгольского вторжения.

Содержание грамоты не противоречит такому предположению. Посольство на Русь, хотя и помещено в перечне заслуг Миклоша после миссии в Венецию, не обязательно должно было состояться позднее нее, поскольку сам этот перечень составлен без четкого соблюдения хронологической последовательности событий. Составитель грамоты представляет заслуги Миклоша прежде всего по степени их важности для короля.

Думать так позволяет характерный риторический прием, использованный в грамоте. Описав посольства к папскому двору и в Венецию как важнейшие заслуги Миклоша, составитель документа в свойственной ему повествовательной манере как бы сам себя спрашивает: «А что же еще?» (*Quid plura?*) - и только после этого переходит к описанию поездок Миклоша на Русь и в Болгарию. Как менее важные с точки зрения королевских интересов поездки на Русь и в Болгарию перечислены в грамоте во вторую очередь, после поездок в Рим и Венецию.

Рассказав о поездке Миклоша на Русь, составитель грамоты переходит к описанию его поездки в Болгарию, которой завершается перечень заслуг верного королевского сервиента. Из документа следует, что посольства на Русь и в Болгарию как-то связаны между собой. В грамоте сказано, что в Болгарии, куда Миклош ездил «ради того же дела, по которому он был послан» (речь идет, вероятно, о предыдущем посольстве на Русь), королевский посол был «задержан против своей воли на несколько месяцев», но, несмотря на все трудности, остался по-прежнему верен своему королю⁸⁶.

По характеру сообщения можно сделать вывод, что в Болгарию Миклош прибыл после посещения Даниила Галицкого, вероятно, на обратном пути в Венгрию. Бела отправлял посла «в края Русские и края Болгарские», вероятно, с одной общей целью – получить достоверные сведения о татарах, что явствует из обещания Даниила представить такие сведения («все состояние тартар обещал нам обстоятельно сообщить»).

Датировать посольство Миклоша в Болгарию, как нам представляется, можно с высокой долей вероятности. Болгаро-венгерские отношения во второй половине 1230-х гг. развивались под сильным влиянием внешнеполитических факторов, важнейшим из которых была борьба Никейской империи за отвоевание Константинополя у латинян. Болгарский царь Иван II Асень (1218–1241) на некоторое время стал союзником никейского императора Иоанна III Ватаца (1221–1254), которому в 1234–1236 гг. удалось захватить важный плацдарм во Фракии для последующего отвоевания византийских владений на Балканах⁸⁷.

В конце 1236 или начале 1237 г. под давлением папы союз Болгарии с Никеей был разорван. Вскоре вместе с латинянами и половцами Иван II Асень начал осаду стратегически важной крепости Цурул (ныне г. Чорлу, Турция), незадолго перед тем отобранной Ватацем у латинян. Однако осенью 1237 г., получив известие о внезапной смерти своей жены Марии (Анны) Венгерской и ребенка⁸⁸, а также болгарского патриарха Иоахима, Асень, по сообщению Георгия Акрополита, воспринял эти напасти как проявление Божией кары за предательство греков, снял осаду и отправил послов к Ватацу с просьбой о восстановлении союза⁸⁹. Разрыву с Западом способствовало, несомненно, крушение планов Асеня с помощью папы самому воцариться в Константинополе⁹⁰.

Реакция Рима не заставила себя ждать. Уже в начале 1238 г. папа Григорий IX обратился с призывом к организации крестового похода против Болгарии. Главная роль в этом отводилась Венгрии. В течение 1238 г. папа неоднократно призывал венгерского короля выступить

против Асеня, обещая в случае успеха передать под власть Венгрии болгарские земли. Бела IV, ссылаясь на родственные связи с болгарским царем, искал поводов уклониться от похода, выдвигая заведомо невыполнимые условия. Папа проявлял настойчивость и выражал готовность выполнить некоторые из них. Чтобы усилить давление, понтифик привлекал к делу венгерских епископов и отправлял в Венгрию своих легатов⁹¹.

В 1239 г. при посредничестве Белы IV между Иваном II Асенем и папским легатом Иоанном Тевтонским прошли переговоры. О их результатах можно судить по содержанию письма венгерского короля к папе, датированного 13 января 1240 г. Бела принял у себя посланцев папы, бывшего боснийского епископа Иоанна Тевтонского и сопровождавшего его Григория, приора Ордена доминиканцев в Пеште, и сделал все от него зависевшее для успешных переговоров с болгарским царем. На обратном пути в Рим папские послы вновь посетили Белу, и тот отправил вместе с ними к папе новопоставленного северинского епископа Григория, вероятно, также участвовавшего в переговорах с Асенем и представлявшего на них венгерского короля⁹².

Таким образом, в конце 1239 г. был восстановлен союз между Венгрией, Болгарией и Латинской империей, просуществовавший вплоть до смерти Ивана II Асеня в июне 1241 г.⁹³ Одним из условий восстановления отношений между Белой IV и Асенем была уступка в пользу Венгрии спорной Северинской области: в 1240 г. для ее управления был назначен наместник венгерского короля⁹⁴.

Антиникейская направленность союза проявилась в том, что уже в конце 1239 г. латинский император Балдуин II (1228–1261) получил возможность беспрепятственно проследовать со своими войсками через территорию Венгрии и Болгарии в Константинополь. Продав свой родовой замок французскому королю и заложив в Италии вывезенные из Византии христианские реликвии, в том числе терновый венец Спасителя, Балдуин собрал новую армию крестоносцев и заключил союз с половцами, бежавшими в Венгрию и Болгарию от татар⁹⁵. С этими силами латинский император весной или летом 1240 г. взял крепость Цурул⁹⁶.

Как справедливо полагает Христо Димитров, одной из важных причин венгерско-болгарского примирения в конце 1239 г. была нараставшая монголо-татарская угроза и необходимость общей борьбы с ней⁹⁷. Во всяком случае, венгерский и болгарский правители практически одновременно вступили в борьбу с татарами. В марте 1241 г., когда началось вторжение войск Батыя в Венгрию, Иван II Асень смог организовать отпор и остановил наступление одного из отрядов захватчиков в Валахии⁹⁸.

Переговоры венгерского короля с болгарским царем о совместной борьбе против татар, очевидно, велись через посланца Белы IV Миклоша, посетившего Болгарию после переговоров с Даниилом Галицким, предметом которых также была надвигавшаяся татарская угроза.

Надо думать, что татарский вопрос встал на повестку дня венгерско-болгарских отношений сразу после того, как было достигнуто согласие между папой и болгарским правителем о судьбе Константинополя. Посольство Миклоша в Болгарию должно было состояться вскоре после отъезда оттуда папского легата Иоанна Тевтонского и сопровождавших его венгерских представителей.

К 1239 г., по-видимому, относится и окончательное оформление союза Белы IV с половецкой ордой хана Котяна, обитавшей в западной части причерноморских степей. По сообщению магистра Рогерия, спасаясь от татар, Котян обратился к Беле с просьбой предоставить ему убежище на территории Венгрии, обещая взамен полностью подчиниться Беле и принять католическую веру. Венгерский король «исполнился великой радости» и после переговоров, проведенных с участием доминиканских монахов, разрешил половцам, которых, «не считая семей, было сорок тысяч», переселиться в Венгрию⁹⁹.

О половецком переселении в Венгрию сообщают и другие западноевропейские источники, относя это события к 1241–1242 гг.¹⁰⁰ Однако, согласно другому свидетельству Рогерия, переселение должно было произойти раньше: говоря о русинах, спасавшихся от татар в Венгрии, магистр вспоминает, что «Кутен более чем на год со своими людьми опередил русинов», следовательно, переселение орды Котяна могло произойти не позднее 1239 г.¹⁰¹ Впрочем, контакты Белы IV с половцами были установлены еще ранее: от нежелательного покровительства половцам венгерского короля предостерегал великий монгольский хан в послании, составленном около 1237 г.¹⁰² Накануне татарского вторжения в Венгрию Котян, заподозренный в тайных связях с татарами, был убит, после чего пришедшие с ним половцы отказались повиноваться венгерскому королю и ушли в Болгарию¹⁰³. По-видимому, эти события произошли ранее, чем это следует из описания Рогерия, возможно, в самом начале 1241 г.¹⁰⁴

Итак, с учетом всех известных фактов истории русско-венгерских и венгерско-болгарских отношений конца 1230 – начала 1240-х гг., а также биографии королевского посла Миклоша его поездка на Русь и затем в Болгарию, целью которой был сбор сведений о татарах и, по-видимому, подготовка союза против них, должна была состояться в конце 1239 – начале 1240 г.

Это в свою очередь означает, что посещение «светлейшим герцогом Даниилом» некоего «принца Тартар», о котором Миклош известил

венгерского короля, вернувшись из поездки на Русь и в Болгарию, должно было произойти еще до конца 1239 г.

Как нам представляется, жалованная грамота Бельи IV Миклошу, сыну Обичка из Зюд, изданная 22 апреля 1244 г., зафиксировала тот же самый факт, о котором говорят русские летописи первой половины XV в. (Новгородская Карамзинская, Софийская Первая и Новгородская Четвертая)¹⁰⁵. В грамоте венгерского короля и в летописях новгородско-софийской группы, в наиболее исправном виде сохранивших первоначальный текст «Повести о нашествии Батыя» южнорусской версии¹⁰⁶, речь идет о встрече русского князя с предводителем татар под Киевом, произошедшей вскоре после захвата и разорения татарами Чернигова.

Русские летописи называют имя этого «принца Тартар», как его именует венгерская грамота, – «Меньгоукан», т. е. хан Менгу (Мункэ), ставший великим монгольским ханом в 1251 г. Кроме того, из русских летописей следует, что в примирении с татарами, помимо Даниила Романовича, участвовали еще двое князей – Мстислав Глебович и Владимир Рюрикович¹⁰⁷.

Если следовать сообщаемой псковскими летописями и принятой в современной литературе дате падения Чернигова – 18 октября, то примирение русских князей с татарами должно было произойти, во всяком случае, до того как началась осада монголами столицы северокавказской Алании Магаса. По свидетельству китайской официальной хроники Юань-ши, осада «города асов Ме-цью-сы» (Ме-це-сы чэн) началась зимой, в одиннадцатой луне (месяце) года цзи-хай (т. е. между 27 ноября и 26 декабря 1239 г.)¹⁰⁸. По данным персидского историка Рашид ад-Дина, в осаде Магаса (Минкаса) принимал участие Менгу¹⁰⁹. Следовательно, встреча под Киевом, переговоры и примирение Менгу с русскими князьями должны были произойти не позднее ноября 1239 г.

Вскоре после этих событий, еще до конца 1239 г., Даниила Романовича посетил посол венгерского короля, которому князь сообщил о своем свидании с «принцем Тартар», а также о том, что ему удалось «полностью увидеть и узнать все состояние Тартар». Даниил отправил Беле письменное послание, в котором, вероятно, обещал более «обстоятельно сообщить» о договоренностях с татарами при личной встрече.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae / Ed. R. Marsina. Bratislaviae, 1987. T. 2 (1235 – 1260). Nr. 150. P. 100-102. Здесь же указаны предыдущие публикации документа и посвященная ему литература.

2. Как устанавливает Р. Марсина, упомянутые в грамоте географические объекты ныне располагаются на территории Банскобыстрицкого края в Словакии: Zyud – ныне село Сюдовце (Súdvce) в Крупинском районе; Koarzeg – ныне село Коляре (Koláre) в Вельки-Кртишском районе. Ibid. P. 100.

3. Ibid. P. 101.

4. «Ad partes Ruscie et ad partes Bulgarie in nostra legacione profectus, ab illustrissimo duce Danela, qui Tartarorum principe visitato ad propria rediens, univsum statum Tartarorum prout viderat et cognoverat, edisserandumb nobis promiserat, stili officio conditum reportavit». Ibid.

5. Грушевський М. С. Історія України – Руси. Київ, 1993. Т. 3. С. 66. Прим. 3.

6. Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 236. Эту же мысль повторяет Н. Ф. Котляр (*Котляр Н. Ф.* Даниил, князь Галицкий. СПб.; Киев, 2008. С. 280).

7. Avenarius A. Nikaia und Russland zur Zeit der tatarischen Bedrohung // Byzantinoslavica. Prague, 1980. Bd. 41. S. 37-38, Anm. 23.

8. ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 794.

9. Дашкевич Я. Данило Романович і єпископ Петро в освітленні караїмського джерела // Дашкевич Я. Постаті: Нариси про діячів історії, політики, культури. Львів, 2006. С. 47.

10. Nagirnyj W. Polityka zagraniczna księstw ziem Halickiej i Wołyńskiej w latach 1198 (1199) – 1264. Kraków, 2011. S. 231-232.

11. Bartnicki M. Polityka zagraniczna księcia Daniela Halickiego w latach 1217–1264, Lublin, 2005. S. 108-109.

12. Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae. T. 2. Nr. 151. См. также другие документы Белы IV, датированные 1243 – 1244 гг.: Ibid. Nr. 121, 122, 124, 126, 128, 129, 131, 137, 139, 146, 147, 153, 154, 158, 159, 165, 167, 168, 171, 179.

13. Chronici Hungarici compositio saeculi XIV / Ed. A. Domanovszky // Scriptores Rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum / Ed. E. Szentpétery. Budapestini, 1937. Vol. I. P. 467.

14. Codex Diplomaticus Hungariae ecclesiastic et civilis / Studio et opera G. Fejér. Budae, 1834. T. IX. Vol. 5. P. XXV; Werttner M. Die Regierung Béla's des Vierten. Nach urkundlichen Quellen bearbeitet // Ungarische Revue. Budapest, 1893. Bd. 13. S. 380.

15. Pauler Gy. A magyar nemzet története az Árpádházi királyok alatt / Szer. S. Szilágyi. Budapest, 1899. K. 2. O. 520.

16. Фонт М. Венгры на Руси в XI-XIII вв. // А се его сребро. Збірник праць на пошану чл.-кор. НАН України М. Ф. Котляра з нагоди його 70-річчя. Київ, 2002. С. 97.

17. Senga T. IV. Béla külpolitikája és IV. Ince pápához intézett «tatár-levele» Századok. 1987. Evf. 121. Sz. 4. O. 590.

18. *Dąbrowski D.* Stosunki polityczne między królem Węgier Belą IV, niektórymi książętami polskimi i Romanowiczami w latach 1242 – 1250 (ze szczególnym uwzględnieniem kwestii matrymonialnych) // *Україно-угорські етуди / Відп. ред. Л. Войтович. Львів, 2010. Вип. 1. С. 168-169. Прим. 7.*

19. *Karácsonyi J.* A hamis, hibáskeltű és keltezetlen oklevelek jegyzéke 1400-ig. Budapest, 1902. Nr. 87. O. 16; *Regesta rerum stirpis Arpadianae critico-diplomatica / Ed. I. Szentpétery.* Budapest, 1923. T. 1. Vol. 1 (1001–1270). Nr. 763. P. 228.

20. *Regesta rerum stirpis Arpadianae critico-diplomatica.* T. 1. Vol. 1. P. 228.

21. *Дашкевич Я.* Данило Романович і єпископ Петро... С. 47-48.

22. *Волощук М.* Проблема кількості візитів Данила Романовича in *Tartaria: джерелознавчий аналіз угорського диплому від 22 квітня 1244 р. // Дрогоичинь 1253. Матеріали міжнародної наукової конференції з нагоди 755-ї річниці коронації Данила Романовича. Івано-Франківськ, 2008. С. 18-36.*

23. Там же. С. 23-25.

24. *Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae.* T. 2. P. 101.

25. *Codex Diplomaticus Hungariae ecclesiastic et civilis / Studio et opera G. Fejér.* Buda, 1829. T. IV. Vol. 1. P. 335.

26. *Codex diplomaticus Arpadianus continuatus / Ed. G. Wenzel.* Pest, 1869. T. VII. Nr. 107. P. 163-165.

27. *Monumenta ecclesiae Strigoniensis / Ed. F. Knauz.* Strigonii, 1874. T. I. Nr. 446. P. 356-357.

28. *Codex diplomaticus Patrius / Ed. E. Nagy et al. Jaurini,* 1867. T. IV. Nr. 12. P. 28.

29. *Marsina R.* Prooemium // *Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae.* T. 2. P. XVII-XVIII.

30. *Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae.* T. 2. P. 101.

31. *Волощук М.* Проблема кількості візитів... С. 23, прим.

32. См.: *A középkori Magyarország levéltári forrásainak adatbázisa/Q szekció: DIPLOMATIKAI LEVÉLTÁR / Családi levéltárak (P szekcióból)/Madách család (Q 120)/DL 72302 (<http://www.arcanum.hu/mol>).*

33. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 760.

34. См., напр.: *Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae / Ed. R. Marsina.* Bratislavae, 1971. T. 1 (805 – 1235). Nr. 291, 292 (1224 г.), 351, 254, 356, 357 (1229 г.), 362, 365 (1230 г.), 373 (1231 г.), 385 (1232 г.), 420 (1233 г.).

35. *Волощук М.* Проблема кількості візитів... С. 28.

36. *Codex Diplomaticus Hungariae ecclesiastic et civilis / Studio et opera G. Fejér.* Buda, 1829. T. III. Vol. 2. P. 47. См. также: *Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae.* T. 1. Nr. 303. P. 221.

37. См.: *Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae.* T. 1. Nr. 217. P. 172.

38. См.: *Kostolnyik Z. J.* Hungary in the thirteenth century. New York, 1996 (East European monographs. Nr. 439). P. 91.

39. *Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae.* T. 1. Nr. 291. P. 212-213.

40. Ibid. Nr. 292. P. 213.

41. *Privilegia et Libertates Regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae / Ed. J. Kukuljevic Aliter Bassani de Sacchi.* Zagrabiae, 1862. Nr. 41. P. 49-51.

42. Regesta rerum stirpis Arpadianae critico-diplomatica. T. 1. Vol. 1. Nr. 401. P. 132.
43. Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae. T. 2. Nr. 220. P. 152-154. Regesta rerum stirpis Arpadianae critico-diplomatica / Ed. I. Szentpétery. Budapest, 1927. T. I. Vol. 2 (1001 – 1270). Nr. 832. P. 250-252.
44. Regesta rerum stirpis Arpadianae critico-diplomatica / Ed. I. Szentpétery. Budapest, 1930. T. I. Vol. 3 (1001 – 1270). Nr. 1286. P. 392-393.
45. Ibid. T. I. Vol. 2. Nr. 608. P. 186-187.
46. Ibid. T. I. Vol. 3. Nr. 1266. P. 386.
47. Ibid. T. I. Vol. 3. Nr. 1388. P. 425.
48. Ibid. T. I. Vol. 2. Nr. 945. P. 292-293.
49. Ibid. T. I. Vol. 2. Nr. 1076. P. 335.
50. Ibid. T. I. Vol. 3. Nr. 1226. P. 375-376.
51. Ibid. T. I. Vol. 3. Nr. 1244. P. 380; Nr. 1252. P. 382-383.
52. Ibid. T. I. Vol. 3. Nr. 1559. P. 476-477.
53. «...quo adversitas Tartarorum regnum nostrum invaserat et nos presidio fuge ad partes maritimas proficisceremur, ante ipsos omnesque barones ac multi nobiles regni nostri deservissent; tunc idem Nicolaus nos nullatenus dereliquit, sed potius cum omni familia domus sue usque ad insulas maritimas fuit nos secutus, tandem de Tragurio od curiam Romanam per multa pericula marium. et terrarum, super inpetranda procuracione venerabilibus patribus, qui ad gubernandas Strigoniensem, Colocensem, Geuriensem ecclesias, eorum antecessoribus per lugubris memorie Tartaros interemptis fuerant postulati, in nostra legacione ardenti studio est profectus».
54. *Toma Arhiđakon*. Historia Salonitana: povijest salonitanskih i splitskih prvosvećenika / Priredila i prevela O. Perić. Split, 2003 (Biblioteka Knjiga Mediterana, 30). Cap. XXXVI. 9. P. 226. Русский перевод см.: *Фома Сплитский*. История архиепископов Салоны и Сплита / Вступ. статья, перевод и комментарий О.А. Акимовой. М., 1997. С. 109.
55. *Toma Arhiđakon*. Historia Salonitana. Cap. XXXIX. 3-4. P. 250; *Фома Сплитский*. История архиепископов Салоны и Сплита. С. 118.
56. Codex diplomaticus Regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae / Ed. T. Smičiklas (et al.). Zagreb, 1906. T. IV. P. 146-148, 153.
57. Ibid. P. 144-145, 151-152, 162-163.
58. По мнению Хансгерда Геккеньяна, массовый отход монгольских войск из Венгрии на восток начался в конце марта 1242 г. (*Геккеньян Х. Поход на Запад и завоевание Восточной Европы // История татар с древнейших времен*. В 7 томах. Т. 3: Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань, 2009. С. 164).
59. «Item cum post recessum Tartarorum ad easdem partes maritimas vergeremus secundario et super facto ladrie inter nos et Venetos esset discordia suscitata, ipse fidelis Nicolaus nobis mittentibus Venecias accedens litteras conposicionis, tam ex parte nostra ad ipso s Venetos quam eiam econverso, non sine magna providencia condidit illis suas et nobis nostras commendabiliter reportando».

60. См.: *Toma Arhidakon*. Historia Salonitana. Cap. XLII. P. 266, 268; *Дома Сплитский*. История архиепископов Салони и Сплита. С. 124-125; *Andreae Danduli Chronica per extensum descripta* aa. 46-1280 / A cura di E. Pastorello. Bologna, 1938. P. 353-356; *Martino da Canal*. Cronique des Veneciens / A cura di L. F. Polidori // Archivio storico italiano. Firenze, 1845, T. VIII. P. 390-400.

61. См.: *Codex diplomaticus Regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae*. T. IV. P. 162; *Andreae Danduli Chronica...* P. 353; *Martino da Canal*. Cronique des Veneciens. P. 390.

62. См.: *Pauler Gy*. A magyar nemzet. Budapest, 1893. K. 2. O. 266-272, 670-671. См. также: *Miller S. M.* Venice in the east Adriatic: experiences and experiments in colonial rule in Dalmatia and Istria (C. 1150-1358). Stanford University, 2007.

63. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 785-786.

64. Там же. Стб. 786.

65. Там же. Стб. 787.

66. Там же.

67. Там же. Стб. 787, 789.

68. Там же. Стб. 809.

69. Там же.

70. Там же. Стб. 794.

71. *Dimnik M.* 1) Mikhail, Prince of Chernigov and Grand Prince of Kiev, 1224 – 1246. Toronto, 1981. P. 122, note 93; 2) The Dynasty of Chernigov, 1146 – 1246. Cambridge, 2007. P. 364-365.

72. *Hardi Đ*. Rostislav Michajlovič «Dominus de Machou» // *Studia Balcanica Bohemo-Slovaca*. 2006. T. 6. S. 66.

73. *Dąbrowski D.* Stosunki polityczne między królem Węgier Belą IV, niektórymi książętami polskimi i Romanowiczami w latach 1242 – 1250... S. 165-167, przyp. 4 (здесь же обзор литературы вопроса).

74. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 794.

75. Там же. Стб. 793.

76. Там же. Стб. 795-796.

77. См.: *Włodarski B.* 1) Polska i Ruś, 1194 – 1340. Warszawa, 1966. S. 125-126; 2) Polityczne plany Konrada I księcia mazowieckiego // *Roczniki Towarzystwa Naukowego w Toruniu*. Toruń, 1971. T. 76. Zs. 1. S. 58; *Myśliński K.* Problemy terytorialne w stosunkach między Polską i księstwem halicko-włodzimierskim w XIII wieku // *Nihil superfluum esse*. Studia z dziejów średniowiecza ofiarowane Profesor Jadwidze Krzyżaniakowej / Pod red. J. Strzelczyka, J. Dobosza. Poznań, 2000. S. 231-233; *Nagirnyj W.* Polityka zagraniczna księstw ziem Halickiej i Wołyńskiej... S. 219-220.

78. «Nec pertermittamus, cum eundem in succursum karissimi generi nostri, illustris ducis Poloniae, contra Conradum ducem misissemus, ibi taliter sue probitatis exercuit opera, quod abinde non sine magno nostre celsitudinis honoris rediit incremento». *Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae*. T. 2. Nr. 153. P. 104.

79. *Dąbrowski D.* Stosunki polityczne między królem Węgier Belą IV, niektórymi książętami polskimi i Romanowiczami w latach 1242 – 1250... S. 169.

80. Codex diplomaticus et commemorationum Masoviae generalis (Zbiór ogólny przywilejów i spominków Mazowieckich) / Ed. J. C. Kochanowski. Warszawa, 1919.. Nr. 85.

81. Labuda G. Zaginiona kronika w Rocznikach Jana Długosza. Próba rekonstrukcji. Poznań, 1983. S. 144-145. Эту точку зрения принимает также М. Бартницкий (*Bartnicki M.* Polityka zagraniczna księcia Daniela Halickiego... S. 79-80).

82. Бертењи Й. Международное положение Венгрии после татарского нашествия // Восточная Европа в древности и средневековье. Сборник статей / Отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1978. С. 316-317.

83. См.: Nadawniejsze roczniki Krakiwskie i kalendarz / Wyd. Z. Kozłowska-Budkowa. Warszawa, 1978 (Pomniki dziejowe Polski. Ser. 2. T. V). S. 80, 241.

84. Włodarski B. Rola Konrada Mazowieckiego. S. 39; Szambelan Z. Najazdy ruskie. S. 16-19; Myśliński K. Problemy terytorialne... S. 232-233; Bartnicki M. Polityka zagraniczna księcia Daniela Halickiego... S. 81-86.

85. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 797.

86. «In Bulgaria vera per plures menses involuntarie detentus, negotium eciam, pro quo eum miseramus, promotioni reddidit commendande, saliens idem Nicolaus de virtute fidelitatis in virtutem devocionis easdem virtute constancie quasi quo dam signaculo roborando».

87. Подр. см.: Жаворонков П. И. Никейско-болгарские отношения при Иване II Асене (1218–1241) // Византийские очерки. Труды советских ученых к XV Международному конгрессу византинистов / Отв. ред. З. В. Удальцова. М., 1977. С. 195–209.

88. Дочь венгерского короля Андрея II Мария в 1221 г. стала второй женой болгарского царя Ивана II Асеня (в болгарских источниках она известна под именем Анна); Беле IV Мария (Анна) приходилась родной сестрой; имя и пол умершего вместе с ней ребенка неизвестны. См.: Божилев И. Фамилията на Асеновци (1186–1460). Генеалогия и просопография. София, 1985. С. 87, 104; Николов Г. Н. Венгры в Болгарском царстве в XIII – XIV веках // Byzance et ses voisins: Mélanges à la mémoire de Gy. Moravcsik. Szeged, 1994. P. 78-79.

89. Georgii Acropolitae Opera / Rec. A. Heisenberg. Leipzig, 1903. Vol. I. P. 56.14–22. Русский перевод см.: Георгий Акрополит. История / Пер., вступ. ст., коммент. и прилож. П. И. Жаворонкова. СПб., 2005. С. 73. См. также: Данчева-Василева А. България и Латинската империя (1204 – 1261). София, 1985. С. 139-142.

90. Данчева-Василева А. България и Латинската империя... С. 142-144.

91. См.: Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia / Ed. A. Theiner. Romae, 1859. T. I (1216 – 1352). Nr. 283-286, 288, 294, 295, 297-299, 308. P. 159-162, 164-167, 170-171.

92. Латински извори за българската история / Под ред. В. Гюзелев (и др.). София, 1981. Т. 4. С. 80-81.

93. См.: Димитров Хр. Българо-унгарски отношения през средновековието. София, 1998. С. 142-144.

94. Regesta rerum stirpis Arpadianae critico-diplomatica. T. 1. Vol. 1. Nr. 674. P. 204-205.

95. См.: *Hendrickx B. Régestes des impereurs latins de Constantinople* (1204–1261/72) // *Byzantina*. 1988. Т. 14. Nr. 191, 207, 210.
96. *Данчева-Василева А.* България и Латинската империя... С. 150.
97. *Димитров Хр.* Българо-унгарски отношения... С. 143–144.
98. См.: *Цанкова-Петкова Г.* България при Асеновци. София, 1978. С. 127; *Павлов Пл.* България, «Златната орда» и куманите // *Векове*. 1989. Т. 18. Кн. 2. С. 26.
99. *Rogerii Carmen Miserabile* / Ed. L. Juhász // *Scriptores Rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum* / Ed. E. Szentpétery. Budapestini, 1938. Vol. II. P. 553–554. Русский перевод см.: *Магистр Рогерий.* Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами / Пер. с латинского, вступ. статья и коммент. А. С. Досаева. СПб., 2012. С. 18–19.
100. См.: *Rogerii Carmen Miserabile*. P. 553–554; Матвей Парижский. Великая хроника // *Матузова В.И.* Английские Средневековые источники: тексты, перевод, комментарий. М., 1979. С. 155; *Albrici monachi Triumphontium Chronikon*. – 1241. / Ed. P. Scheffer-Boichorst // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. Hannoverae*, 1874. Т. XXIII. P. 946; *Chronica Andreae Danduli*. P. 299; *Continuatio Sancrucensis* II. a. 1234 – 1266 / Ed. W. Wattenbach // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. Hannoverae*, 1874. Т. IX. P. 640.
101. *Rogerii Carmen Miserabile*. P. 561; *Магистр Рогерий.* Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами. С. 27, 239.
102. *Epistola fr. Juliani de bello Mongolorum* / Письмо брата Юлиана о монгольской войне / Публ. С. А. Аннинского // *Исторический архив*. М.; Л., 1940. Т. 3. С. 88–89.
103. *Rogerii Carmen Miserabile*. P. 566–568; *Магистр Рогерий.* Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами. С. 33–36.
104. См.: *Павлов Пл.* Куманите в общественно-политический живот на средновековна България (1186 – началото на XIV в.) // *Исторически преглед*. 1990. 36/7. С. 22.
105. См.: *Майоров А. В.* Летописные известия об обороне Чернигова от монголо-татар в 1239 г. (Из комментариев к Галицко-Волынской летописи) // *Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН*. СПб., 2009. Т. 60. С. 311–326.
106. См.: *Майоров А. В.* Повесть о нашествии Батыя в Ипатьевской летописи. Часть первая // *Rossica antiqua*. 2012. № 1. С. 33–94; *Его же.* Повесть о нашествии Батыя в Ипатьевской летописи. Часть вторая // *Rossica antiqua*. 2012. № 2. С. 43–113.
107. См.: ПСРЛ. М., 2000. Т. 6. Вып. 1. Стб. 299–301. СПб., 2002. Т. 42. С. 115–116; М., 2000. Т. 4. Ч. 1. С. 221–222.
108. *Иванов А. И.* История монголов (Юань-Ши) об асах-аланах // *Христианский Восток*. СПб., 1913. Т. II. Вып. 3. С. 283, 299; *Золотая Орда в источниках*. Т. 3: Китайские и монгольские источники / Сост., пер. и коммент. Р. П. Храпачевского. М., 2009. С. 175, 242.
109. *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II / Пер. с персидского Ю. П. Верховского; под ред. И. П. Петрушевского. М.; Л., 1960. С. 39.

Игорь БАРИНОВ,
Иван СТРЕЛКОВ

ЗАПАДНАЯ ГРАНИЦА В УКРАИНСКОМ И РУССКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ: МЕЖДУ ПРОПАГАНДОЙ И ПОЛИТИКОЙ (1914-1919 гг.)

Вторая половина XIX в., отсчет которой положили революции 1848 г., ознаменовалась выходом на первый план европейской политической и этнической истории национальных государств. Этот факт не только оживил длившиеся уже долгое время дискуссии о том, что такое нация, но и выдвинул несколько новых положений. Так, с одной стороны, нация стала рассматриваться как некая культурная общность, служащая источником власти и объектом государственной лояльности¹. С другой стороны, единство культурного поля и сопутствующее ему единство политической традиции породили концепцию объединения всех представителей нации в одном этно-политическом государственном организме. Ярким примером такой концепции стала идеология пангерманизма.

Германский пример оказался весьма привлекательным для народов Восточной Европы. Прежде всего это коснулось населения восточных провинций Австрии и юго-западного региона России. Если публикации современников однозначно указывали на то, что преувеличивающая часть русинов симпатизирует социализму, а не национализму², то американско-украинский историк Джон-Пол Химка отмечал, что у крестьянских масс, составлявших наибольший сегмент населения, не «отсутствовало этническое сознание – просто они не мыслили политически», в связи с чем «национальное движение не достигло, да и не могло достигнуть крестьян»³, оставшись уделом интеллигенции. В этом смысле можно согласиться с известным теоретиком национализма Э. Геллнером в том, что именно культурная однородность индустриального общества, разительно отличавшаяся от неоднородности аграрных обществ⁴, каким по характеру было русинское, в данном случае подпитывала пангерманскую идеологию.

По мере развития украинофильского движения (возникшего в противовес старому, русофильскому) и появления на рубеже XIX-

XX вв. идеи независимой Украины его представители столкнулись с определенными проблемами. Во-первых, формировавшаяся национально-политическая доктрина в свете упомянутой культурной неоднородности не имела никаких осязаемых ориентиров, способных объединить представителей различных регионов. Во-вторых, территории, на основе которых планировалось создание государства, были в неравной пропорции разделены между двумя континентальными империями – Австро-Венгрией и Россией. Именно в указанное время у украинофильских авторов появилось новое определение – границы будущей независимой Украины. В одноименной брошюре, впервые опубликованной во Львове в 1900 г., они определялись двумя горными системами: Карпатами на западе и Кавказом на юге. Как многозначительно говорилось в тексте, со времени вынужденной конфедерации с Россией и наступившего в 1654 г. «антракта исторической драмы украинской нации» весь цвет нации жил с мыслью об этих границах⁵. Будущий вдохновитель интегрального украинского национализма Дмитрий Донцов в своем выступлении на студенческом съезде во Львове в 1913 г. обвинил Россию в искусственности ее государственности, достигнутой, как он считал, за счет Украины, и провозгласил главной целью украинского движения возвращение к «этнографическим границам»⁶.

Если в России украинские губернии и относимые к ним украинофилами области (такие, как Кубань) располагались в целом достаточно монолитно, то в австрийских Галиции, Буковине и Прикарпатье существовала настоящая культурно-языковая чересполосица. Случаи приписки различных этносов как к русинам, так и к полякам и венграм по принципу религии или родного языка были обычным явлением⁷. Так, во время переписи 1910 г. в Восточной Галиции римо-католиками себя назвали 1,13 млн, греко-католиками – 3 млн человек, при этом 2,1 млн назвали родным языком польский, а 3,1 млн человек – русинский⁸. Учитывая, что указанные конфессии были основными для славянского населения этой области (православные составляли лишь очень малый процент), получается, что свыше 1 млн человек, относивших себя к полякам или русинам, этнически не являлись таковыми.

В России в конце XIX – начале XX в. идея присоединения Галиции была достаточно популярной в патриотических и национально ориентированных кругах – как в обществе, так и в государственных сферах. В основе этого дискурса лежало сочетание националистических и имперских устремлений. В первом случае это были рассуждения, относящиеся к национализму, а во втором – соображения имперской политики и теория «естественных границ», аккумулиро-

вавшая доводы национального и геополитического характера. Так, в докладе на собрании Галицко-русского благотворительного общества И. Манасеин утверждал, что им движут не особые славяно-фильские чувства, а представление о том, что каждая нация должна жить только в своем государстве⁹. Он считал ненормальным то, что часть «малороссийского племени» жила вне России, подобно тому, как часть греков жила вне Греции и т. п.¹⁰. Согласно Э. Геллнеру, это классический националистический подход, уравнивающий понятия «нация», «государство» и «народ»¹¹.

Основу коренных имперских интересов России в Галиции сформулировал еще в 1886 г. глава Генерального штаба генерал Н.Н. Обручев. Он утверждал, что польская нация всегда станет на сторону той державы, которая нападет на Россию¹². Центр польской политики, по мнению Обручева, находился в Галиции. Поэтому для России было очень важно его искоренить посредством присоединения Прикарпатской Руси. По мысли генерала, именно она была ключом к польскому вопросу, который, в свою очередь, был крайне принципиален для Российской империи. Поражение в этом вопросе, считал он, отбросило бы Россию к Днепру и Западной Двине. Проблема, таким образом, вовсе не сводилась к присоединению к огромной империи еще одной провинции, а была гораздо глубже.

Суть теории «естественных границ» состояла в том, что каждое государство, с одной стороны, должно включать в себя весь ареал проживания образующего его этноса. С другой стороны, оно, с точки зрения этой теории, не может замыкаться исключительно в этнических пределах. Его границы должны формироваться с учетом географического и стратегического аспектов. По мнению военного специалиста Генерального штаба полковника П. Базарова, эти факторы уступали национальному, но все же их роль не умалялась. Вслед за требованием наибольшего соответствия этнографической картине в той или иной местности граница должна была удовлетворять стратегические и экономические потребности государств, отвечать, кроме того, сложившимся историческим и политическим условиям¹³.

В узко стратегическом смысле присоединение Галиции к России обеспечивало бы империи удобную границу по южному склону Карпатских гор. Однако нетрудно догадаться, что перечисленные Базаровым условия могли находиться в разительном противоречии друг с другом. Так было и в случае с Восточной Галицией. Как известно, эта область с XIV в. жила жизнью, обособленной от Северо-Восточной Руси, что не могло не сказаться на ее этнокультурном облике. Это заставляло как ученых, так и военных с осторожностью относиться к перспективе присоединения области. Так, А.Н. Пыпин

напоминал, что русины Галиции, несмотря на общее с русскими прошлое, к началу XX в. сильно обособились в этническом отношении¹⁴. Эти сомнения разделяли не только в академической, но и в военной среде. В 1900 г. военный министр А.Н. Куропаткин в докладе императору Николаю II доказывал, что присоединение Галиции ослабит внутреннее положение империи, так как этот край сыграет роль Эльзас-Лотарингии в Восточной Европе¹⁵.

Наряду с этим еще до войны в работе с местными русофилами наметились трудности, касавшиеся как самого русофильского движения, ослабленного первой волной русинской эмиграции¹⁶, так и структурного доминирования других наций в социально-экономической (немцы и евреи) и культурной (поляки в Галиции, венгры в Прикарпатской Руси) сферах. Так, деятели галицко-русского движения, обвиняя поляков в «ненасытности», а украинофилов за стремление обособиться – в «малодушии»¹⁷, в реальности с трудом давали отпор массированным кампаниям обеих сторон по ограничению русофильства и нивелированию его влияния. Не было структурированной поддержки и со стороны России: австрийская контрразведка отмечала недостаточное финансирование необходимых пропагандистских и политических мероприятий¹⁸.

О будущей границе у руководства России в целом существовало нечеткое и во многом априорное представление. Как считает российский историк А.Ю. Бахтурина, не следует преувеличивать масштаб конкретных замыслов русского правительства, которое в поддержке русофильства видело средство для поддержания баланса сил в регионе¹⁹. Так, после начала военных действий летом 1914 г. оказалось, что Россия не имеет точного плана организации захваченной у Австрии территории Галиции²⁰.

Для украинофилов же начавшаяся Первая мировая война стала новым стимулом к продвижению идей независимой Украины – в этот раз уже под эгидой Германии и Австро-Венгрии. Образованный 2 августа 1914 г. во Львове Союз освобождения Украины организовал настоящую информационную атаку на аудиторию как воюющих, так и нейтральных стран. За три года (1914-1917) одних брошюр им было выпущено около ста на двенадцати европейских языках, тогда как, по подсчетам Н.М. Пашаевой, в России в 1914-1916 гг. вышло всего 35 популярных изданий и статей на русском, посвященных восточным провинциям Австрии, в том числе Галиции²¹.

По украинской проблематике на австрийские субсидии выходили восемь изданий на пяти языках: «Вісник Союзу Визволення України» (с 1918 г. – «Вісник політики, літератури й життя»), «Ukrainisches Korrespondenzblatt» («Украинский вестник»), «Ukrainische

Nachrichten» («Украинские известия») и «Ukrainische Rundschau» («Украинское обозрение») в Вене, «Ukránia» («Украина») в Будапеште, «La Revue ukrainienne», «L'Ukraine» и «The Ukraine» в Лозанне. Продукция была дифференцирована по содержанию и потенциальному воздействию. Если у «Вісника СВУ», «Украинского вестника» и «Украинских известий» была схожая структура (последовательно – аналитика, пропаганда, информационные материалы) и выходили они каждую неделю, то «Украина» и «Украинское обозрение» появлялись соответственно два раза и раз в месяц и позиционировались как «толстые» интеллектуальные журналы. «Дублерами» австрийских изданий для нейтральных стран служили аналогичные по названию и содержанию швейцарские.

Помимо этого, многочисленные брошюры и газеты²² выходили в специализированных лагерях военнопленных для выходцев из Украины: Вецларе, Раштатте и Зальцведеле (Германия), Фрайштадте (Австрия) и Дунасердагеле (Венгрия, ныне – Словакия). Так, фрайштадтская лагерная газета «Мотылек», призывая к борьбе против «злой мачехи» России, писала, что «медвежья лапа, которая столько времени душила украинцев в России, теперь хочет уничтожить зачатки возрождения в Галиции»²³. Вслед за германской концепцией биологической принадлежности к нации стали распространяться материалы, подчеркивавшие расовые различия украинцев, русских и поляков²⁴.

Подобного пропагандистского разнообразия у российской стороны не наблюдалось. Как отмечает российский историк А. Асташов, у русского руководства на момент начала войны сложилось убеждение, что пропаганда сама по себе неважна, а «идеологический натиск» призван лишь дополнять военные действия²⁵. При этом стоит отметить, что офицеры русской армии сами не понимали государственной пропаганды, например, причисляя дружественно настроенных к русским войскам лемков к идеологическим противникам – украинофилам и запрещая солдатам контактировать с ними²⁶. В целом отношение к славянскому населению Австро-Венгрии строилось на априорном убеждении о принадлежности всех славянских этносов к одному народу, безотносительно политической традиции. У русской пропаганды в Галиции, таким образом, были две ключевые темы – освобождение от Австрии и завершение собирания русских земель²⁷. Эти тезисы проистекали из распространенной в то время в России концепции неославизма, которая отличалась двойственностью: если либералы видели в славянском единении почву для преобразований, то правые придавали ей «панрусский» характер.

Именно эта двойственность, как представляется, стала роковой

для всей последующей политики России в регионе²⁸. К ней добавились отсутствие унифицированного руководства пропагандой и сложности с ее финансированием и логистикой на занятых русскими войсками территориях²⁹. Кроме того, очень скоро возникло взаимное недоверие между российским МИДом и русофильскими изданиями. Это было связано с цензурированием выходивших в них материалов, которые казались русским чиновникам политизированными, с уклоном в национальную сторону и, следовательно, небезопасными для существовавшей династической лояльности. К слову, у Австро-Венгрии таких проблем не возникало из-за того, что австрийцем считался любой подданный страны, лояльный властям, независимо от его национальной принадлежности³⁰.

В отношении проведения границы у русского правительства в целом преобладала идея о включении населенных русинами областей в состав России, так как их население рассматривалось как «продолжение населения Волынской и Подольской губерний»³¹. Трудность заключалась в отсутствии инструментов реального политического влияния России в крае ввиду того, что все значимые русофильские организации были ликвидированы австрийскими властями еще до войны либо в самом ее начале. Более того, конкретные обещания послевоенного устройства были даны лишь полякам – оппонентам русинов³². У украинских националистов устойчивые штампы геополитических построений также были по большей части воображаемыми. Связанные как с реальными, так и с мнимыми украинскими территориями, они переходили из статьи в статью и из книги в книгу. Однако с началом войны националистам пришлось более конкретно очертить контур границы, в которой они видели будущую независимую Украину.

В 1915 г. в Берлине увидела свет брошюра географа Степана Рудницкого «Украина и украинцы». В ней автор, помимо ставшего уже традиционным контура украинских границ по трем горным системам (Карпаты – крымская Яйла – Кавказ), дал достаточно подробную характеристику западной границы, которая должна была охватить всю, как ему казалось, украинскую этнографическую область. Так, граница должна была проходить от верховьев Днестра (очевидно, имелся в виду район Добромилъ-Хыров) до реки Попрад, оттуда по линии Грибов – Горлице – Дукля – Санок подниматься по реке Сан до Ярослава, а затем восточнее Замостья и Красностава идти к Нареву³³. Эта карта была воспроизведена в немецком справочнике по Украине³⁴ в следующем году (см. стр. 84).

Несмотря на то, что граница обрисована достаточно схематично, заметно, что на первом отрезке она узкой полосой глубоко вдается в

Западную Галицию, включая Пшемысль. Затем, когда граница двигается на север, захватываются значительные территории на юго-востоке и северо-востоке нынешней Польши и Западной Белоруссии. Положенная в основу предполагаемой границы идея «украинской соборности», таким образом, прибавила к будущему государству часть русофильской Лемковщины и сильно колонизированные Холмщину и Подляшье, а также районы компактного расселения белорусов близ Белостока, то есть совершенно некомпануемые ни между собой, ни в составе Украины территории. Это, тем не менее, не смущало украинских интеллектуалов, спокойно смешивавших два несовместимых типа государственной лояльности³⁵. Однако в условиях того, что предполагаемая западная граница Украины постоянно находилась в зоне боевых действий, вопрос о ее реальном проведении не стоял на повестке дня.

Ситуация стала меняться после Февральской революции в России, когда в августе 1917 г. была образована Украинская народная республика (УНР), а затем – после Октябрьской, когда, наряду с руководством РСФСР, правительство УНР начало переговоры о заключении мира с Центральными державами. На состоявшейся 3-6 января 1918 г. встрече с австрийскими и германскими представителями глава украинской делегации Всеволод Голубович выступил с предложением «мира без аннексий и контрибуций и права на самоопределение наций» при согласии Австрии на установление ранее обо-

Источник: Kessler O. Die Ukraine: Beiträge zur Geschichte, Kultur und Volkswirtschaft. Munchen, 1916.

значенной украинской западной границы³⁶. Участник переговоров министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Чернин, однако, сразу дал понять представителям УНР, что возможно лишь формирование нового коронного края на территории Восточной Галиции и Буковины, но Прикарпатье останется венгерским. Когда начальник штаба германского главного командования на Востоке Макс Гофман предложил сместить границу восточнее Западного Буга, украинские делегаты заявили претензии и на часть Гродненской и Минской губерний³⁷.

Между тем украинской делегации удалось получить согласие Центральных держав на присоединение части Холмщины по линии Белограй – Шебрешин – Красностав – Пугачев – Радин – Межиречье – Сарнаки к территории Украины³⁸. У этого достижения была весьма любопытная предыстория. Осенью 1917 г. Временное правительство России отменило закон 1910 г. о самоуправлении в Царстве Польском, который содержал в том числе и постановление о выделении Холмской губернии³⁹. В Польше этот акт был воспринят, естественно, как аннулирование губернии и возвращение ее территории в состав польских земель. Юрисконсультскому отделу МИД России пришлось потрудиться над доказательством того, что отмена закона не влечет за собой территориальные изменения. Составленная записка по этому вопросу каким-то образом оказалась в руках украинских делегатов в Бресте и была ими использована в собственных целях⁴⁰.

Примечательно, что при наличии достаточно серьезных требований о присоединении к Украине ряда сопредельных территорий руководство УНР и сменившей ее в апреле 1918 г. Украинской державы не обладало никакими реальными политическими возможностями не только для их будущего удержания, но и для поддержания собственного положения. Об этом свидетельствуют и замечание посла Австро-Венгрии в Киеве графа Яноша Форгача о том, что украинское правительство «изолировано от происходящего в стране», и признание министра иностранных дел Украины Дмитрия Дорошенко в том, что для австрийцев понятие «украинец» было «чисто политическим обозначением»⁴¹. Собственные промахи в установлении западной границы украинская сторона объясняла враждебными происками поляков, «недалеко ушедших от татар»⁴², которые хотели предложить корону австрийскому императору Карлу, и тот якобы был готов предать украинцев⁴³. Политический расчет на вербовку украинских военнопленных для создания воинских частей не оправдался: из 700 тыс. чел. только 2 тыс. поддались агитации Союза освобождения Украины и согласились воевать на стороне Центральных держав⁴⁴. Официальные отчеты Союза отмечали, что все

военнопленные были почти полностью русифицированы, а агитаторов приходилось подбирать на скорую руку, причем делалось это очень неумело⁴⁵. В этих условиях единственной реальной военной силой украинского государства оставались организованные еще австрийцами части сечевых стрельцов, впоследствии составившие основу армии Западно-Украинской народной республики (ЗУНР).

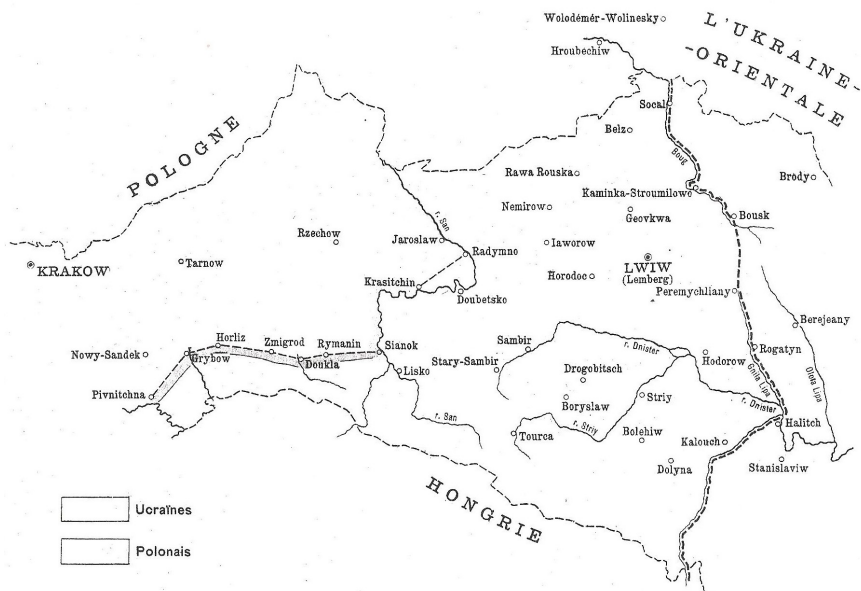
Новая страница в установлении границ в Восточной Европе оказалась связана с развалом Австро-Венгрии в начале ноября 1918 г., в результате чего в Восточной Галиции началась война между Польшей и ЗУНР, а в Прикарпатье и ряде районов Западной Галиции на некоторое время установился политический вакуум. На этом фоне заметно активизировались представители местного самоуправления. Так, в каждом городе Прикарпатья возникло как минимум три рады (солдатская, рабочая и крестьянская), а всего к концу ноября 1918 г. таких рад было около пятисот⁴⁶. В это же время в тридцати селах на Лемковщине возникла Восточно-Лемковская республика, вскоре присоединившаяся к ЗУНР. Сложная и нестабильная ситуация в бывших славянских провинциях Австро-Венгрии не помешала правительству УНР, власть которого повторно установилась в Киеве в конце декабря 1918 г., снова заявить о претензиях на западную границу, которые в целом совпадали с предложениями, выдвинутыми украинскими интеллектуалами во время Первой мировой войны. Первым шагом на пути воссоединения всех разрозненных частей Украины стали два декларативных заявления – решение Всекарпатского конгресса в Хусте о присоединении Прикарпатья к УНР и аналогичное решение ЗУНР, названное Актом объединения, принятые соответственно 21 и 22 января 1919 г. Желание войти в состав УНР изъявил и президент организованной местной самообороны на Раховщине Гуцульской республики Степан Ключурак⁴⁷. Против присоединения высказался русофил Ярослав Качмарчик, президент Западно-Лемковской республики, возникшей как раз на сильно выдававшейся в западном направлении узкой полосе границы, предлагавшейся УНР. Несмотря на это, формально, в международных обсуждениях, украинские делегаты предоставляли географические карты Украины с западной границей, проведенной по предложениям С. Рудницкого.

Спектр мнений галицийской интеллигенции включал и русофильскую точку зрения, которая не исчезла даже в ситуации фактического распада России после Октябрьской революции. В создавшихся условиях русофилы взяли ориентацию на антибольшевистские силы. 2 декабря 1918 г. Львовский Национальный конгресс постановил, что «русский народ Австро-Венгрии» объединяется с демокра-

тической Россией на началах федерации или автономии⁴⁸. Не очень понятно, какое именно государственное образование понималось под «демократической Россией». Можно предположить, что речь шла о времени, которое наступит после победы над большевиками и созыва Учредительного собрания. В то же время во Львове, вероятно, еще ясно не понимали последствия переворота, совершившегося в Омске 18 ноября 1918 г., и связывали представления о русской демократической власти с омской Директорией подобно тому, как это делали жители Бессарабии⁴⁹.

Конгресс обратился к союзникам с просьбой помочь установить в Галиции мир и поддержать воссоединение с Россией, принять карпаторусских делегатов в состав участников Мирной конференции, наказать австрийских армейских командиров и политиков, виновных в преступлениях времен войны⁵⁰. Для того чтобы представить союзникам эти требования, была составлена особая делегация русских Австро-Венгрии, которую возглавил бывший депутат австрийского парламента, видный деятель галицко-русского движения Дмитрий Марков⁵¹.

Для Парижской мирной конференции был подготовлен и особый документ, в котором объяснялись пожелания русских бывшей Австро-Венгрии и заострялось внимание на полемике с украинофила-

Источник: Why is War Carried on in East Galicia Between the Ukrainians and the Poles // The Ukrainian Problems. 1919. № 2.

ми. Здесь приводились аргументы исторического, лингвистического и вероисповедного плана. Апеллируя к самоназванию «русин» и обозначению в народе веры прилагательным «русская», авторы записки доказывали, что население восточной окраины Австро-Венгрии сохранило русское самосознание⁵². Другой акцент делался на отрицании существования украинской нации и возможности создания украинского государства. Эта идея подкреплялась напоминанием о том, что независимая Украина появилась в результате Брестского мира, то есть как часть германской политики⁵³. Таким образом авторы стремились продемонстрировать союзникам германское происхождение украинофильского движения. Иных доводов, кроме собственно этнографического, сторонники русской идеи не выдвигали.

Однако русофильская идея не всегда преобладала в регионе. Так, в это же время (декабрь 1918 г.) желание собрать «все русские земли в одном украинском государстве» выразила Мараморошская рада в Прикарпатье⁵⁴. Украинофилы пользовались и похожими на русофильские категориями, так же делая акцент на исторической «древности» украинской цивилизации, которая, несмотря на прерывающуюся государственность, сумела сохранить до наших дней историко-культурную индивидуальность украинцев⁵⁵. Для того чтобы убедить мировое сообщество в развитости украинской государственности, запорожские казаки именовались украинскими представителями «национальной украинской армией»⁵⁶, а их стремление к вольности трактовалось как социальная политика независимой Украины⁵⁷. Экономико-стратегическая выгода от присоединения Галиции к УНР отодвигалась на второй план⁵⁸, очевидно, как малозначительная.

Что касается представлений галицийских русофилов о будущих границах России в регионе, то они, по существу, также не отличались от того, что требовали деятели украинской ориентации. В целом, линия была направлена по реке Сан до устья реки Вислок, далее поворачивая на юго-запад через Ярославский, Перемышльский, Березовский и Саноцкий уезды, откуда шла на запад по северному склону Карпат через Горлицу и Грибов, оставляя эти города на русской стороне, до Попрада, затем - по прежней галицко-венгерской границе, но с включением четырех селений (Белая Вода, Черная Вода, Яворки и Шляхтова) между реками Попрад и Дунаец, примыкающими к Угорской Руси, в состав русской территории. В Венгрии граница пролегла по Попраду до его истока, затем - по водоразделу рек Гернад, Ваг и Грон, в юго-восточном направлении к южным склонам Гегьялайского хребта, далее - на восток по Тисе до впадения реки Тур и по этой реке, затем - по водоразделу рек Тур и Тиса до

города Сигета. Затем граница шла по водоразделу рек Иза и Вышев и далее - через местечко Вышев, остающееся на румынской стороне, с отнесением верхней долины реки Васир к русской территории.

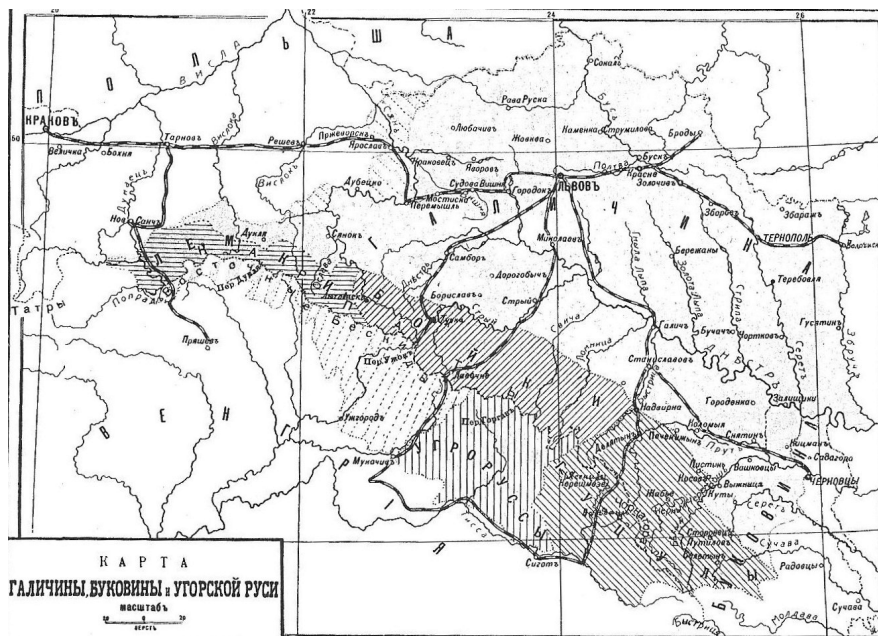
Различия между русофилами и «украинцами», таким образом, были в трактовке этнической принадлежности одного и того же восточнославянского населения.

Представители Белого движения также были небезучастны к судьбе Галиции. Русское политическое совещание, представлявшее его интересы в Париже, поднимало эту тему в связи с вопросом о русско-польской границе. Однако полемическая направленность их аргументации относилась, прежде всего, к Польше, а не к украинским деятелям. Беспочвенность польских притязаний на Восточную Галицию основывалась на конкретном материале. Совещанием была подготовлена записка, детально разбиравшая истинность доводов в пользу присоединения края к Польше. Русским специалистам удалось показать, что только во Львове, а также Ярославском и Бжозовском уездах поляки имели существенное большинство (85, 67 и 88 % соответственно), а в остальных у них было в лучшем случае преимущество в несколько процентов⁵⁹. Эти подсчеты соотносятся и с высчитыванием украинофилами цифр «украинского» населения в тех или иных районах бывших Российской империи или Австро-Венгрии с целью доказательства их принадлежности к украинской территории⁶⁰. Что касается Холмщины, то военные специалисты Русского политического совещания полагали, что вопрос о ее границах был удовлетворительно решен образованием Холмской губернии, включившей большую часть «русского» населения Люблинской губернии. Поэтому западная граница Холмской губернии предлагалась в качестве участка государственной русско-польской границы⁶¹.

Кроме того, в отличие от русофильских деятелей Галиции, представители Белого движения при формировании своих представлений о границе не ограничивались только этнографическими данными. Обращаясь к Мирной конференции, они предлагали учесть и интересы общеевропейской политики. В их представлении главным конфликтом в Восточной и Центральной Европе было противостояние славян и немцев⁶². Польше в этом случае отводилась роль аванпоста всего славянского мира. Для того чтобы при случае оказать Германии должный отпор, Польша должна была быть внутренне крепким, моноэтническим государством. «Белые» старались доказать, что присоединение пятимиллионной Галиции и других непольских территорий не усилит, а, наоборот, ослабит польское государство. Будущее Восточной Галиции, таким образом, увязывалось с балансом сил во всей Европе. Более того, Галиция и Прикарпатье связыва-

ли Россию с Чехословакией, усиливая ее политико-экономические контакты с Центральной Европой. Как видно, Белое движение здесь продолжило дореволюционную тенденцию сочетания локальных националистических аргументов с интересами России как империи и проблемами политики в масштабах всего европейского субконтинента.

Степень влияния Русского политического совещания на решения Мирной конференции была небольшой, но все-таки ее нельзя называть ничтожной. Несмотря на то, что Галиция решением от 25 июля 1919 г. передавалась Польше, речь на тот момент шла о временном мандате. Союзники оставляли себе возможность для маневра, чтобы в случае победы Белого движения и усиления России «отыграть» ситуацию назад. Особенно на этом настаивали члены британской делегации, понимавшие, как и «белые», что излишнее расширение Польши на Восток не приведет к политической стабильности в Европе⁶³. Что же касается украинской делегации в Париже, то ее усилия оказались тщетными. Несмотря на то, что зимой и весной 1919 г. делегация послала на Мирную конференцию целый ряд меморандумов⁶⁴, британский премьер-министр Ллойд-Джордж и президент США Вильсон остались в убеждении, что украинская на-

Источник: Галичина, Буковина, Угорская Русь. Составлено сотрудниками журнала «Украинская жизнь». М., 1915.

ция как таковая – искусственное явление⁶⁵. Подобное понимание проблемы лидерами Антанты исключало Украину из далеко идущих политических планов союзников.

Что касается идеологических и политических противников «белых» и русофилов – украинофилов, то они тоже отвергали предложения о передаче Галиции Польше (равно как и Прикарпатье – Венгрии), но из-за соображений «соборности» украинской нации. Еще до формального объединения с УНР в ноябре 1918 г. правительство ЗУНР заявило, что территории Венгрии с «украинским» населением являются частью Украины⁶⁶. Тем не менее, реальное положение как УНР, так и ЗУНР было далеким от стабильности, а их политические возможности – недостаточными. Так, 12 января 1919 г. главный город Прикарпатской Руси Ужгород был занят чехословацкими, а восточные районы области – румынскими войсками⁶⁷. Через месяц Комиссия по чехословацкому вопросу (в которую входили делегаты от США, Франции, Великобритании и Италии) установила, что Прикарпатскую Русь, которая, хотя и не входила в круг интересов Чехословакии, из-за нестабильности в России и на Украине лучше присоединить к ней⁶⁸. В это же время в результате наступления Красной армии войска УНР откатились на запад, и вскоре под контролем Директории осталась лишь небольшая часть правобережья Днепра. Армия ЗУНР, ведя тяжелые бои с поляками, до апреля 1919 г. отступала на восток. У правительства ЗУНР не было возможности помочь Гуцульской республике в борьбе с Венгрией (которая поставляла ЗУНР оружие и боеприпасы⁶⁹). В июне того же года правительства УНР и ЗУНР встретились в Каменец-Подольском, а еще через месяц в результате румынского и польского наступления Гуцульская республика и ЗУНР, которые должны были стать аванпостом для проведения западной границы, фактически прекратили свое существование.

Итак, следует отметить, что представление о линии границы Восточной Галиции у галицийских интеллектуалов как русофильского, так и украинского направления, с одной стороны, и у российских политиков и военных – с другой, было практически одинаковым, различались лишь подходы. Для украинофилов и русофилов важна была идея воссоединения населения Галиции с остальной частью Украины или России. В самой России подобных взглядов придерживались и русские националисты. Однако в политических расчетах этнографический фактор считался существенным, но далеко не единственным. Галиция и Прикарпатье рассматривались ими как средства решения крупных имперских задач – будь то польский вопрос или поддержание баланса сил в Европе и установление

стратегически подходящих границ. Идея возвращения наследия Киевской Руси, национального воссоединения «русских» с русскими была здесь скорее внешним аргументом, нежели целью.

Если говорить о судьбе этих идей в условиях территориально-го переустройства Европы после распада Российской империи и Австро-Венгрии, можно заметить, что как сторонники строительства в Галиции украинской нации, так и те, кто желал воссоединения края с Россией, не обладали должным политическим влиянием. В первую очередь, ни украинцы, ни тем более «белые» не были способны установить в области стабильную власть. В этих условиях летом 1919 г. лидеры стран-союзниц предпочли передать управление краем более устойчивым государствам – Польше и Чехословакии. Показательно, что к этому решению стали склоняться и русинские политики. Так, например, за присоединение к Чехословакии высказались делегаты от Лемковщины, находившиеся в Париже⁷⁰, а президент Качмарчик весной 1919 г. заключил тактическое соглашение с польским правительством о неучастии лемков из его республики в боевых действиях.

По существу, решение Парижской мирной конференции в отношении восточных земель Австро-Венгрии носило вынужденный характер, не соответствуя ни планам украинского национального движения, ни потребностям Российского государства. Вместе с тем, несмотря на свою слабость в 1919 г., оба игрока имели перспективы для дальнейшей борьбы в регионе. Таким образом, воплощение их геополитических планов откладывалось на будущее.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М., 2010. С. 39.
2. The Ukraine. Handbook prepared under the Direction of the Historical Section of the Foreign Office. L., 1920. P. 54.
3. Himka J.-P. Galician Villagers and the Ukrainian National Movement in the Nineteenth Century. Edmonton, 1988. P. XXI, 1.
4. Геллнер Э. Нация и национализм. М., 1991. С. 96.
5. Самостійна Україна. Вещляр, 1917. С. 4, 7-9, 23.
6. Донцов Д. Сучасне політичне положенє нації. Львів, 1913. С. 18.
7. Купчанко Г.И. Галичина и еи русски жители. Вѣдень, 1896. С. 36-38; Guttry A. von. Galizien. Land und Leute. München-Leipzig, 1916. S. 55
- Пушкаш А.И. Цивилизация или варварство. Закарпатье 1918-1945. М., 2006. С. 33.
8. Bachmann K. Ein Herd der Feindschaft gegen Russland. Galizien als Krisenherd in den Beziehungen der Donaumonarchie mit Russland (1907-1914). Wien-München, 2001. S. 30.

9. Манасеин И. К вопросу об установлении идеальной границы на западе России. Доклад, прочитанный в общем собрании Галицко-русского благотворительного общества в С.-Петербурге 19 января 1913 г. СПб., 1913. С. 3. 10. Там же.

11. Геллнер Э. Указ. соч. С.23; Хобсбаум Э. Нация и национализм после 1780 г. СПб., 1998. С. 33.

12. Подробнее см.: Коренные интересы России глазами ее государственных деятелей, дипломатов, военных и публицистов. СПб., 2004.

13. Базаров П. Государственная граница. Пг., 1917. С. 9.

14. Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914-1917 гг.). М., 2004. С. 118-119.

15. Там же. С. 122.

16. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. М., 2008. С. 38.

17. Купчанко Г.И. Указ. соч. С. 19, 31.

18. Ронге М. Разведка и контрразведка. М., 1939. С. 52.

19. Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914-1917 гг.). М., 2000. С. 123.

20. Бахтурина А.Ю. Политика России в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. С. 60.

21. Пашаева Н.М. Галиция под властью Австрии в русской и советской исторической литературе (1772-1918 гг.). URL: <http://ukrstor.com/ukrstor/pashaeva-galizawrussovlit.html> (дата обращения: 11.05.2013).

22. Подробнее см.: Кузеля З. З культурного життя України. Зальцведель, 1918. С. 18.

23. Метелик. Ч. 1 (1916). С. 4.

24. Ostwald P. Die Ukraine und die ukrainische Bewegung. Essen, 1916. S. 8.

25. Асташов А.Б. Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны. М., 2012. С. 10-11

26. Тарнович Ю. Ілюстрована історія Лемківщини. Львів, 1936. С. 248.

27. Бахтурина А.Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М., 2000. С. 58.

28. Асташов А.Б. Указ. соч. С. 10-11.

29. Там же. С. 11.

30. Taylor A.J.P. The Habsburg monarchy, 1815-1918. London, 1942. P. 16.

31. Галичина, Буковина, Угорская Русь. М., 1915. С. 11.

32. Асташов А.Б. Указ. соч. С. 14.

33. Rudnyzkyj S. Ukraina und die Ukrainer. Berlin, 1915. S. 4-5.

34. Kessler O. Die Ukraine. Beiträge zur Geschichte, Kultur und Volkswirtschaft. München, 1916.

35. Буковина. № 2-3 (1918). С. 5.

36. Михутина И.В. Украинский Брестский мир. М., 2007. С. 158.

37. Там же. С. 159.

38. Скляров С.А. Польско-украинский территориальный спор и великие державы в 1918-1919 гг. URL: <http://www.hist.msu.ru/labs/UkrBel/sklarov.htm> (дата обращения: 11.05.2013).

39. Михайловский Г.Н. Записки. Т. 1. М., 1993. С. 486.
40. Там же.
41. Doroshenko D. History of Ukraine 1917-1923. Vol. 2. Winnipeg, 1974. P. 21, 29.
42. Вістник політики, літератури й життя. Ч. 39 (1918). С. 529.
43. The Ukrainians and the war // The Ukrainian Problems. № 1. Vienna, 1919. P. 4.
44. Reitlinger G. The House Built on Sand. The Conflicts of Germany Policy in Russia, 1939-1945. L., 1960. P. 161.
45. Kateryniuk P. Bericht über die ukrainische Aufklärungsarbeit im Lager Rastatt (vom Mai 1915 – Ende Juli 1917). Rastatt, [1917]. S. 8.
46. Пушкаш А.И. Указ. соч. С. 26.
47. Там же. С. 34.
48. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 257. Оп. 556. Д. 56. Л. 7.
49. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-3439. Оп. 1. Д. 7. Л. 10.
50. АВПРИ. Ф. 257. Оп. 556. Д. 56. Л. 8.
51. Там же. Л. 8.
52. Там же. Л. 4.
53. Там же. Л. 5.
54. Пушкаш А.И. Указ. соч. С. 31.
55. Why is War carried on in East Galicia between the Ukrainians and the Poles? // The Ukrainian Problems. № 2. Vienna, 1919. P. 1.
56. Ukraina. Hrsg. von Heinrich Lanz. Berlin, 1918. S. 28.
57. Ukrainische Nachrichten. № 16 (1915). S. 6.
58. Why is War carried on in East Galicia between the Ukrainians and the Poles? // The Ukrainian Problems. № 2. P. 2.
59. ГАРФ. Ф. Р-5936. Оп. 1. Д. 191. Л. 3.
60. Ukraine. A monthly review of Ukrainian affairs and the problems of Eastern Europe. Vol 1. № 1 (1918). P. 25; Gassenko G. von. Ist Cholmland polnisch oder ukrainisch? Lausanne, 1918. S. 5.
61. ГАРФ. Ф. Р-5936. Оп. 1. Д. 187. Л. 6.
62. Там же. Ф. Р-454. Оп. 1. Д. 15. Л. 30.
63. Les deliberations du Conseil des quatre. V. 2. Paris, 1955. P. 7.
64. La Paix de Versailles. Les questions Territoriales: Tchecoslovaquie. Pologne. Ukraine. Roumanie. Yougoslavie. Paris, 1939. P. 265-275.
65. Les deliberations du Conseil des quatre. V. 2. P. 7.
66. Пушкаш А.И. Указ. соч. С. 30.
67. Там же. С. 37-38.
68. Там же. С. 51.
69. Там же. С. 36.
70. ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 369. Л. 152.

Сергей Суляк

ПОЛИЭТНИЧНАЯ МОЛДАВИЯ (по данным топонимики и антропонимики)

Молдавское княжество, образованное во второй половине XIV в. (дата основания - 1359 г.) на территории между Восточными Карпатами, Днестром и Черным морем, до татаро-монгольского нашествия большей частью входившей в состав Галицкого княжества, было изначально полиэтничным.

Древняя молдавская легенда, рассказывающая о пастухах из Марамуреша (Марамороша, комитата (жупы) на северо-востоке Венгерского королевства), которые, охотясь на зубра, встретили в районе нынешнего города Сучава русина-пасечника Яцко (Ецко), и о том, как затем обе стороны привели своих соплеменников на эти ранее разоренные татарами земли, передает сведения об основном этническом составе Восточного Прикарпатья¹. В Марамороше, помимо волохов, проживало многочисленное русинское население (сегодня большая часть этой исторической области входит в состав Закарпатской области Украины и только 2/5 территории - в состав Румынии), остались русины и на территории будущего княжества².

О значительной численности и компактности русинского населения Молдавии упоминают молдавские книжники XVII в. Симеон Даскал писал, что «создана страна из двух языков, из румын (*имеются в виду восточные романцы*. – С.С.) и русских, и до сего дня половина страны состоит из русских и половина из румын»³. Мирон Костин указывал, что русины «заселяли Черновицкий и Хотинский уезды и весь район Днестра, Сорокский и Оргеевский уезды и по Пруту – половину Ясского уезда и половину Сучавского уезда»⁴.

Помимо русинов и волохов, здесь присутствовали и другие этнические группы, расселенные некомпактно. Среди них - южные славяне (в основном болгары), которые переселялись в южную часть Карпато-Днестровских земель не только в XIV-XV вв., но и позже (особенно массово - в конце XVIII – начале XIX в.), татары, сасы (германоязычное население Трансильвании), цыгане, венгры, евреи⁵. Во времена фанариотского режима (с 1711 г.) в Молдавию на постоянное место жительства переселялись греки. Некоторые из них стали родоначальниками боярских родов (Накко, Кантакузино, Кассо и др.)⁶.

Л.Л. Полевому удалось по данным сельской ойконимики вывести динамику этнолингвистических групп на территории Молдавского

княжества в XIV – середине XV в.⁷ Города средневековой Молдавии тоже были полиэтничными. В них в XIV – середине XVI в. наряду с основным населением – молдаванами и русинами – проживали немцы, венгры, армяне, итальянцы, греки, поляки и др.⁸

Впоследствии большинство представителей национальных меньшинств было ассимилировано волохами, сыграв роль в этногенезе молдавского этноса. Особую роль в формировании молдавского народа сыграл русинский компонент, что привело к формированию этнокультурных особенностей, отличавших молдаван от родственных восточнороманских этносов⁹.

Русинское влияние прослеживается в языке (свыше 2 000 восточнославянских заимствований в основном фонде молдавского языка), материальной и духовной культуре молдаван (жилище, одежда, фольклор и т. д.)¹⁰.

Русинский (карпаторусский) язык был официальным языком Молдавского княжества до начала XVIII в.¹¹

В молдавском государстве изначально существовал молдавско-русинский билингвизм^{12*}.

М.С. Великанова подчеркивала, что антропологически молдаване (Республики Молдова и Запрутской Молдовы) отличаются от румын (валахов) и имеют четко выраженные восточнославянские черты¹³.

Как отмечал румынский академик, профессор славистики Ясского университета И. Бэрбулеску, болгарский элемент вошел в молдавский и валахский языки, в топонимику Валахии и Трансильвании. Первоначально молдаване (*românii moldoveni*) жили в этом регионе вместе с мунтянами и с болгарскими славянами, затем некоторая часть этих румын направилась в Молдавию, в которую прибыла в XIII в. (некоторые утверждают, что в даже в XII в.), где с VI в. жили русины. От последних, вследствие ассимиляции, они унаследовали большую географическую номенклатуру и слова с конкретными русинизмами (*rutenisme*)¹⁴.

Часть Молдавского княжества – территория между Прутом и Днестром, получившая позже название Бессарабия, вошла в состав России в 1812 г. Поселенные турками во второй половине XVI в. в Буджаке (юг Пруто-Днестровских земель) ногайцы были переселены русским правительством в ходе войны 1806-1812 гг. В крае про-

* На территории Молдавского государства русский язык имел статус официального (государственного): до XVIII в. в Молдавском княжестве, с 1812 по 1917 гг. – на территории Бессарабии, с 1940-1941, 1944-1989 гг. (до принятия парламентом Республики Молдова 01.09.1989 г. Закона «О функционировании языков на территории Молдавской ССР», в котором русскому языку был отведен статус языка межнационального общения) – на территории Молдавской ССР.

исходит стремительный рост населения. Если в 1812 г. количество жителей составляло от 200 до 334 тыс. чел., то в 1897 г. в Бессарабии, по результатам переписи, проживало 1 935 412 чел. Помимо молдаван и русинов, здесь жили болгары, гагаузы (переселившиеся во время русско-турецких войн 1787-1791 и 1806-1812 гг.), немцы (с 1814 г.), швейцарцы (с 1824 г.), великороссы, малороссы, поляки, евреи, армяне, цыгане и представители других национальностей.

В этот период также происходила молдавенизация. Особенно сильно ассимиляция коснулась севера Бессарабии - районов компактного проживания русинов. Как отмечали дореволюционные исследователи, она распространялась не только на язык, но и на быт¹⁵.

Шел и обратный процесс, правда, в меньшей степени.

Данные топонимики и антропонимики позволяют сделать вывод о полиэтничности Молдавии с момента ее основания по сегодняшний день.

Топонимика

Говоря о распространении русинских названий (*в оригинале: русско-рутенских*. – С.С.) в топонимике, ясский профессор Маргарета Штефанеску констатировала, что они встречаются в основном на молдавской территории (Запрутская Молдова, Буковина, Бессарабия). В Молдове между Карпатами и Прутом встречается 312 русинских названий (плюс 24 индоевропейских), 70 - с русинскими суффиксами. В Бессарабии - 45 (плюс 2 индоевропейских), с русинскими суффиксами - 119. Имеются также русинские названия населенных пунктов в Валахии, Добрудже и Трансильвании¹⁶. Причем эти названия существовали здесь до прихода восточнороманского населения и позже были им усвоены, как и некоторая лексика¹⁷.

Проанализировав названия сел Молдавии XIV-XV вв., Л.Л. Полевой пришел к выводу, что 73,8% из них - восточнороманского происхождения, а 24,5% - славянского (в основном русинского). Села с русинским суффиксами -овцы/-евцы, -инцы/-енцы составляют 12,5%¹⁸.

Этническая группа	середина XIV в.			первая четверть XV в.		
	к-во сел	к-во населения	%	к-во сел	к-во населения	%
Восточнороманская	596	41 720	48,7	1090	87 200	69,3
Русины	322	31 020	39,5	302	33 335	26,5
Южные славяне	36	2 520	3,3	37	2 960	2,3
Прочие	46	3 220	8,5	28	2 240	1,9
Всего:	1 000	78 480	100,0	1 457	125 735	100,0 [*]

* Полевой Л.Л. Очерки исторической географии Молдавии XIII-XV вв. Кишинев, 1979. С. 113.

Данные названия упоминаются с конца XIV в., например, Чюрсачевцы, Владимировцы, Букуровцы, Марышевы, Добриновцы в грамоте Романа Воеводы от 30 марта 1392 г.²⁰ В ней говорится о принадлежности Пруто-Днестровского междуречья Молдавскому княжеству: господарь Роман I называет себя владельцем всей Земли Молдавской «от планины (горные пастбища в Карпатах) до моря».

Ко второй половине XV в. древнерусский суффикс –овцы, как считал молдавский лингвист Н.Д. Раевский, эволюционирует в русинский –оуцы. Позже часть названий изменяет русинский суффикс на производный от него молдавский –ăuți (–эуць)²¹.

Небольшое место в средневековой топонимии Молдавии занимали этнонимические названия. О русинской принадлежности их жителей свидетельствуют названия Руси, Руши, Русканы, Рошиоры, Рошканы (всего 12 топонимов). О южнославянской (больше – болгарской) – Сырби (9 населенных пунктов, большинство этих сел могло быть болгарскими), Шкеены, Шкеи (скиу, мн. ч. скеи, шкеи – от лат. *scklavus-slavi* – славянин, так называли болгар), Болгары, Булгары. От сасов (немецкое население Трансильвании) – Сасены, Сашчоры; от цыган – Циганешты, Циганеи; от греков (ромеев) – Грецкое, Греки; от татар – Татары, Татарешт, Татараны и т. д. Всего – 1,7% населенных пунктов²².

Молдавские, русинские, венгерские, татарские и др. этнические названия не означают, что данные населенные пункты были населены только представителями данных этносов²³.

Названия исчезали в связи с переселением жителей, заменялись новыми, в том числе и молдавскими. Это могло быть вызвано не только изменением этнического состава, но и сменой владельцев в имений²⁴.

Помимо топонимов молдавского и русинского

происхождения, на территории Молдавии есть названия населенных пунктов великоросского, малоросского (Алексеевка, Александровка, Антоновка, Богдановка, Михайловка, Елизаветовка и т. д.), болгарского (Вербица, Долна, Орехите и т. д.), тюркского (татаро-ногайские Баймаклия, Конгаз, Кочулия, Тараклия, Томай, Чимишлия и т. д., турецкие Бендер, Измаил и т. д.) и т. д.²⁵

Антропонимика

Основными источниками образования фамилий были личное имя, прозвище или профессия отца, место происхождения или проживания, постоянное занятие (профессия), индивидуальные признаки первого носителя фамилии (физические, психологические и другие особенности)²⁶, а также принадлежность к какому-либо народу²⁷.

Постоянные фамилии возникли не так давно. Фамилии-прозвища существовали у представителей привилегированных классов в XIII-XIV вв. Однако в то время чаще писали просто имена. Документы Молдавского княжества XV-XVI вв. упоминают имена молдавских бояр, в том числе русинского происхождения: Андрейко, Иванок, Ивашко, Федко, Юрий и т. д.²⁸

Как считают исследователи, основная масса населения получила фамилии в конце XVIII - начале XIX в. При обязательной военной службе в войсках Австрии (с 1868 г. - Австро-Венгрии, в состав которой в то время входили Подкарпатская (Угорская) Русь, Галичина и Буковина) и России (административной единицей которой была Бессарабская губерния) у новобранцев записывали фамилию. Если она отсутствовала, то ей становилось прозвище (уличная кличка)²⁹.

Среди славян наиболее часто встречаются фамилии, оканчивающиеся на -ов, -ич, -ский (-цкий), -им, -к. Они охватывают более 4/5 всего славянского населения³⁰. К примеру, фамилий с суффиксом -ук/-юк/-чук в современном украинском Закарпатье не менее 600. Первые их упоминания относятся к XIII в.³¹ 936 фамилий в Закарпатье оканчиваются на -ак/-як³².

В Молдавии распространены фамилии с суффиксами -ук/-юк/-чук, -ак/-як, -ей³³, -ский/-цкий, относящиеся к юго-западной ветви восточнославянских (русинских) фамилий.

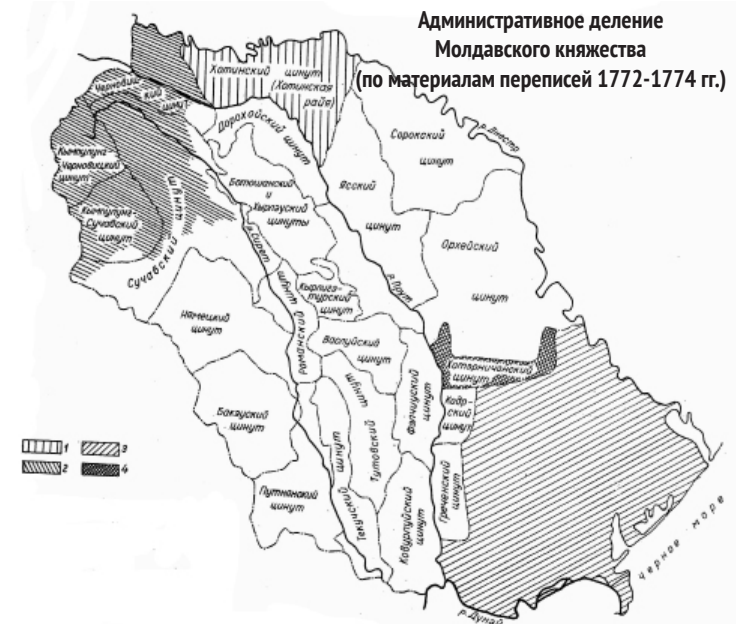
На основе русинских и малоросских имен, фамилий на -як, -ак, -юк, -ук, -ей и прозвищ возникли молдавские фамилии. От восточнославянских этнонимов и нарицательных имен возникли молдавские фамилии Казаку, Запорожан, Руссу, Руснак, Подолян, Гуцу, Буц и т. д.³⁴

По мнению нашего соотечественника профессора Новороссийского университета, известного филолога А.А. Кочубинского, «Гуц», «Буц» и производные от них происходят от этнонима «гуцул». Также как и райки – это исторические имена «для русских людей (русинов. - С.С.) северной Бессарабии»³⁵.

Фамилии Райлян и Райко носят выходцы из Хотинского уезда (бывшей Хотинской райи)³⁶. Распространенная в Молдавии фамилия Руснак – второе самоназвание русинов.

Интерес для определения национального состава Молдавского княжества представляют переписи населения 1772-1774 гг., проведенные русской военной администрацией по приказу главнокомандующего русской армии П.А. Румянцева. В посемейной переписи, охватившей все 24 цинута Молдавии, указываются либо имя, либо чьим сыном житель является, либо род занятия, либо его фамилия, либо прозвище, либо национальность. Отсутствие системы при проведении данной переписи приводит к тому, что в некоторых местах невозможно определить, что означает слово рядом с именем главы семьи. К примеру, «Ионицэ, мунтян» (в переводе в молдавского – «горец» либо выходец из Мунтении (Валахии))³⁷, или «Маковей, унгуриян»³⁸ («венгерский» - выходец из Венгрии или долгое время живший там) может означать фамилию, происхождение или национальность.

Однако, на наш взгляд, стоящие рядом с именем этнонимы мунтян, сэкуй, рус (русул), сырбул, грек (грекул), ляхул, цыган (циган), жидов, скорее всего, указывают на национальную принадлежность.

- 1 - территория Хотинского цинута, превращенная в турецкую райю в 1715 г.
- 2 - территория, присоединенная к Австрии в 1775 г. и получившая впоследствии название Буковина.
- 3 - территория, занятая турецкими райями и буджакскими татарами.
- 4 - территория Хотэрничанского цинута, воссоединенная в 1774 г. с Молдавским княжеством.

Источник: Дмитриев П.Г. Народонаселение Молдавии (по материалам переписей 1772-1773, 1774 и 1803 гг.). Кишинев, 1973.

Такие сведения дают представление о национальном составе молдавских населенных пунктов и всего княжества в конце XVIII в.

О многонациональном составе населения некоторых сел может дать представление приведенная ниже выборка (*орфография сохранена*):

Цинутул (область) Нямцулуй, околул (округ) Бистриций (села Розновул, Брэшэуций, Зэнештий): среди 234 бирничий (*платящих бир (налог)*) 23 имеют прозвище-фамилию Мунтян, 6 - Унгурян, 2 – Грек, 2 - Жидов, 1 – Беженарь, 1- Рус (Маковой, унгурян; Захарие, рус; Ионицэ, мунтян; Ион, мунтян; Константин, беженарь; Андрей, унгурян, морар; Ени, грек; Георге, грек; Мойса, жидов и т. д.). Один человек имеет прозвище Туркулец (Аксэнти), несколько человек – прозвища славянского происхождения – Тоадер Крестец, Станчул, брат Неделко; Неделко, брат Паскул; Ион Бурсук; Доьре, син Иван и т. д.³⁹

Среди 115 руфетуриле от там (освобожденных от посемейного налога): 35 – «Циган», 1- «Жюде» (Манолаке, циган; Григоре, чоботар, циган; Паску, циган; Мафтей, жюде и т. д.)⁴⁰

Цинутул Нямцулуй, околул Мижлокулуй:

с. Талпа (43 бирничий): Раду, син рэйлян; Ион, унгурян; Антал, унгурян; Френци, сэкуй; Тоадер, арман и т. д.⁴¹

с. Валя Албэ: (63 бирничий): Ион, бежанар; Георге, Ифtimi, Агапий, Ионицэ – рус; Некулай Жюржю, мунтян. Также есть славянские прозвища-фамилии: Васыле Боршу; Георге, Григоре, Григораш, Думитрашку Борш; Тоадер Ожог; Пентелий Арбенко и т. д.⁴²

Цинутул Хотин, околул де Сус:

с. Мэмэлига: из 42 бирничий встречаются Марку, рус; Уон, унгуряну; Штефан Кэзакул; Гаврил, сырбул; Васыле, русул; Думитру, беженарь. Среди руфетуриле от там: Васыле, циган и Крэчун, циган и т. д.⁴³

с. Баламутина: 83 бирничий, есть такие фамилии-прозвища: Михолаке Лусьяк; Васыле Георгечук; Георге Уцуляк; Георге Черней; Тоадер Нэстэчук; Васыле Хуцулеску; Васыле Кучук; Штефан Буйчук; Ион Гэичук; Штефан Илэшчук; Ион Дроник; Теодор Лисяк; Тоадер, сын Шэремет; Петре, сын Шэремет; Васыле Прокпец, а также Хора, русул; Иля, русул и т. д.⁴⁴

с. Грозэницэ: 35 бирничий, среди них Фодор, рус; Гаврил рус; Штефан Хуцул; Михай Заец; Фодор Мурачук; Петре, рус и т. д.⁴⁵

Цинутул Хотин, околул Ниструлуй:

с. Наславча: из 25 бирничий: Андрей Голицкэй; Николае Христицкэй; Андрей Урсуляк; Мойса, рус; Васыле Разумни; Николае Кэзаку; Марца мазур; Высылко; Михайло; Ион Тэтэркуцул и т. д.⁴⁶

Цинутул Орхей-Лэпушна, околулул Кулий:

с. Сэрэчений: среди 125 бирничий Кондре, беженар; Андрей, бе-

женар; Григораш, бежанар; Парфени, беженар, Станчул, сырбул; Ионицэ, унгурул; Аврам, жидов; Мойсэю, казакул и т. д.⁴⁷

Многие фамилии жителей Молдавии свидетельствуют об этническом происхождении их носителей и дают богатый материал для изучения этнической истории края.

Ниже приведено количество носителей некоторых фамилий согласно данным Государственного регистра населения (ГРН) государственного предприятия «Центр государственных информационных ресурсов «Registru» (ГП «ЦГИР «Registru») Министерства информационных технологий и связи Республики Молдова⁴⁸.

**Статистические данные о количестве носителей некоторых фамилий граждан Республики Молдова, дающих представление о этническом происхождении ее носителей*
(по состоянию на 01.01.2012)***

Фамилия		Количество носителей
Фамилии русинского происхождения		
1.	Boico (Бойко)	2 130
2.	Boicu (Бойку)	637
3.	Boiko (Бойко)	10
4.	Guțu (Гуцу)	11 489
5.	Guț (Гуц)	17
6.	Guțul (Гуцул)	1403
7.	Russu (Руссу)	7 259
8.	Rusu (Русу)	23 162
9.	Rusanov (Русанов)	34
10.	Rusanovschii (Русановский)	42
11.	Rusin (Русин)	32
12.	Rusinov (Русинов)	11
13.	Rusinschii (Русинский)	5
14.	Rusnac (Руснак)	4 681
15.	Rusnak (Руснак)	12
16.	Rusnacenco (Русначенко)	17
17.	Rusnaciuc (Русначук)	18

* Разумеется, не во всех случаях перечисленные фамилии указывают на этническое происхождение основателя рода. Как мы указывали выше, фамилия Сырбу (Серб) может указывать и на болгарское происхождение, фамилию Болгар может носить гагауз, как и фамилию Гагауз – болгарин. Бежанарями, как правило, называли задунайских переселенцев. Это могли быть не только болгары, гагаузы и сербы, но и представители других национальностей. Фамилии Бойченко и Бойко большей частью происходят от названия народности бойки (одной из групп русинов) и региона Бойковщина.

Такие фамилии могут указывать, что их предок жил в другой этнической среде.

18.	Raico (Райко)	95
19.	Raicu (Райку)	473
20.	Railean (Райлян)	6 017
21.	Raileanu (Райляну)	1 604
22.	Răilean (Рэйлян)	265
23.	Răileanu (Рэйляну)	2 127
24.	Suleac (Суляк)	85
25.	Iațco (Яцко)	1 417
26.	Iațeniuc (Яценюк)	50
27.	Ețco (Ецко)	37

Фамилии малоросского происхождения

28.	Cazac (Казак)	3 622
29.	Kazak (Казак)	9
30.	Cazacu (Казаку)	7 506
31.	Kazaku (Казаку)	3
32.	Ucraineț (Украинец)	166
33.	Ukrainețev (Украинцев)	4
34.	Ukrainețev (Украинцев)	29
35.	Hohlov (Хохлов)	136

Фамилии болгарского и гагаузского происхождения

36.	Bulgar (Булгар)	459
37.	Bolgar (Болгар)	879
38.	Bolgaru (Болгару)	43
39.	Bulgaru (Булгару)	1 302
40.	Gagauz (Гагауз)	749
41.	Sîrbu (Сырбу)	14 221
42.	Bejan (Бежан)	3 167
43.	Bejanari (Бежанарь)	3
44.	Bejenaru (Беженару)	1 495

Фамилии, происходящие от трансильванских валахов (чобанов)

45.	Mocanu (Мокану)	5 469
46.	Mokanu (Мокану)	4
47.	Mocan (Мокан)	2 176
48.	Mokan (Мокан)	1

Фамилии польского происхождения

49.	Leah (Лях)	341
50.	Leahu (Ляху)	2 484
51.	Poliak (Поляк)	2
52.	Poleac (Поляк)	40
53.	Poleak (Поляк)	1
54.	Mazur (Мазур)	2 133
55.	Mazuru (Мазуру)	73

Фамилии турецко-татарского происхождения

56.	Turcu (Турку)	1 009
57.	Turculeț (Туркулец)	1 130
58.	Tatar (Татар)	827
59.	Tataru (Татару)	2 877

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Полевой Л.Л. Очерки исторической географии Молдавии XIII-XV вв. Кишинев, 1979. С. 111; Суляк С.Г. Молдавская Русь (к 650-летию образования молдавской государственности) // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. 2010. № 2 (20). С. 12.

2. Мохов Н.А. Молдавия эпохи феодализма (от древнейших времен до начала XIX века). Кишинев, 1964. С. 104; Суляк С.Г. Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев, 2004. С. 69-72.

3. Letopisețul Țării Moldovei. Chișinău, 1990. P. 28.

4. Costin M. Opere. București, 1958. P. 233.

5. Полевой Л.Л. Указ. соч. С. 112.

6. Мохов Н.А. Указ соч. С. 360.

7. Полевой Л.Л. Указ соч. 113.

8. Молдаване: очерки истории, этнографии, искусствоведения / Отв. редактор Я.С. Гросул. Кишинев, 1977. С. 207.

9. Суляк С.Г. Осколки Святой Руси. С. 78.

10. Зеленчук В.С. Население Бессарабии и Поднестровья в XIX в. (Этнические и социально-демографические процессы). Кишинев, 1979. С. 234-237; Мохов Н.А. Очерки истории формирования молдавского народа. Кишинев, 1978. С. 91; Суляк С.Г. Осколки Святой Руси. С. 79.

11. Кочубинский А.А. Частные молдавские издания для русской школы (библиографические заметки) // Журнал Министерства народного просвещения. Часть CCCXXXVII. 1903. Июнь. С. 396; Яцимирский А.И. Язык славянских грамот молдавского происхождения // Статьи по славяноведению. Вып. 3 / Под ред. В.И. Ламанского. СПб., 1910. С. 154; Panaitescu Petre P. Istoria Românilor. Chișinău, 1991. P. 117; Суляк С.Г. Молдавская Русь (к 650-летию образования молдавской государственности). С. 14; Его же. Русский язык в Молдавии // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. 2010. № 3 (21). С. 97.

12. Раевский Н.Д. Контактеле романичилор рэсэритень ку славий. Пе базэ де дате лингвистиче. Кишинэу, 1988. P. 242.

13. Великанова М.С. Антропология средневекового населения Молдавии (по материалам памятника Старый Орхей). М., 1993. С. 88-89; Мохов Н.А. Очерки истории формирования молдавского народа. С. 91.

14. Bărbulescu I. Individualitatea limbii române și elementele slave. București, 1929. С. 80-81.

15. Суляк С.Г. Этнодемографические процессы в Бессарабии в XIX - начале XX в. // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. 2012. № 1 (27). С. 17.

16. Ștefănescu M. Rusismele-rutenismele din toponimia românească // Arhiva. Organul societății istorico-filologice din Iași. Anul XXXI. Iulie-Octombrie. 1924. Nr. 3-4. С. 202.

17. Там же. С. 204.

18. Полевой Л.Л. Указ. соч. С. 103.

19. Там же. С. 113.
20. Documenta româniei historica. A. Moldova. Vol. I (1384-1448). București, 1975. P. 3.
21. Раевский Н.Д. Оп. cit. С. 244.
22. Полевой Л.Л. Указ соч. С. 103-104.
23. Стати В. Топонимика // Молдаване / Отв. ред. М.Н. Губогло, В.А. Дергачев. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Институт культурного наследия АН Молдовы (Народы и культуры). М., 2010. С. 42.
24. Еремия А.И. Географические названия рассказывают. Кишинев, 1990. С. 43.
25. Там же. С. 47, 49, 51.
26. Редько Ю.К. Довідник українських прізвищ. Київ, 1968. С. 34; Суперанская А.В., Суслова А.В. О русских фамилиях. СПб., 2008. С. 14.
27. Суперанская А.В., Суслова А.В. Указ. соч. С. 14.
28. Зеленчук В.С. Указ. соч. С. 232.
29. Редько Ю.К. Вказ. праця. С. 34; Чучка П. Прізвища закарпатських українців: історико-етимологічний словник. Львів, 2005. С. XXXIX.
30. Никонов Н.А. География фамилий. М., 1988. С. 113.
31. Чучка П. Вказ. праця. С. XXVII.
32. Там же. С. XXIX.
33. Зеленчук В.С. Указ. соч. С. 231; Тельнов Н.П., Степанов В.П., Руссев Н.Д., Рабинович Р.А. «И... разошлись славяне по земле». Кишинев, 2002. С. 64; Суляк С.Г. Осколки Святой Руси. С. 131.
34. Зеленчук В.С. Указ. соч. С. 231.
35. Кочубинский А.А. Тура (Тирас) – Белгород – Аккерман и его новая латинская надпись от 1454 г. // ЗООИД. 1901. № XXIII. С. 116.
36. Суляк С.Г. Осколки Святой Руси. С. 131.
37. Дмитриев П.Г. Народонаселение Молдавии (по материалам переписей 1772-1773, 1774 и 1803 гг.). Кишинев, 1973. С. 22.
38. Молдова ын епока феудализмулуй. Вол. VII. Партя II. Реченсэминтеле популяцией Молдовой дин аний 1772-1773 ши 1774 / Алкэтурия, кувынтул ынтродуктив ши коментарииле де П.Г. Дмитриев; суб редакция луй П.В. Советов, кандидат ын шtiinце историче. Кишинев, 1975. С. 24.
39. Там же. С. 24-25.
40. Там же. С. 26.
41. Там же. С. 41.
42. Там же. С. 44-45.
43. Там же. С. 112.
44. Там же. С. 132-133.
45. Там же. С. 124.
46. Там же. С. 152.
47. Там же. С. 411-412.
48. Данные предоставлены на основании контракта № 18-ST от 23 мая 2012 г. между ГП «ЦГИР «Registru» и С.Г. Суляком.

Максим ЖИХ

**ВАЛЕНТИН ВАСИЛЬЕВИЧ СЕДОВ.
СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА
СЛАВЯНСКОГО ПОДВИЖНИКА
Часть II.
ПРОБЛЕМА СЛАВЯНСКОГО
ЭТНОГЕНЕЗА В РАБОТАХ В.В. СЕДОВА***

Проблема происхождения и начальных этапов истории славян была одной из ключевых в научных поисках В.В. Седова, представляя собой основу его концепции истории славянского мира. Впервые в целостном виде взгляды учёного на проблему славянского этногенеза были сформулированы в 1976 г.¹ и с того времени последовательно разрабатывались им до последних лет жизни. Этой теме посвящены три монографических исследования учёного² и ряд его статей³, получивших широкое признание и выдвинувших В.В. Седова в число ведущих специалистов по славянскому этногенезу.

Отправной точкой в поисках истоков славянства для Седова стал вопрос об исторических условиях его выделения из среды индоевропейцев. По мнению учёного, славяне сформировались так же, как и другие европейские этносы – кельты, италики, германцы и т. д., – в результате распада древнеевропейской языковой общности, бывшей своего рода промежуточной ступенью между собственно индоевропейской общностью и отдельными ранними этносами Европы. Теория существования древнеевропейской языковой общности была сформулирована в середине XX в. немецким лингвистом Г. Краэ⁴. По его мнению, в ту эпоху, когда анатолийские, индоиранские, армянский, греческий и фракийский языки уже отделились от индоевропейского древа, начав своё самостоятельное развитие,

* Первую часть работы см.: Жих М.И. Валентин Васильевич Седов. Страницы жизни и творчества славянского подвижника. Часть I. Проблема славянского расселения в Восточной Европе и становления древнерусской народности в работах В.В. Седова // Русин. Международный исторический журнал / Отв. редактор С.Г. Суляк. 2012. № 4 (30). С. 131-165.

предки италиков, кельтов, германцев, иллирийцев, славян и балтов какое-то время ещё сохраняли относительное диалектное единство, находясь в постоянных контактах друг с другом.

Эти выводы Г. Краэ в дальнейшем были подтверждены другими лингвистами. В.И. Абаев выявил ряд изоглосс в иранских и европейских языках, что указывает на контакты между древним ираноязычным населением юго-востока Европы и ещё не расчленёнными древнеевропейцами⁵. О.Н. Трубачев продемонстрировал, что славянская ремесленная терминология формировалась в условиях тесных контактов с италиками, германцами и кельтами⁶. Предки славян вместе с предками данных этносов составляли единую историко-культурную центральноевропейскую провинцию⁷. Очень важно, что балты в неё, как убедительно показал Трубачев, не входили, их языки выделились раньше, а их сближение со славянскими языками является вторичным⁸. Это полностью соответствует археологическим данным – древнейшие балтские культуры не входили в общность полей погребальных урн (Славяне в древности. С. 130; Славяне. С. 63).

Археологическим эквивалентом древнеевропейской языковой общности является, по вполне убедительному мнению В.В. Седова, историко-культурная общность полей погребальных урн, существовавшая в Центральной Европе в XIII-VIII/VII вв. до н.э. (Происхождение и ранняя история славян. С. 44-46; Славяне в древности. С. 95-135; Славяне. С. 39-48). В ходе её распада в середине I тыс. до н.э. выделились культуры, которые можно связать с отдельными европейскими этносами: западногальштатская культура (кельты), восточногальштатская (иллирийцы), ясторфская (германцы), культура эсте (венеты). Италики заселяют Апеннинский полуостров.

Славяне сформировались на основе северо-западной части древнеевропейской общности, представленной лужицкой культурой XII-IV вв. до н.э. Именно в её рамках проживали предки исторических славян (Славяне в древности. С. 120-128; Славяне. С. 58-63), а собственно первой славянской культурой является, по мнению Седова, культура подклёшевых погребений 400-100 гг. до н.э., сформировавшаяся на основе лужицкой культуры при участии мигрировавших на её земли племён поморской культуры, существовавшей на балтийском побережье и бывшей, по всей видимости, западнобалтской (Происхождение и ранняя история славян. С. 44-52; Славяне в древности. С. 136-148; Славяне. С. 69-79). При этом можно полагать, что язык «поморцев» ввиду соседства был близок и древнеевропейцам, возможно, представляя собой своего рода переходный диалект от балтских языков к древнеевропейским (Происхождение и

ранняя история славян. С. 47; Славяне в древности. С. 132; Славяне. С. 65).

Археологическая реконструкция становления славянского этноса, предложенная В.В. Седовым, очень важна в контексте объяснения балто-славянской проблемы. Как известно, одна группа лингвистов (В. Георгиев, В.В. Иванов, В.Н. Топоров, Г. Бирнбаум и т. д.) настаивает на существовании в древности балто-славянской языковой общности (или даже на выделении праславянского языка из балтского языкового ареала), а другая (А. Мейе, Б.В. Горнунг, С.Б. Бернштейн, С. Каралюнас, Х. Майер, А. Сенн, О.Н. Трубачев и т. д.) отрицает существование подобной общности, предполагая вторичное сближение изначально независимых славянских и балтских языков. И те и другие приводят в свою пользу серьёзные аргументы, а объяснить всю совокупность фактов так пока никому и не удалось. Это может указывать на какой-то очень сложный характер славяно-балтского языкового взаимодействия, который непросто однозначно описать современной лингвистике.

Возможно, гипотеза становления славян, предложенная В.В. Седовым, даёт ответ на эту загадку: изначально те диалекты, из которых развился в будущем праславянский язык, существовали обособленно от балтских в рамках древнеевропейской общности (лужицкая культура), а затем на них наложился какой-то окраинный западнобалтский диалект (поморская культура), привнесший ряд черт, которые объединяют славянские и балтские языки. Итогом стало окончательное формирование праславянского языка и появление праславянского этноса, археологически представленного культурой подклёшевых погребений, получившей своё имя по обычаю накрывать сложенные в глиняную урну остатки кремации умерших колоколовидным сосудом – клёшем.

Обычай этот существовал с самого раннего этапа функционирования данной культуры и постепенно становился в ней всё более популярным. Зародился он ещё в лужицкой культуре, но широкое распространение получил в подклёшевое время. В этой связи любопытно, что в славянской культуре горшок был неразрывно связан с культом предков: различные варианты захоронения кремированных останков в горшках-урнах хорошо известны по ряду позднейших достоверно славянских культур. При этом горшок представлял собой как бы «новое и вечное тело погребённого предка: недаром сам горшок с его горлом, плечиками, туловом в русском языке представляется антропоморфным»⁹.

Неукреплённые поселения культуры подклёшевых погребений, бессистемный характер застройки – обе эти черты характерны

для позднейших достоверно славянских культур. Жилища славян-«подклёшевцев» были двух типов: наземные прямоугольные постройки столбовой конструкции и полуземлянки подпрямоугольной или квадратной формы. В этих жилищах открыты очаги, выложенные из камней.

Основой экономики населения подклёшевой культуры были земледелие и скотоводство. Землю обрабатывали деревянными пахотными орудиями, железных наральников не обнаружено. Выращивали славяне-«подклёшевцы» просо, пшеницу, ячмень, горох, бобы, лён и т. д. Также они занимались охотой, рыболовством и сбором лесных плодов, но это в их хозяйстве играло подсобную роль.

В металлургии преобладали изделия из железа, но многое изготавливалось и из меди. Археологами обнаружены многочисленные булавки, ранне- и среднелатенские фибулы, ожерелья из стеклянных бусин, бронзовые шейные гривны в виде короны, биспиральные подвески и т. д. Некоторые вещи делались из кости и рога: иглы, проколки, накладки с орнаментом и т. д.

Могильники культуры подклёшевых погребений бескурганные, захоронения совершались по обряду трупосожжения. Захоронения известны как урновые (собранные с погребального костра остатки кремации помещались в урну и накрывались (не всегда) большим сосудом-клёшем), так и безурновые, но в обоих случаях кальцинированные кости обычно засыпались остатками погребального костра. На некоторых могильниках были выявлены следы кольев, вбитых вокруг могильной ямы: вероятно, над погребениями устраивались какие-то домовые сооружения из тонких стояков и плетневых стен. Кроме урн, в погребениях обнаружены немногочисленные сосуды-приставки (обычно два-три). Захоронения либо безынвентарны, либо малоинвентарны и содержат металлические булавки, кольца, фибулы и т. д. Бедность погребального инвентаря или его полное отсутствие – характерная черта славянского погребального обряда, отмеченная ещё Л. Нидерле.

Глиняная посуда культуры подклёшевых погребений отражает синтез лужицких и поморских традиций и отличается разнообразием. Её население изготавливало горшки яйцевидной формы (к ним относятся и клёши), округлобокие, амфоровидные, ситовидные сосуды, миски, кубки, крышки и т. д. Всё это делалось вручную. Гончарного круга славяне-«подклёшевцы» не знали. (Характеристику культуры подклёшевых погребений см.: Славяне в древности. С. 138-144; Славяне. С. 70-74.) В рамках культуры подклёшевых погребений появляется знаменитый впоследствии тип характерного пражского сосуда – высокого, расширяющегося в верхней части, со

слабо выраженными округлыми плечиками и чуть намеченным прямым венчиком¹⁰, метко названный Д.А. Мачинским «матрёшкой без головы», что указывает на преемственность славянской культурной традиции от культуры подклёшевых погребений до пражской культуры¹¹.

Идея В.В. Седова о культуре подклёшевых погребений как о древнейшей праславянской культуре находит всё большее признание в археологической науке. Становится всё более очевидно, что учёный был прав и именно от неё ведут своё происхождение все позднейшие славянские культуры¹². Соседями славян на данном этапе были западные балты на севере и северо-востоке и германцы на западе, от фракийцев они были отделены Карпатскими горами, а с ираноязычными этносами Северного Причерноморья соприкасались незначительно. Это хорошо согласуется с данными лингвистики, указывающими на языковые связи ранних славян с западными балтами¹³ и германцами¹⁴ и на отсутствие серьёзных соответствующих контактов с фракийцами и иранцами. Языковое взаимодействие с последними охватило лишь часть славянского мира (общеславянские заимствования из иранского - единичны), соответственно, не может относиться к начальному, «подклёшевому» этапу истории славян, живших тогда на весьма компактной территории. В контакт с ираноязычными этносами какие-то группировки славян вступили позднее, уже в период славянского расселения.

Территория, которую занимает культура подклёшевых погребений, идеально согласуется с первичным славянским ареалом, каковым он рисуется на основе данных славянской лексики¹⁵: «наличие (в славянских языках. – М.Ж.) многочисленных слов, относящихся к обозначению лесной растительности и обитателей лесов, озёр и болот при отсутствии терминов, обозначающих специфику морей, горных и степных местностей. Славянская прародина, или регион становления праславянского языка и этноса, согласно лексическим материалам, находился в лесной, равнинной местности с наличием озер и болот, в стороне от моря, горных хребтов и степных пространств» (Славяне в древности. С. 145; Славяне. С. 76-77). Стремясь соотнести реконструируемую по археологическим данным историю ранних славян с материалами лингвистики, В.В. Седов сделал вывод, что время культуры подклёшевых погребений соответствует первому этапу развития праславянского языка, выделенному Ф.П. Филиным¹⁶ (Славяне в древности. С. 144-145; Славяне. С. 76).

При этом важно оговорить, что именование носителей культуры подклёшевых погребений «славянами» является несколько условным, так как точное время и место возникновения этого этнони-

ма нам неизвестны. Как будет сказано ниже, впервые достоверно так именовались носители пражской культуры, но одновременно с ней существовала пеньковская, носители которой в письменных источниках именуются *антами* и не смешиваются со *склавиными* – «пражцами», хотя Прокопий Кесарийский подчёркивает, что говорили они на одном языке и имели общее происхождение. То есть этноним *словене/славяне* далеко не сразу утвердился как общее название всех славяноязычных народов, относясь первоначально лишь к одному из них. Поэтому надо иметь в виду, что этноним «славяне» применительно к древности и раннему средневековью имеет два значения: узкое – собственно *словене*, носители пражской культуры (Славяне. С. 295-323) и широкое – все славяноязычные народы независимо от их самоназваний. Под последнее значение подпадают и «допражские» славяне, называемые также праславянами, подлинные этнонимы которых нам неизвестны.

Как видим, Седов отстаивал западную – висленскую или вислодерскую – теорию славянского этногенеза, выдвинутую в первой половине XX в. польскими учёными Ю. Костшевским (на материалах археологии), Я. Чекановским (на материалах антропологии) и Т. Лер-Сплавинским (на материалах лингвистики). В СССР эта гипотеза не пользовалась популярностью: почти все советские археологи (кроме И.П. Русановой, вместе с Седовым разрабатывавшей концепцию западного происхождения славян¹⁷) и лингвисты (кроме В.В. Мартынова, также бывшего сторонником «западной» концепции¹⁸, и О.Н. Трубачева, отстаивавшего центральноевропейское, дунайское происхождение славян) доказывали восточное, днепровское происхождение славян. После работ К. Годловского и М. Парчевского в 70-90-е гг. к этому же склонилось и значительное число польских учёных. В такой историографической ситуации именно в работах В.В. Седова концепция западной, висленской прародины славян достигла своего наивысшего на данный момент развития. Учёный, будучи фактически «в осаде», сумел раскрыть её потенциал и показать её преимущества перед «восточной» версией.

Ещё в 1908 г. польский ботаник Ю. Ростафинский предпринял попытку определить ареал славянской прародины на основе флористической лексики славян и пришёл к выводу об её восточной локализации. Ключевое место в его построениях занял «аргумент бука»: поскольку название бука в славянских языках является заимствованным, следовательно, славянская прародина лежала вне пределов ареала его произрастания, восточной границей которого в то время считалась линия Кенигсберг/Калининград-Кременец-Одесса¹⁹.

Естественно, сторонники днепровской концепции славянской прародины стали активно использовать «буковый аргумент» в своих построениях, но уже к началу Второй мировой войны он окончательно рухнул: по мере накопления палеоботанических данных выяснилось, что в эпоху бронзы и железа восточная граница букового ареала лежала существенно западнее, чем предполагал Ю. Ростафинский, а потому никоим образом не может свидетельствовать против висло-одерской теории прародины славян: «В 30-е гг. окончательно была разрушена так называемая "буковая" аргументация днепровской прародины славян. Анализы торфа, взятые в торфяниках Великопольши и Польского Поморья, показали, что в конце эпохи бронзы и начале железного века в условиях суббореального периода бук был не известен восточнее Эльбы-Заале. Это стало дополнительным аргументом в пользу висло-одерской прародины славян» (Славяне в древности. С. 32).

Однако некоторые авторы до сих пор по непонятным причинам настойчиво эксплуатируют давно утративший свою силу в плане доказательства днепровской версии славянской прародины «буковый аргумент» Ю. Ростафинского, который, таким образом, приобрёл статус полноценного историографического мифа. Так, например, в своей вышедшей в 1997 г. статье «Рождение славян» археолог М.Б. Шукин, один из основных оппонентов В.В. Седова, использовал «буковый аргумент» как один из главных лингвистических аргументов против висло-одерской концепции прародины славян и в защиту своих собственных взглядов. По его словам, «в пользу ограничения обширной зоны "болотно-лесной" топонимики лишь ее восточной частью свидетельствует весьма весомый тезис, выдвинутый еще в 1908 г. польским ботаником Ю. Ростафинским и впоследствии неоднократно повторяющийся... Если выводы Ю. Ростафинского верны, то отсюда могло вытекать следующее: поскольку восточная граница распространения бука приходится приблизительно на линию Калининград-Одесса, то все процессы образования общеславянского языка должны были бы происходить к востоку от этой условной линии»²⁰. Иначе как историографический казус рассматривать это утверждение невозможно, а используется он как один из ключевых аргументов.

Сам М.Б. Шукин²¹ и его петербургские коллеги, в первую очередь Д.А. Мачинский²², ищут прародину славян в лесной зоне Восточной Европы - в ареале культуры штрихованной керамики и родственных ей днепро-двинской и юхновской культур, традиционно рассматриваемых большинством учёных как балтские²³. Основным аргументом этих учёных является «структурно-топологическая бли-

зость» указанных культур раннего железного века и древнейших достоверно славянских культур (пражской и пеньковской): бедность и «примитивность» керамики и вещевого инвентаря, отсутствие мисок при наличии слабопрофилированных горшков и т. д. Аргумент сам по себе очень шаткий: «сходство» между разными культурами никак само по себе не может указывать на родственность оставившего их населения. Тут играет роль целый комплекс факторов: природная среда, внешнеполитические условия (наличие или отсутствие контакта с более развитыми обществами), стабильность быта или её отсутствие (например, в условиях расселения) и т. д.

По справедливым словам И.П. Русановой, «именно "модель" культуры меняется довольно быстро в зависимости от конкретных условий, в основном от развития социальных и экономических отношений. Так, модель пражской культуры отличается от структуры культур роменской и Луки-Райковецкой и тем более не похожа по уровню развития на культуру Киевской Руси, но это ни в коем случае не свидетельствует о неславянской принадлежности всех этих археологических общностей. Таким образом, одного сходства моделей культур недостаточно для вывода об этнической преемственности между ними»²⁴. М.Б. Шукин, Д.А. Мачинский и их сторонники фактически исключили из рассмотрения такие понятия, как прогресс и регресс культуры, её революционное изменение, что в реальности наблюдается довольно часто.

Каких-либо иных аргументов, кроме весьма субъективно определяемого «сходства» между культурами, существовавшими в железном веке в лесной зоне Восточной Европы, и первыми достоверно славянскими культурами, М.Б. Шукин и Д.А. Мачинский фактически не приводят. Во-первых, сам процесс трансформации первых во вторые никак ими не показан, он просто постулируется, и этот постулат вызвал серьёзную критику специалистов, непосредственно занятых изучением культур лесной зоны железного века. А.А. Егорейченко в книге, посвящённой культурам (ранней и поздней) штрихованной керамики, отмечает, что попытка Д.А. Мачинского изменить их этническую атрибуцию с балтской на праславянскую – не что иное как «оригинальная, однако малоубедительная концепция»²⁵:

- выделенные Д.А. Мачинским черты «сходства» между ними не имеют однозначного этнокультурного значения; так можно утверждать родство между очень многими культурами, которого в реальности нет;

- хронологический разрыв между культурой поздней штрихованной керамики и пражской составляет не менее ста лет;

- продвижение носителей культуры поздней штрихованной кера-

мики на юго-запад, в направлении Прикарпатья, которое предполагал Д.А. Мачинский, археологически не фиксируется;

- говорить о «бедности» культуры штрихованной керамики на позднем этапе не приходится, как раз в этот период её вещевой комплекс отличается богатством и разнообразием, что не приближает, а отдаляет её в структурно-типологическом плане от пражской культуры;

- в культуре поздней штрихованной керамики городища были преобладающим видом поселений, в пражской культуре они единичны²⁶.

Во-вторых, не меньшее структурно-типологическое сходство и главное – прямая генетическая преемственность между частью полиэтничных пшеворской и черняховской общностей и позднезарубинецкими памятниками с одной стороны и пражской и пенковской культурами – с другой просто игнорируются М.Б. Шукиным и Д.А. Мачинским. В.В. Седов²⁷ и И.П. Русанова²⁸ проделали серьёзную работу по выделению славянских памятников в рамках полиэтнической пшеворской культуры, приведя ряд конкретных фактов, свидетельствующих о славянской принадлежности части её памятников и их связи с последующей пражской культурой. Их петербургские оппоненты по непонятным причинам начисто проигнорировали эту работу, не приведя никаких контраргументов.

Некорректно был использован М.Б. Шукиным и Д.А. Мачинским лингвистический материал. С одной стороны, они приняли как аксиому позицию той группы лингвистов, которая предполагает существование балто-славянской языковой общности, не обратив внимания на то обстоятельство, что другая группа лингвистов таковую отрицает, а с другой – проигнорировали тот факт, что славянские языки имеют наибольшее число сходжений с западнобалтскими, а не с восточнобалтскими, с носителями которых славяне встретились позднее, в период расселения по Восточной Европе. Последнее обстоятельство решительно свидетельствует именно в пользу «западной» прародины славян.

Всю территорию, занятую в железном веке культурами штрихованной керамики, юхновской и днепро-двинской, плотно покрывает слой балтской гидронимии²⁹, в которой нет никаких признаков «славяности» или хотя бы «балтославяности», что специально подчёркивал О.Н. Трубачев³⁰. При этом многие балтские гидронимы этого региона оформлены славянскими суффиксами, что указывает на то, что славяне, пришедшие на эти земли, застали тут балтское население и ассимилировали его. Таким образом, каких-либо серьёзных оснований гипотеза Мачинского-Шукина о «лесной» прародине славян не имеет.

Куда более перспективным оказался зарубинецкий вариант «днепровской» гипотезы славянской прародины, согласно которому исторические славяне ведут своё происхождение от зарубинецкой археологической культуры конца III в. до н.э. – середины I в. н.э. «Зарубинецкая» гипотеза славянского этногенеза, сформулированная В.Н. Даниленко³¹ и П.Н. Третьяковым³² и основательно развитая последним³³, развивается ныне целой плеядой учёных. К настоящему времени надёжно установлена следующая цепочка культурно-генетической преемственности: зарубинецкая культура – позднезарубинецкие памятники середины I – конца II в. н.э. – киевская культура начала III – первой половины V в. н.э. – пеньковская и колочинская раннеславянские культуры³⁴. Длительная эволюция с постепенной архаизацией ввиду потери контакта с более развитыми социумами объяснила разницу в структуре между зарубинецкой культурой с одной стороны и пеньковской и колочинской культурами – с другой, смушавшую М.Б. Щукина. Облик позднезарубинецких и киевских древностей стал близок культурам лесной зоны, что вовсе не означало смены населения, а указывало на то, что потомки зарубинецкого населения оказались в таких исторических условиях, которые привели к снижению уровня их культуры.

Казалось бы, после работ П.Н. Третьякова, Е.А. Горюнова, Р.В. Терпиловского, А.М. Обломского и других учёных восточная, днепровская концепция славянской прародины восторжествовала над западной, висленской, отстаивавшейся В.В. Седовым. «Таким образом, в процессе изучения памятников I-V вв. выяснилось, что реальные этнокультурные процессы были значительно сложнее, чем предполагали П.Н. Третьяков и В.Н. Даниленко. Тем не менее, общее их направление исследователям удалось очертить правильно. Современные представления о культурогенезе в Поднепровье достаточно резко расходятся с теорией о висло-одерских истоках славянства, активным сторонником которой в советской и российской историографии был В.В. Седов»³⁵.

Проблема, однако, в том, что такой вывод можно сделать, только если рассматривать зарубинецкую культуру в каком-то вакууме, как нечто замкнутое само на себя. Но ведь у неё тоже были истоки, которые ведут на запад, в Повисленье, и связаны именно с культурой подклёшевых погребений.

Спокойное развитие культуры подклёшевых погребений было прервано начавшейся около 400 г. до н.э. экспансией кельтов, которая охватила ряд регионов Европы и в III-II вв. до н.э. достигла славянских земель. Привела она в движение и германцев, которые продвигались на территорию «подклёшевцев» с запада и северо-запада. В результате сформировалась новая культура – пшеворская,

представлявшая собой сплав славянской культуры подклёшевых погребений и германских культурных элементов при мощном влиянии латенской культуры кельтов, а в южных регионах - и при их непосредственном участии (Славяне в древности. С. 149-200; Славяне. С. 79-125). В праславянском языке³⁶, в славянской этнонимии³⁷, в духовной культуре славян³⁸ обнаруживаются следы их тесных контактов с кельтами, что полностью согласуется с археологическими материалами пшеворской культуры (Славяне в древности. С. 157-165; Славяне. С. 86-92).

Сложный полиэтничный характер пшеворской общности привёл к длительной дискуссии относительно её этнической атрибуции. Одни учёные считали «пшеворцев» полностью или в основном славянами (Ю. Костшевский, К. Яжджевский, В. Шиманский и т. д.), другие – германцами (К. Годловский, М. Парчевский, М.Б. Шукин и т. д.).

В.В. Седов сделал справедливый вывод о том, что ни чисто германская, ни чисто славянская атрибуция этой культуры не может объяснить всего комплекса фактов (Происхождение и ранняя история славян. С. 60-63; Славяне в древности. С. 178-180; Славяне. С. 112-114). Пшеворская культура, по мнению учёного, – это сложная полиэтническая общность, единственно правильный путь в этническом определении которой состоит в разграничении в её рамках славянских, германских и иных элементов. По мнению ученого, перспективным является то направление поисков, которое ещё в 30-е гг. задал польский археолог Р. Ямка³⁹, обративший внимание на существенную разницу между урновыми и безурновыми пшеворскими погребениями: первые обычно характеризуются наличием значительного инвентаря, содержащего нередко и предметы вооружения, вторые - малоинвентарны или безынвентарны, не содержат предметов вооружения. Эти различия, очевидно, являются этнографическими, что позволяет связать их с двумя разными этносами: германским (урновые) и славянским (безурновые). Позднее о полиэтнической структуре висло-одерского региона, в котором в начале н.э. жили как славяне, так и германцы, писали и другие учёные (Г. Ловмянский, Г. Янкун, Й. Колендо и т. д.).

Седов продолжил работу, начатую Р. Ямкой, и показал, что урновые и безурновые захоронения характеризуются преимущественно разными типами лепной посуды и разным инвентарём (в урновых погребениях обнаружены предметы, не характерные для ямных захоронений: ножницы, ключи, замки, кресала и т. д.), а выявленные этнографические особенности концентрируются в пшеворском ареале неравномерно: германские преобладают на западе, а славянские – на востоке, в Повисленье, там, где пшеворская культура

формировалась на подклёшевой основе (Происхождение и ранняя история славян. С. 63-74; Славяне в древности. С. 180-198; Славяне. С. 115-122). Соответственно, можно говорить, что там преобладало именно славянское население.

Несколько иначе подошла к проблеме этнической дифференциации пшеворских памятников И.П. Русанова, попытавшаяся провести её не по целым могильникам или поселениям, а по отдельным закрытым комплексам – погребениям и жилищам (см. работы, указанные в прим. 28). При некоторых отличиях, которые дал такой подход, в главном выводы исследовательницы совпали с выводами В.В. Седова: «Постоянный славянский компонент в пшеворской культуре был довольно многочисленным и мало смешивался с другими этническими группами»⁴⁰. Наблюдения В.В. Седова и И.П. Русановой о значительной доле славянского этнического компонента в рамках пшеворской культуры находят поддержку других учёных⁴¹.

Именно в бассейне Вислы, там, где в составе пшеворского населения преобладали славяне, римские авторы первых веков н.э. (Птолемей, Плиний Старший и Тацит) помещают венедов - этнос, от которого, согласно готскому историку VI в. Иордану, происходят все славянские народы (Славяне в древности. С. 179-180; Славяне. С. 122-123).

Не всё славянское население культуры подклёшевых погребений вошло в состав пшеворской общности. Значительная его часть в результате продвижения на славянские территории кельтов и германцев покинула свои исконные земли и двинулась на восток, где стала основным компонентом при формировании зарубинецкой культуры. Германцы под давлением кельтов тоже продвигались на восток и юго-восток, что нашло отражение в памятниках типа Харьевки⁴² и поянешты-лукашевской культуре⁴³.

В Среднем Поднепровье зарубинецкой культуре предшествовала скифская лесостепная («скифы-пахари» Геродота), а в Верхнем Поднепровье – милоградская. Из этих двух культур исследователи долго пытались вывести зарубинецкую⁴⁴, но сделать это проблематично: скифские лесостепные элементы проявляются преимущественно в среднеднепровском регионе зарубинецкой культуры, милоградские – в верхнеднепровском, а в полесском как первые, так и вторые незначительны. Соответственно, рассматривать указанные культуры можно только как субстрат зарубинецкой в отдельных регионах. Основная масса её носителей, принесших черты, придавшие своеобразие и единство зарубинецкой культуре во всём её обширном ареале, прибыла в днепровский регион извне.

В 1960 г. Ю.В. Кухаренко сделал вывод, что зарубинецкая культура

сформировалась в результате миграции с запада носителей культур подклёшевых погребений и поморской⁴⁵, которые тогда ещё слабо разграничивались, что было поддержано многими другими учёными⁴⁶. В дальнейшем стало ясно, что формирование зарубинецкой культуры было сложным процессом: при определяющей роли мигрантов из ареала культур подклёшевых погребений и поморской, ставших своеобразной «склейкой» зарубинецкого населения, определённую роль в её формировании сыграли и местные предшествующие культуры (милоградская и скифская лесостепная)⁴⁷.

Дабы вывести зарубинецкую культуру из круга славянских культур и тем поддержать свою идею о происхождении славян из более северных регионов Восточной Европы, попытку радикально пересмотреть вопрос о её происхождении и этносе носителей предпринял М.Б. Шукин, с которым были согласны его ученик В.Е. Еременко и Д.А. Мачинский. По мнению этих учёных, становление зарубинецкой культуры связано с волной миграции населения из ясторфского ареала, известного античным авторам под именем бастарнов. Эти пришельцы (германцы или какая-то этническая группа, близкая к ним) создали зарубинецкую и поянешты-лукашевскую культуры⁴⁸. Критики эта гипотеза не выдерживает:

- вывести зарубинецкую культуру из ясторфской германской совершенно невозможно, германские вещи в зарубинецком ареале весьма немногочисленны и никоим образом не определяют лиц этой культуры. По словам Е.В. Максимова, всю жизнь посвятившего изучению зарубинецкой культуры, элементы ясторфской культуры не оставили в зарубинецком ареале «сколько-нибудь заметного наследия»⁴⁹, с проникновением в регион германцев можно связать только памятники типа Харьевки, которые сильно отличаются от зарубинецких;

- отнесение зарубинецкой культуры к одной общности с достоверно бастарнской поянешты-лукашевской культурой также безосновательно. Фундаментальное исследование С.П. Пачковой, осуществившей системное сопоставление зарубинецкой культуры с латенизированными культурами Европы, показало, что она, во-первых, не связана своим происхождением с германской ясторфской культурой, а во-вторых, имеет независимое от действительно восходящей к ясторфской поянешты-лукашевской культуры происхождение и отличается от неё по ряду системных признаков, что не даёт оснований относить их к одной общности⁵⁰. Ранее на то, что зарубинецкая и поянешты-лукашевская культуры имеют совершенно разные истоки (первая – поморско-подклёшевые, вторая – ясторфские) указывал и В.В. Седов (Славяне в древности. С. 218-219);

- также нет оснований привлекать античные известия о бастарнах к определению этноса носителей зарубинецкой культуры: они локализуют данный этнос в Нижнем Подунавье и Нижнем Поднестровье – именно там, где располагалась поянешты-лукашевская культура (Славяне в древности. С. 218; Славяне. С. 135), более северные земли и их обитатели античным авторам просто не были известны.

Возможно, под именем бастарнов в античных источниках фигурирует весь огромный массив переселенцев из Центральной Европы в её восточные и юго-восточные регионы, приведённый в движение кельтской экспансией, по имени «племени», маршрут миграции которого шёл ближе всего к землям античной цивилизации. Это объясняет тот факт, что и славяне-«зарубинцы» в общей массе центральноевропейских мигрантов-«бастарнов» приняли участие в походах на Балканы, описанных Титом Ливием, где К.В. Каспарова обнаружила прототипы характерных зарубинецких фибул с треугольным щитком⁵¹.

Исторические судьбы «зарубинцев», о которых было сказано ранее, не оставляют сомнений, что среди изначально полиэтничного зарубинецкого населения («подклёшевцы» – славяне, «поморцы» – близкие к ним по языку западные балты, небольшие группы германского населения, носители скифской лесостепной культуры и «милоградцы», этническая принадлежность которых неясна) постепенно возобладал славянский этнический элемент, восходящий к культуре подклёшевых погребений.

Мог ли славянский этнический компонент в составе зарубинецкой культуры восходить не к «подклёшевцам», а к одной из местных её составных частей (скифам-пахарям или «милоградцам»)? На этот вопрос надо дать отрицательный ответ. Во-первых, через определённую группу пшеворских памятников культура подклёшевых погребений связана с достоверно славянской пражской. Во-вторых, локализация прародины славян в Поднепровье едва ли возможна в свете лингвистических данных, согласно которым балты находились в непосредственном языковом контакте с иранцами и не были изначально отделены от них полосой славянских земель⁵², а на юго-западе своего ареала балты непосредственно контактировали с фракийцами (причём праславянский язык этот контакт не затронул, что указывает на то, что исходной балто-славянской общности не было)⁵³. На этих обстоятельствах справедливо акцентировал внимание В.В. Седов (Происхождение и ранняя история славян. С. 25-26; Славяне в древности. С. 69-70; Славяне. С. 27). В-третьих, в огромном антропонимическом фонде, который содержит эпиграфика античных городов Северного Причерноморья, не удалось выявить ни

одного славянского имени, на что обратил внимание ученый (Ранний период славянского этногенеза. С. 78). Это говорит о том, что в античное время славяне жили где-то в стороне от Северного Причерноморья.

При этом надо отметить, что часть потомков «зарубинцев» сохранила и своё балтское самосознание, восходящее, очевидно, к поморской культуре. Через почепские древности к зарубинецкой культуре восходят мощинские памятники, принадлежащие, очевидно, *голяди* русских летописей, жившей в верховьях Оки⁵⁴. Название *голяди* связано с античными *галиндами* и прусской *Галиндией*. Выше было сказано о том, что регион Верхнего Днепра насыщен балтскими гидронимами. Почти все они имеют восточнобалтский характер, но обнаруживается и небольшой пласт западнобалтской гидронимии – как раз в регионе проживания летописной *голяди*. Принести западнобалтскую гидронимию сюда могли только мигранты, а единственная известная по археологическим данным миграция из западнобалтского ареала в восточнобалтский – это переселение части «поморцев»⁵⁵, которые вместе со славянами-«подклёшевцами» заложили основы зарубинецкой культуры.

Подводя итог сказанному, отметим, что современные представления о культуuroгенезе в Поднепровье, сформулированные А.М. Обломским, Р.В. Терпиловским и их коллегами, ставящими в центр зарубинецкую культуру, нисколько не противоречат теории о висло-одерских истоках славянства, активным сторонником которой в советской и российской историографии был В.В. Седов, а прекрасно вписываются в неё.

Другое дело, что, к сожалению, сам В.В. Седов несколько недооценил открытия и наблюдения своих коллег. Он отводил зарубинецкой культуре периферийное значение в славянском этногенезе, до последнего утверждая, что «собственно археологическим методом – ретроспективным – обосновать славянскую атрибуцию носителей зарубинецких древностей не представляется возможным» (Славяне. С. 134), что было уже явным анахронизмом. «Зарубинцев» учёный в ранних своих работах считал балтами⁵⁶, а позднее полагал, что они представляли собой особую группу населения, родственную как славянам-«подклёшевцам», так и западным балтам-«поморцам». Потомки «зарубинцев» в зависимости от ситуации вливались в ряды либо балтов, либо славян (Происхождение и ранняя история славян. С. 74-78; Славяне в древности. С. 219; Славяне. С. 135-136).

Такое неоправданно скептическое отношение Седова к месту зарубинецкой культуры в славянском этногенезе объясняется тем, что он не признавал славянской атрибуции колочинской культуры, счи-

тая её балтской, а для пеньковской культуры искал истоки в рамках полиэтничной черняховской общности, осмысление исторических судеб которой также занимает важное место в работах учёного. Соответственно, исследователь не признавал у зарубинецкой культуры прямых славянских потомков, и в этом он был не прав.

В.В. Седов основательно проследил по археологическим данным путь миграции готов от Балтики к Чёрному морю (Славяне в древности. С. 222-232; Славяне. С. 142-150). В первой половине I в. н.э. на территории южнобалтийской оксывской культуры появляются неизвестные здесь ранее каменные погребальные сооружения типа Одры-Венсеры, имеющие аналоги в Скандинавии, которые можно связывать с переселением готов, о котором повествует Иордан. На основе смешения переселенцев и «оксывцев» фонируется новая культура – вельбарская. Ее носители, готы, постепенно начинают продвигаться к югу, впитывая и вовлекая в своё движение часть пшеворских племён.

Иордан повествует, что, перед тем как вступить в Скифию, готы переправились через какую-то реку, названия которой он не приводит, после чего победили племя *спалов* (*Spali*) и завладели «Желанной землёй Ойум», окружённой болотами⁵⁷. Судя по археологическим данным, река, через которую переправились готы, – это Висла: расселение носителей вельбарской культуры шло из левобережных районов Нижнего Повисленья (Славяне. С. 147). «Желанная земля Ойум» (готское *Aujom* (*Oium*) – «страна, изобилующая водой») – это Волынь и соседние с ней районы Мазовии и Подлясья (Славяне в древности. С. 228; Славяне. С. 147). Показательно и весьма некрасиво, что Д.А. Мачинский и С.В. Воронятов в своей недавней статье (её замысел Д.А. Мачинский обсуждал с М.Б. Щукиным до его смерти, поэтому его имя также было поставлено в числе авторов статьи⁵⁸) повторяют вывод Седова относительно локализации Ойума на Волыни без ссылки на своего предшественника и без упоминания о нём⁵⁹, хотя едва ли возможно, чтобы его работы были им неизвестны.

Спалы Иордана, которых победили готы, по всей видимости, были славянами, жившими на Волыни, – носителями зубрицких (волыно-подольских) древностей (Славяне в древности. С. 228; Славяне. С. 146-148). Последние сложились в этом регионе на основе пшеворской культуры при смешении её с группами «зарубинцев», мигрировавшими сюда после упадка классической зарубинецкой культуры⁶⁰. По археологическим материалам отчётливо видно, что при вторжении «вельбарцев»-готов на Волынь в конце II – начале III в. славяне постепенно перемещались к югу, в Поднестровье, где ко-

личество их поселений росло, в то время как на севере, на Волини, они исчезли, здесь распространилась вельбарская культура⁶¹. Эта археологически фиксируемая картина хорошо согласуется со сведениями Иордана о победе готов над *спалами* при покорении Волини-«Ойума».

Этноним *спалы*, очевидно, связан со славянским «исполин»⁶². В преданиях многих народов говорится о том, что некогда землю населяли мифические великаны, на смену которым пришли обычные люди. Нередко так тот или иной народ осмысляет историю своей борьбы с какими-то древними сильными врагами. Славяне, к примеру, так осмыслили свою борьбу с аварами. В «Повести временных лет» пересказано славянское эпическое сказание о войне между аварами и дулебами, в котором авары наделены чертами мифических великанов, предшествовавших заселению земли обычными людьми⁶³. Аналогично и «в старопольской традиции авары-обры наделались обликом допотопных – доисторических – исполинов»⁶⁴. Видимо, в готском эпосе в качестве древних великанов, противников готов, рассматривались славяне. Альтернативное объяснение этнонима *спалы* через связь его со *спалеями* (*Spalaei*) Плиния, на наш взгляд, куда менее обосновано: *спалеи* античного автора – скорее всего, какой-то ираноязычный этнос, проживавший где-то в Приазовье, в то время как *спалы* Иордана – на Волини. Видимо, мы здесь имеем дело лишь с омонимичными названиями, не имеющими между собой связи.

По справедливому замечанию В.В. Седова, «в настоящее время почти все исследователи разделяют мысль о полиэтнической структуре носителей черняховской культуры. Дискуссия ведётся о главенствующей или доминирующей роли того или иного этноса в становлении и развитии этой культуры» (Славяне в древности. С. 243). Сам ученый прослеживает в разных её регионах разные этнографические традиции: сарматские, пшеворские, германские и т.д.⁶⁵

Появление славян в черняховском ареале Седов связывает с миграцией на юго-восток пшеворского населения, которое, по его мнению, сосредоточилось в двух регионах. Один из них – это район верхний Днестра (Славяне в древности. С. 270; Славяне. С. 186-187), куда ушли под натиском готов с Волини славяне – носители зубрицких древностей, где сложилась группа памятников типа Черепин-Теремцы⁶⁶. Эти славяне вошли в состав полиэтнической черняховской общности, сохранив свои этнографические особенности. Преобладание славян в верхнеднестровском регионе черняховской культуры ныне не вызывает особых сомнений⁶⁷.

Сложнее обстоит дело с другим черняховским регионом, который, согласно В.В. Седову, связан со славянами, – подольско-днепров-

ским. По мнению учёного, здесь также наблюдается концентрация пшеворских элементов, перемешанных с сарматскими, что отражало процесс славянизации сарматов, представляющий собой археологический эквивалент славяно-иранскому симбиозу, который, по мнению ряда лингвистов и историков, пережили предки восточных и южных славян накануне славянского расселения⁶⁸. Именно в III-IV вв., по мнению Седова, в условиях славяно-иранского симбиоза в рамках подольско-днепровского региона черняховской культуры сформировались *анты*, название которых восходит к иранскому слову со значение «конец»/«край»⁶⁹ (Происхождение и ранняя история славян. С. 92-100; Славяне в древности. С. 270-282; Славяне. С. 186-198), а их пеньковская культура VI-VII вв. является прямой наследницей подольско-днепровских древностей черняховского времени (Происхождение и ранняя история славян. С. 122; Славяне в древности. С. 316-318; Славяне. С. 203-207). Роль же киевской культуры в процессе сложения пеньковской, по мнению учёного, была незначительной (Славяне. С. 141).

Эти положения В.В. Седова на современном этапе вызывают критику его коллег:

- исследованиями последнего времени (они перечислены в прим. 34) показана решающая роль именно киевских древностей в формировании пеньковской культуры, о том же говорит её ведущий исследователь О.М. Приходнюк⁷⁰. Остатки черняховского населения вошли в состав «пеньковцев» только как субстрат;

- многие культурные элементы в подольско-днепровском регионе, которые В.В. Седов связывает с пшеворской культурой, другие специалисты связывают с готской вельбарской культурой⁷¹. Многие культурные элементы в черняховском ареале, которые раньше учёные, на работы которых опирался Седов (Г.Ф. Никитина, Н.М. Кравченко, В.В. Кропоткин), относили к пшеворской культуре, более поздние исследования позволили связать с выделенной впоследствии вельбарской культурой;

- ряд славянских памятников в черняховском ареале, которые Седов рассматривает как восходящие к пшеворским традициям, на самом деле связаны с киевской культурой (Хлопков и т. д.).

Эти контраргументы имеют свой резон. В.В. Седов, к сожалению, существенно недооценил вклад киевских древностей в становление пеньковской культуры и преувеличил значение в этом процессе черняховских памятников, которые были лишь субстратом, равно как и саму долю черняховских древностей со славянской пшеворской традицией в подольско-днепровском регионе, где она, видимо, была весьма скромной, а преобладали в этом регионе готские древности типа Косанов⁷². Соответственно, славяно-иранский симбиоз,

по всей видимости, имел место не в черняховской культуре, а на южной окраине киевской культуры или даже в постчерняховское время в период становления пеньковской культуры – после нашествия гуннов туркизация южнорусских степей произошла далеко не сразу, весьма значительное время здесь по-прежнему проживали большие массивы иранского населения, игравшего важную роль даже в период существования Великой Болгарии⁷³.

Исключительно важное значение имеют наблюдения Седова относительно генезиса пражской культуры (Происхождение и ранняя история славян. С. 114-117; Славяне в древности. С. 290-296; Славяне. С. 307-311). До его работ были выдвинуты две версии генезиса этой культуры. По мнению ряда польских учёных (Й. Костшевский, К. Яжджевский, З. Хильчерувна, В. Шиманский), поддержанному И.П. Русановой, она восходит к славянским памятникам пшеворской культуры⁷⁴. По мнению В.Д. Барана, становление пражской культуры происходит в Верхнем Поднестровье на основе черняховских памятников типа Черепин-Теремцы⁷⁵, которые, впрочем, тоже восходят к пшеворской культуре, и оттуда она постепенно распространяется на другие территории.

В.В. Седов сделал справедливый вывод о том, что две эти гипотезы не исключают, а взаимодополняют друг друга, и в качестве региона становления пражской культуры определил всё обширное пространство от верховий Одера на западе до верховий Днестра на востоке (Славяне в древности. С. 290-296; Славяне. С. 307-310). После гибели провинциально-римских пшеворской и черняховской культур в результате гуннского нашествия входившее в их состав славянское население пережило процесс интеграции, в результате которой и образовалась новая культурная общность – пражская культура. Ее носители первоначально и назывались этнонимом *словене* – «ясно говорящие»⁷⁶. Исторические условия возникновения этого этнонима нам пока не ясны. Вероятно, он родился в условиях противостояния славян какому-то иноэтничному окружению – возможно, в условиях столкновения славян с кельтами и германцами в ходе их наступления на славянщину в период культур подклёшевых погребений и пшеворской. В дальнейшем этот этноним распространился на весь славяноязычный мир. С конца V в. начинается активное расселение носителей пражской культуры по соседним регионам, в результате которого она распространилась на огромной территории.

При этом количество пражских памятников существенно уступает количеству пшеворских⁷⁷. Это указывает на то, что в ходе бурных событий эпохи Великого переселения народов Повисленье покинули значительные массы славянского населения⁷⁸. В.В. Седов показал,

что в середине I тыс. н.э. из-за ухудшения климата и нестабильной ситуации они ушли из этого региона на северо-восток, где создали культуры длинных курганов, браслетообразных сомкнутых височных колец и новгородских сопок. Об этом подробно говорилось в первой части настоящей работы⁷⁹.

В последние годы И.О. Гавритухиным была выдвинута новая гипотеза генезиса пражской культуры, согласно которой её становление произошло в бассейне Припяти во второй половине IV в., по всей видимости, на основе каких-то позднезарубинецких групп, и оттуда она начала постепенно распространяться на юг и запад⁸⁰. Эта гипотеза вызывает серьёзные вопросы. Во-первых, не понятно, как мог живший на маленькой территории небольшой этнос (поселений IV в. и предшествовавшего времени в Поприпятье известно очень мало, что указывает на небольшую плотность населения) в течение весьма непродолжительного времени заселить огромные территории и «переварить» их население. Во-вторых, эта гипотеза не объясняет существования пражской керамики в рамках пшеворской культуры, перерастания памятников верховий Днестра и некоторых пшеворских регионов в пражскую культуру (Славяне в древности. С. 290-296).

По всей видимости, гипотеза И.О. Гавритухина не противоречит выводам В.В. Седова относительно генезиса пражской культуры на широкой территории как следствия процесса интеграции разных славянских групп в условиях крушения провинциально-римского мира, а прекрасно вписывается в них, просто северо-восточную границу этого процесса следует отодвинуть до Припяти.

Таким образом, процесс сложения пражской культуры рисуется ныне как интеграция оставшегося в Северном Прикарпатье славянского населения пшеворской и черняховской культур, представленного памятниками типа Черепин-Теремцы, и живших к северу от него вплоть до Припяти позднезарубинецких групп. В условиях краха провинциально-римского мира исчезли различия между разными группами славян, жившими в составе разных провинциально-римских культурных образований (или вне их), исчезла «вуаль», отделявшая одних славян от других в глазах археологов (например, специфическая керамика, производившаяся в специализированных ремесленных центрах и распространявшаяся по всей территории пшеворской и черняховской культур и придающая им единообразие), и сформировалась единая пражская культура, объединившая славян на большой территории.

На основе северной части славянских древностей пшеворской культуры формируется суковско-дзедзицкая культура (Происхождение и ранняя история славян. С. 136-137; Славяне. С. 328-329). Она

резко отличается от пражской по характеру домостроительства: для пражской культуры характерны жилища-полуземлянки, а для суковско-дзедзицкой – наземные дома с подпольными ямами (Происхождение и ранняя история славян. С. 114-115; Славяне. С. 306. Рис. 62). Это никак не позволяет выводить вторую культуру из первой, как это делают некоторые авторы⁸¹.

Интересно, что аналогичное разделение по типу жилищ наблюдается и в восточнославянском ареале: на севере Восточно-Европейской равнины, в заселении которой славянами сыграли решающую роль выходцы из пшеворского Повисленья, были распространены наземные жилища, южнее – полуземлянки⁸². Данное обстоятельство в совокупности с рядом иных этнографических маркеров дало В.В. Седову основание отнести суковско-дзедзицкую культуру и культуры севера Восточно-Европейской равнины (длинных курганов, сопок, браслетообразных височных колец) к единой венедской группе славян, сформировавшейся ещё в пшеворскую эпоху (Славяне. С. 324-402). Эта группа была соотнесена учёным с одной из двух древнейших диалектных единиц праславянского языка, которую выделили лингвисты и в которую входили предки лехитов и северных русских (Первое членение славян на две диалектные области).

Подводя итоги сказанному, можно сделать вывод, что, несмотря на отдельные уточнения, изменения, дополнения и даже пересмотр некоторых звеньев, общая схема славянского этногенеза, реконструированная Седовым, вполне выдержала испытание временем. Ныне общую схему славянского этногенеза и славянского заселения Восточно-Европейской равнины можно представить так:

1) Как нам известно из исследований О.Н. Трубачева, носители праславянских диалектов, выделившиеся из индоевропейского массива, находились в контакте прежде всего с праиталиками, пракельтами и прагерманцами. В частности, совместно с предками носителей названных языковых групп (но без балтов!) праславяне выработали ремесленную терминологию. Судить о том, с какими именно археологическими культурами связаны все пертурбации периода разделения индоевропейского массива, сейчас едва ли возможно, но на этапе существования древнеевропейской общности мы можем искать предков славян в рамках лужицкой культуры;

2) Около 550 г. до н.э. начинается миграция носителей поморской культуры (вероятно, говорили на одном из западнобалтских диалектов, близком языкам древнеевропейцев, с которыми они соседствовали) в восточные районы лужицкой культуры, заселенные, преимущественно носителями праславянских диалектов. Именно этот процесс постепенного включения носителей поморской куль-

туры в состав носителей культуры лужицкой и формирования на основе их смешения новой культуры подклёшевых погребений и привнёс в праславянский язык ряд черт, роднящих его с балтскими языками;

3) Именно культуру подклёшевых погребений (400-100 гг. до н.э.) мы уже достаточно чётко можем назвать достоверно древнейшей славянской, так как именно с неё начинается цепочка, приводящая нас к бесспорно славянским культурам раннего средневековья;

4) В ходе экспансии кельтов культура подклёшевых погребений подвергается латенизации, и на её основе с подключением западных соседей (германцев) складывается новая культура – пшеворская, просуществовавшая вплоть до великого переселения народов и окрашенная кельтским, а позднее римским влиянием. При этом западная часть данной культуры принадлежала преимущественно германцам, а восточная – преимущественно славянам. Сначала кельтское, а затем и римское влияние нивелировали их этнические особенности, что и позволяет говорить о единой культуре, но, тем не менее, по ряду признаков (особенности погребального обряда, лепная посуда и т. д.) они прослеживаются;

5) При этом часть праславян - носителей культуры подклёшевых погребений уходит на восток, где становится ядром сложения зарубинецкой культуры, с которой можно связывать первый этап славянизации балтского населения Восточной Европы. По мере стабилизации этой культуры в её рамках произошла славянизация как пришедших вместе с праславянами-«подклёшевцами» балтов, германцев и кельтов, так и автохтонов региона, чья этническая принадлежность точно не может быть определена;

6) Когда примерно в середине I в. н.э. зарубинецкая культура в своём «классическом» виде прекращает существование в результате сарматского нашествия и какого-то внутреннего кризиса, её носители уходят на север и постепенно распространяются на значительной территории Восточной Европы. Через некоторое время на основе ряда групп позднезарубинецкого населения формируется киевская культура, которая со временем распространяется на большую часть постзарубинецкого ареала, отражая, видимо, сохранение своего самосознания потомками праславян-«зарубинцев». На основе правобережных позднезарубинецких групп во второй половине IV в. складываются памятники Полесья, ставшие в дальнейшем одной из групп, составивших пражско-корчакскую культуру;

7) Праславяне-«пшеворцы» двигаются на юго-восток и осваивают Волинь и Верхнее Поднестровье, где при подключении позднезарубинецких групп формируется зубрицкая культурная группа.

Позднее, под натиском готов, они отходят на юг, где создают памятники типа Черепин-Теремцы, вошедшие в состав черняховской культуры;

8) В результате гибели провинциально-римского мира в катаклизмах Великого переселения народов формируются новые славянские культуры. На основе киевской культуры возникают колочинская и пеньковская культуры. Носители последней заселяют значительную часть бывшего черняховского ареала;

9) Из-за неблагоприятного изменения климата и нестабильной ситуации периода великого переселения народов значительная масса славян-«пшеворцев» уходит из Повисленья на северо-восток, где совместно с представителями другой славянской группировки – продвигавшимися на север потомками носителей киевской культуры – создаёт культуры длинных курганов, сопок и браслетообразных височных колец, ассимилируя местных балтов и финно-угров;

10) В результате нескольких миграционных волн славянского населения из пшеворско-черняховского и зарубинецко-киевского ареалов в Среднем Поволжье формируется именковская археологическая культура (IV-VII вв.), носители которой впоследствии мигрируют в район Днепровского левобережья, где сыграют решающую роль в становлении волынцевской культуры;

11) Что касается генезиса пражско-корчаковской культуры, отождествляемой со *склави́нами* византийских источников, носители которой, очевидно, первыми стали звать себя *словенами*, то он, вероятно, представлял собой процесс интеграции ряда славянских группировок в условиях краха провинциально-римского мира. Это были пшеворские памятники Прикарпатья, черняховские памятники типа Черепин-Теремцы в Верхнем Поднестровье, позднезарубинецкие памятники припятского Полесья;

12) На основе северных районов славянской части пшеворской культуры формируется суковско-дзедзицкая культура, носители которой были ближайшими родственниками покинувших регион предков северной ветви великорусов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Седов В.В. Ранний период славянского этногенеза // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976.

2. Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979; *Его же*. Славяне в древности. М., 1994; *Его же*. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002.

3. Вот основные из них: Седов В.В. Формирование славянского населе-

ния Среднего Поднепровья // СА. 1972. № 4; *Его же*. Ранний период славянского этногенеза; *Его же*. Славяне и иранцы в древности // VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. ИКЭФСН. М., 1978; *Его же*. Славяне и кельты (по данным археологии) // IX Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. ИКЭФСН. М., 1983; *Его же*. Анты // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987; *Его же*. Становление и этногенез славян (по данным археологии и гидронимии) // XI Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. ИКЭФСН. М., 1993; *Его же*. Этногенез славян по археологическим данным // Славянская археология. Этногенез, расселение и духовная культура славян. Материалы по археологии России. Вып. I. М., 1993; *Его же*. Происхождение славян и местонахождение их прародины. Расселение славян в V-VII вв. // Очерки истории культуры славян. М., 1996; *Его же*. Этногенез славян в древности и начале средневековья // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. I. Проблемы славянской археологии. М., 1997; *Его же*. Славянский мир накануне распада языковой общности // XII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. Славянские литературы, культура и фольклор славянских народов. М., 1998; *Его же*. Славяне в римское время. Доклад для XIII Международного съезда славистов (Словения, 2003). М., 2003; *Его же*. Этногенез ранних славян // Вестник РАН. 2003. Т. 73. № 7; *Его же*. Первое членение славян на две диалектные области // КСИА. 2004. Вып. 217.

4. *Krahe H.* Sprache und Vorzeit. Heidelberg, 1954; *Его же*. Die Struktur der alteuropaischen Hydronymie // Akademie der Wissenschaft und der Literatur. Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse. Bd. 5. Wiesbaden, 1962; *Его же*. Unsere ältesten Flussnamen. Wiesbaden, 1964.

5. *Абаев В.И.* Скифо-европейские изоглоссы: на стыке Востока и Запада. М., 1956.

6. *Трубачев О.Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966.

7. *Его же*. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 2002.

8. Там же. С. 18-35.

9. *Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 2004. С. 163.

10. *Русанова И.П.* Славянские древности VI-VII вв. Культура пражского типа. М., 1976. С. 213.

11. Там же. С. 213-214.

12. *Русанова И.П.* Славянские древности. С. 201-215; *Она же*. Истоки славянского язычества: Культовые сооружения Центральной и Восточной Европы в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Черновцы, 2002. С. 70-98; *Баран В.Д., Козак Д.Н., Терпиловский Р.В.* Похождения слов'ян. К., 1991. С. 25-27; *Баран В.Д.* Давни слов'яни. К., 1991; *Козак Д.Н.* Венеди. К., 2008. С. 12.

13. *Бернштейн С.Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961. С. 34; *Топоров В.Н.* К реконструкции древнейшего состояния праславянского языка // Славянское языкознание. X Международный

съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988. С. 264-292.

14. *Мартинов В.В.* Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшего периода. Минск, 1963; *Его же.* О надёжности примеров славяно-германского лексического взаимопроникновения // Типология и взаимодействие славянских и германских языков. Минск, 1969; *Его же.* Язык в пространстве и времени. К проблеме глоттогенеза славян. М., 2004. С. 16-35.

15. *Будилович А.С.* Первобытные славяне по данным лексикальным. Ч. I-II. Киев, 1878-1882; *Филин Ф.П.* Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962. С. 110-123.

16. *Филин Ф.П.* Образование языка восточных славян. С. 101-103.

17. *Русанова И.П.* Славянские древности. С. 201-215; *Её же.* Истоки славянского язычества. С. 70-98.

18. *Мартинов В.В.* К лингвистическому обоснованию гипотезы о Висло-Одерской прародине славян // ВЯ. 1961. № 3; *Его же.* Лингвистические методы обоснования гипотезы о Висло-Одерской прародине славян. Минск, 1963; *Его же.* Этногенез славян. Мова і міф. Мінск, 1993; *Его же.* Прародина славян. Лингвистическая верификация. Минск, 1998.

19. *Rostafinski J.* O pierwotnych siedzibach i gospodarstwie Słowian w przedhistorycznych czasach // SAU. XII. 1908. S. 6-25.

20. *Щукин М.Б.* Рождение славян // Стратум. Структуры и катастрофы. СПб., 1997.

21. *Щукин М.Б.* О трех путях археологического поиска предков раннеисторических славян. Перспективы третьего пути // АСГЭ. 1978. Вып. 28; *Его же.* Семь миров древней Европы и проблемы этногенеза славян // Славяне: этногенез и этническая история. Л., 1989; *Его же.* Рождение славян.

22. *Мачинский Д.А.* Миграция славян в I тысячелетии н.э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии) // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981; *Его же.* Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения русского государства в середине VIII – середине XI в. // ТГЭ. 2009. Т. 49. С. 472-483; *Лебедев Г.С.* Археолого-лингвистическая гипотеза славянского этногенеза // Славяне: этногенез и этническая история.

23. *Третьяков П.Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966. С. 113-189; *Седов В.В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 11-36.

24. *Русанова И.П.* Заключение // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. М., 1993. С. 195.

25. *Егорейченко А.А.* Культуры штрихованной керамики. Минск, 2006. С. 116.

26. Там же.

27. *Седов В.В.* Происхождение и ранняя история славян. С. 53-74; *Его же.* Славяне в древности. С. 166-200; *Его же.* Славяне. С. 97-125.

28. *Русанова И.П.* Славянские древности. С. 201-215; *Её же.* Компоненты пшеворской культуры // Тез. докл. советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. М., 1985; *Её же.* Компоненты пшеворской культуры // Труды V Международного конгресса археологов-

славистов. Киев. Т. 4; *Её же*. Этнический состав носителей пшеворской культуры // Раннеславянский мир: материалы и исследования. Вып. 1. М., 1990.

29. *Топоров В.Н., Трубачев О.Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962; *Седов В.В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. С. 10-11.

30. *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян. С. 22.

31. *Даниленко В.Н.* Славянские памятники I тыс. н.э. в бассейне Днепра // КСИА АН УССР. 1955. Вып. 4.

32. *Третьяков П.Н.* Зарубинецкая культура и поднепровские славяне // Советская археология. 1968. № 4.

33. *Третьяков П.Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге; *Его же*. У истоков древнерусской народности. Л., 1970; *Его же*. По следам древних славянских племён. Л., 1982.

34. *Горюнов Е.А.* Ранние этапы истории славян Днепровского левобережья. Л., 1981; *Терпиловский Р.В.* Ранние славяне Подесенья III-V вв. К., 1984; *Его же*. Славяне Поднепровья в первой половине I тыс. н.э. Люблин, 2004; *Обломский А.М., Терпиловский Р.В.* Среднее Поднепровье и Днепровское левобережье в I-II вв. н.э. М., 1991; *Обломский А.М.* Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I-V вв. н.э. М.; Сумы, 1991; *Его же*. Днепровское лесостепное левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н.э.). М., 2002; Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. С. 20-52, 106-122; Восточная Европа в середине I тыс. н.э.: Коллективная монография / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М., 2007; Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.): Коллективная монография / Отв. ред. А.М. Обломский. М., 2007; Позднезарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I – II в. н.э.) / Отв. ред. А.М. Обломский; составители А.М. Обломский, Р.В. Терпиловский. М., 2010.

35. *Арион О.В., Башкатов Ю.Ю., Обломский А.М., Терпиловский Р.В.* У истоков славянства (Вместо заключения) // Позднезарубинецкие памятники на территории Украины. С. 110.

36. *Бернштейн С.Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. С. 94; *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян. С. 45-49; *Мартынов В.В.* Язык в пространстве и времени. С. 35-46.

37. *Трубачев О.Н.* Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян // Вопросы языкознания. 1974. № 6. С. 57-58 и сл.

38. *Rosen-Przeworska J.* Tradysje celtyckie w obrędowności protosłowian. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1964. S. 54-254.

39. *Jamka R.* Cmentarzysko w Kopkach (pow. Nizki) na tle okresu rzymskiego w Małopolsce Zachodniej // PA. 1933. T. V. Z. 1. S. 59-60.

40. *Русанова И.П.* Этнический состав носителей пшеворской культуры. С. 135.

41. См., напр.: *Магомедов Б.В.* Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin, 2001. С. 125-126.

42. *Обломский А.М., Терпиловский Р.В.* Посейм'я у латенський час // Археологія. 1994. № 3.

43. *Каспарова К.В., Максимов Е.В.* Культура Поянешти-Лукашевка // Сла-

вяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. С. 85-95.

44. *Историографию см.: Поболь Л.Д.* Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкой культуры). Минск, 1971. С. 175-182; *Максимов Е.В.* Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. Киев, 1972. С. 116-129; *Его же.* Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев, 1982. С. 155-158.

45. *Кухаренко Ю.В.* К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры // СА. 1960. № 1.

46. *Мачинский Д.А.* К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры // КСИИМК. 1960. Вып. 107; *Каспарова К.В.* Зарубинецкий могильник Велемичи-II // АСГЭ. 1972. Вып. 14. С. 66-67; *Её же.* Новые материалы могильника Отвержичи и некоторые вопросы относительно хронологии зарубинецкой культуры Полесья // АСГЭ. 1976. Вып. 17. С. 56-59; *Её же.* Некоторые типы фибул зарубинецкой культуры (к вопросу о ранней дате и юго-западных связях) // Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. 2; *Егорейченко А.А.* Древнейшие городища Белорусского Полесья. Минск, 1996. С. 70-73.

47. *Третьяков П.Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. С. 213-220; *Максимов Е.В.* Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. С. 116-129; *Его же.* Зарубинецкая культура на территории УССР. С. 155-158; *Его же.* Происхождение и этническая принадлежность зарубинецкой культуры // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. С. 36-39; *Пачкова С.П.* Участь місцевого компонента у формуванні зарубинецької культури // Археологія. 1999. № 2; *Её же.* Зарубинецкая культура и латенизированные культуры Европы. К., 2006; *Седов В.В.* Славяне в древности. С. 201-205; *Его же.* Славяне. С. 125-129.

48. *Шукин М.Б.* На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб., 1994. С. 107-119; *Его же.* Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб., 2005. С. 58-61; *Еременко В.Е.* «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура. СПб., 1997.

49. *Максимов Е.В.* Происхождение и этническая принадлежность зарубинецкой культуры. С. 38. См. также: *Максимов Е.В.* Миграции в жизни древних славян // Славяне и Русь (В зарубежной историографии). К., 1990.

50. *Пачкова С.П.* Зарубинецкая культура и латенизированные культуры Европы.

51. *Каспарова К.В.* О фибулах зарубинецкого типа // АСГЭ. 1978. Вып. 18; *Её же.* Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры // СА. 1981. № 2.

52. *Трубачев О.Н.* Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология. 1967. С. 20; *Его же.* Этногенез и культура древнейших славян. С. 51-52.

53. *Топоров В.Н.* К фракийско-балтийским языковым параллелям // Балканское языкознание. М., 1973; *Трубачев О.Н.* Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. М., 1968 (показано соседство фракийских и балтских гидронимов); *Его же.* Этногенез и культура древнейших славян. С. 22-24.

54. *Седов В.В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. С. 46-47.
55. Там же.
56. Там же. С. 44-48.
57. *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. М., 1960. С. 70.
58. *Мачинский Д.А.* Рыцарь познания // Европейская Сарматия: Сборник, посвящённый Марку Борисовичу Шукину. СПб., 2011. С. 13-14.
59. *Шукин М.Б., Мачинский Д.А., Воронятов С.В.* Готский путь, плодороднейшие земли Oium и вельбаркско-черняховское поселение Лепесовка // Европейская Сарматия. С. 249-255.
60. Об этой культурной группе см.: *Козак Д.Н.* Пшеворська культура у Верхньому Подністров'ї та Західному Побужжі. К., 1984; *Его же.* Пшеворская культура // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э.; *Его же.* Венеди.
61. *Козак Д.Н.* Венеди. С. 211; *Магомедов Б.В.* Черняховская культура. Проблема этноса. С. 125.
62. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1981. Вып. 8. С. 240-242.
63. ПСРЛ. Т. I. Стб. 11-12; Т. II. Стб. 9.
64. *Петрухин В. Я., Раевский Д. С.* Очерки истории народов России. С. 178.
65. *Седов В.В.* Формирование славянского населения Среднего Поднепровья; *Его же.* Скифо-сарматские элементы в погребальном обряде черняховской культуры // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978; *Его же.* Происхождение и ранняя история славян. С. 78-100; *Его же.* Славяне в древности. С. 233-286; *Его же.* Славяне. С. 150-198.
66. О ней см.: *Баран В.Д.* Черняхівська культура (за матеріалами Верхнього Дністра та Західного Бугу). К., 1981.
67. *Магомедов Б.В.* Черняховская культура. Проблема этноса. С. 124-129.
68. *Зализняк А.А.* Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода // ВСЯ. 1962. Вып. 6; *Абаев В.И.* Провербы и перфективность. Об одной скифо-сарматской изоглоссе // Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964; *Его же.* Скифо-европейские изоглоссы; *Трубачев О.Н.* Из истории славяно-иранских лексических отношений; *Топоров В.Н.* Об одной славяно-иранской параллели из области синтаксиса // КСИС. 1960. Вып. 28; *Его же.* Об иранском элементе в русской духовной культуре // Славянский и балтийский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры. М., 1989; *Мартынов В.В.* Сакральный мир «Слова о полку Игореве» // Там же; *Васильев М.А.* Язычество восточных славян накануне крещения Руси: религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа Владимира. М., 1999; *Майоров А.В.* Великая Хорватия: Этногенез и ранняя история славян Прикарпатского региона. СПб., 2006. С. 102-117.
69. *Филин Ф.П.* Образование языка восточных славян. С. 60.
70. *Приходнюк О.М.* Пеньковская культура. Культурно-хронологический аспект исследования. Воронеж, 1998. С. 72-73.
71. *Шукин М.Б.* О некоторых проблемах черняховской культуры и происхождения славян (по поводу статей Э.А. Рикмана, И.С. Винокура, В.В. Се-

дова, И. Вернера) // СА. 1975. № 4. С. 63-67; *Магомедов Б.В.* Черняховская культура. Проблема этноса. С. 115-117.

72. *Магомедов Б.В.* Черняховская культура. Проблема этноса. С. 115-117.

73. *Галкина Е.С.* К вопросу о роли Великой Булгарии в этнополитической истории Восточной Европы // *SSBP*. 2011. № 1 (9).

74. *Русанова И.П.* Славянские древности. С. 202-215.

75. *Баран В.Д.* Общие черты культур римского и раннесредневекового времени на территории Северного Прикарпатья и Юго-Западной Волыни // Тез. докл. советской делегации на Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве. М., 1965; *Его же.* Черняхівська культура; *Его же.* Сложение славянской раннесредневековой культуры и проблема расселения славян // *Славяне на Днестре и Дунае.* К., 1983; *Его же.* Пражская культура Поднестровья (по материалам поселения у с. Рашков). К., 1988; *Баран В.Д., Гопкало О.В.* Черняхівські поселення басейну Гнилої Липи. К., 2005.

76. *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян. С. 93-94.

77. *Русанова И.П.* Славянские древности. С. 207.

78. Там же.

79. См. также: *Жих М.И.* К вопросу об этнической принадлежности кривичей. URL: <http://suzhdenia.ruspole.info/node/3403> (дата обращения: 4.05.2013).

80. *Гавритухин И.О.* Хронология пражской культуры // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 3. Этногенез и этнокультурные контакты славян. М., 1997; *Его же.* Начало великого славянского расселения на юг и запад // *АС*. 2000. Т. 1; Понятие пражской культуры // *ТГЭ*. Т. 49.

81. См., напр.: *Гавритухин И.О.* Понятие пражской культуры. С. 15.

82. *Седов В.В.* Север Восточно-Европейской равнины в период переселения народов и в раннем средневековье (предыстория северновеликорусов) // *КСИА*. 2005. Вып. 218. С. 19. Рис. 2.

**ПРИНЯТЫЕ В ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ ЧАСТЯХ РАБОТЫ
СОКРАЩЕНИЯ:**

- JGO – Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Wien
PA – Przegląd archeologiczny. Poznań
RA – Rossica Antiqua. СПб.
RS – Rocznik slawistyczny. Wrocław etc.
RIGG – The Russian Journal of Genetic Genealogy (Русская версия)
SAU – Sprawozdania Akademii Umiejętności. Warszawa
SS – Suomen suku. Helsinki
SSBP – Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. СПб.
АО – Археологические открытия. М.
АИППЗ – Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков
АС – Археологічні студії. Київ; Чернівці
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.
БСИ – Балто-славянские исследования. М.
ВИ – Вопросы истории. М.
ВН – Вопросы национализма. М.
ВСЯ – Вопросы славянского языкознания. М.
ВЯ – Вопросы языкознания. М.
ВРГНФ – Вестник Российского гуманитарного научного фонда. М.
ДГВЕ – Древнейшие государства Восточной Европы. М.
ДСИА – Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. М.
ИВГО – Известия Всесоюзного географического общества. М.
ИКЭФСН – История, культура, этнография и фольклор славянских народов
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИА АН УССР – Краткие сообщения Института археологии Академии наук Украинской ССР. Киев
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.
КСИС – Краткие сообщения института славяноведения. М.
КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии. М.
ЛХ – Летописи и хроники. М.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.
НТ МПГУ – Научные труды Московского педагогического государственного университета. Серия: Социально-политические науки. М.
ОИ – Отечественная история. М.
ПАВ – Петербургский археологический вестник. СПб.
ПГ – Псковская губерния. Псков
ПП – Псковская правда. Псков
РА – Российская археология. М.
СА – Советская археология. М.
СРИО – Сборник Русского исторического общества. М.
СС – Советское славяноведение. М.
СЭ – Советская этнография. М.
ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа. СПб.
УЗ ИФ ЛГПУ – Ученые записки исторического факультета Липецкого государственного педагогического университета. Липецк.

Владимир ВАСИЛИК

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЙ ЛЕТОПИСИ*

Русский человек Средневековья жил во временном измерении между сотворением мира и Вторым пришествием. Чувство приближения конца света то усиливалось, то ослабевало в зависимости от обстоятельств и духовного состояния общества¹. Галицко-Волынская летопись², создававшаяся в трагические годы княжеских междоусобиц, венгерских, а затем страшных монголо-татарских нашествий, во многом отражает эсхатологические ожидания, чаяния и опасения той эпохи. За бедствиями своей эпохи православные люди видели либо Божий бато́г³, либо происки дьявола и знамения скорого пришествия Антихриста, которое предвозвещают его слуги — малые антихристы.

Отметим, что под малыми антихристами в русском летописании, в том числе в Галицко-Волынской летописи (далее - ГВЛ), зачастую понимались не половцы, не монголы, а, казалось бы, христиане, на самом деле - католические венгерские захватчики. Особенно характерен образ Бенедикта — томителя:

«Бѣ бо Тимофѣй в Галичѣ премудръ книжникъ, отчество имѣя во градѣ Киевѣ. Притчею рече слово о семь томители Бѣнедиктъ, яко: «В послѣдняя времена трема имени наречется антихристъ». Бѣгаше бо Тимофей от лица его, бѣ бо томитель бояромъ и гражаномъ, и блудъ творя и оскверняху жены же и черници и попады. В правду бѣ антихристъ за скверная дѣла его»⁴.

К сожалению, о книжнике Тимофее, кроме этого упоминания, не известно почти ничего, кроме того, что, возможно, он был духовным отцом князя Мстислава Удалого. Вероятность его участия в Галицко-Волынском летописании, а тем более - авторства «Слова о полку Игореве», крайне гипотетична⁵. Притча Тимофея о трех именах Антихриста имеет определенное соответствие в 5-й книге святителя Иринейя Лионского «Против ересей», где Антихрист именуется то Латинянином, то Титаном, то Евфанфасом, хотя Ириней и не делает акцента именно на трех именах⁶. Весьма вероятно, что, по аналогии с сочинением Иринейя Лионского, одно из трех этих имен (помимо

* Статья написана в рамках работы по гранту РФФИ 12-01-00362 «Образ св. равноапостольного князя Владимира в древнерусской гимнографии».

Томителя) - Латинянин. Однако ситуация с ними в данном случае может быть проще: Бенедикт, Томитель, Антихрист. Характерно, что тиран и блудник, носящий образ Антихриста, носит весьма благостное имя – «благословенный» (*benedictus*). Неизвестно, осознавал ли автор первой части Галицко-Волынской летописи этот факт. Если да, то перед нами классический образ Антихриста - внешне агнца, внутри волка хищного, лицемерного убийцы и растлителя. Показательно, однако, что традиционное предание не акцентирует блудные «подвиги» Антихриста, говоря лишь о том, что он «соберет в себе все дьявольское беззаконие», правда, упоминает о том, что тот родится от блуда. Однако в разврате Бенедикта есть известный сакральный, а точнее кощунственный момент: он совершает надругательство над попадьями или монахинями, то есть лицами, так или иначе связанными со священным чином. Антихрист же, по слову св. апостола Павла, будет «противиться и превозноситься превыше всего, называемого Богом или святыней» (2 Фес. 2, 9).

Гордыня или превозношение - один из признаков Антихриста или его слуг. В этом смысле характерен эпизод, связанный с баном Фильнием, или с «Филей прегордым» и его походом против Галича зимой 1220-1221 гг.⁷: «Въ лѣто 6725. Выиде Филя древле прегордый, надѣяся объяти землю, потребити море, со многими угры. Рекшю ему: «Единъ камень много горныцевъ избиваетъ», а другое слово ему рекшю прегордо: «Острый мечю, борзый коню — многая руси». Богу же того не терпящу, во ино время убьень бысть Даниломъ Романовичемъ древле прегордый Филя»⁸.

На первый взгляд, хвастовство Фильния не выходит за пределы обычной дружинной похвалы и типичных воинских сравнений: так, император Мануил Комнин сравнивал латинских рыцарей с котлами, а своих ромейских воинов - с глиняными горшками.

Однако не случайно в гиперболическом поэтическом языке ГВЛ Фильня прегордый уподобляется сказочному чудовищу, например дракону, способному выпить море и обвить землю. Подобный образ встречается в Апокалипсисе. Дракон, символ Сатаны и Антихриста, преследует жену, которая символизирует Церковь: «И пустил змий из пасти своей вслед жены воду как реку, дабы увлечь ее рекою. Но земля помогла жене, и разверзла земля уста свои, и поглотила реку, которую пустил дракон из пасти своей. И рассвирепел дракон на жену, и пошел, чтобы вступить в брань с прочими от семени ее, сохраняющими заповеди Божии и имеющими свидетельство Иисуса Христа» (Откр. 12, 15-17).

В этом контексте совершенно иначе смотрятся похвалы Фильния. Говоря о камне, который много горшков избивает, он мог иметь в виду слова псалма 2, относящегося к Мессии: «Упасеши я жезлом

железным, яко сосуды скудельничи (т.е. глиняные) сокрушиши я» (Пс. 2, 9), а также мессианский образ камня нерукосечного из Книги пророка Даниила, который разбивает многосоставного идола с глиняной ногой (Дан. 2, 31-35).

Но гордость Фильния и его образ чудовища переворачивает смысл мессианской аллюзии, помножая ее на минус: он становится уже образом не Христа, а Антихриста и на уровне, казалось бы, мессианских ассоциаций. В апокалиптическом контексте по-иному видится и образ всадника на борзодном коне с острым мечом: «И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч» (Откр. 6,4). Соответственно, Даниил убивает Фильния по Божьему велению, когда иссякают пределы Божественного долготерпения. Согласно Священному Писанию (2 Послание к фессалоникийцам; Апокалипсис) и Преданию Церкви, Антихрист будет уничтожен Христом после того, как он соберет в себе все возможные смертные грехи и преисполнится мера его беззаконий⁹.

У автора или читателя Галицко-Волынской летописи могла возникнуть еще одна скриптурная аллюзия: в книге Даниила рассказывается о том, как пророк убил в Вавилоне дракона (Дан.14). Соответственно, и князь Даниил исполняет сходную функцию, он убивает гордеца, подобного змею, надевавшемуся выпить море и обвить землю, - духовного дракона.

В завершение темы венгерских «антихристов» укажем на еще одну параллель с Апокалипсисом: перед битвой при Ярославле русские видят, как играют в небе орлы, и летописец замечает: «И се знамение на добро бысть»¹⁰. Сравним это с Апокалипсисом, когда Христос и его воинство устремляются против Антихриста и его слуг.

«И увидел я одного Ангела, стоящего на солнце; и он воскликнул громким голосом, говоря всем птицам, летающим по средине неба: летите, собирайтесь на великую вечерю Божию, чтобы пожрать трупы царей, трупы сильных, трупы тысяченачальников, трупы коней и сидящих на них, трупы всех свободных и рабов, и малых и великих» (Откр. 19, 17-18).

Еще одним кандидатом в антихристы оказывается литовский князь Тройден:

«Въ лѣто 6778. Нача княжити в Литвѣ оканьный, и безаконьный, прокляты, немилостивый Тройдей, егоже безаконья не могохомъ писати срама ради. Такъ бо бяшетъ безаконьникъ, яко и Антиохъ Сурьскый, Иродъ Ерусалимьскый и Неронъ Римьскый. И ина многа злѣйша того безаконья чиняше»¹¹.

Практически все три нечестивых царя, упомянутых в данном отрывке, были прообразами Антихриста. Антиох Сурский - селевкий-

ский царь Антиох IV Эпифан (176-163), при котором Иерусалимский храм был осквернен и посвящен Зевсу, евреям было запрещено соблюдать Закон и при котором в Иерусалиме настала «мерзость запустения», предреченная пророком Даниилом (Дан. 9, 27). Антиох Эпифан - тот нечестивый, который притязает занять место Бога (Дан. 11, 36), также он - одиннадцатый рог, вырастающий у четвертого зверя, обладающего сатанинским ликом (7. 8); оттого суд над ним и его уничтожение предваряют установление Царства Божия (7. 11-27; ср.: 11. 40-12. 2)¹². Иродъ Ерусалимський - Ирод Великий, убийца виффлеемских младенцев и гонитель Христа - также один из прообразов Антихриста.

Наконец, император Нерон, в гонения которого погибли святые первоверховные апостолы Петр и Павел, а равно и другие апостолы, и множество христиан, сожженных заживо или растерзанных на аренах, понимался как прообраз еще более жестоких гонений на христианскую церковь со стороны Антихриста, а также надменного превозношения над всякой святыней¹³. Достаточно рано это типологическое истолкование Нерона слилось с легендой о *Nero redivivus* (Нероне ожившем), присутствующей в Сивиллиных оракулах¹⁴, у знаменитого латинского комментатора III в. Викторина Петавского¹⁵, у латинского христианского поэта III в. Коммодиана¹⁶, согласно которой Нерон воскреснет и вернется как великий тиран, убийца святых пророков Илии и Еноха. Несмотря на то что эта легенда на западе уже достаточно рано была отвергнута Лактанцием¹⁷ и блаженным Августином¹⁸, она оставалась достаточно популярной в течение всего средневековья, поскольку ее был вынужден опровергать еще Фома Аквинат. Весьма вероятно, что триада прототипов Антихриста была заимствована летописцем с Запада, а не из Византии.

Возникает вопрос: за что Тройден удостоился такого наименования? Вероятно, в силу своей жестокости, коварства и неблагодарности: «Посемь же Тройдений, забывъ любви Лвовы, послав городняны, вельъ взяти Дорогичинь. И Тридь с ними же бяшетъ, се же вѣдашетъ о городѣ, како мочно взяти. Излѣзъ же и ночью, и тако взяша и на самы Великъ День, избиша и всѣ от мала и до велика». Беспощадное и вероломное избиение христиан на Святую Пасху (Велик день) давало летописцу основания для подобных определений.

Одно из наиболее грандиозных событий, описываемых в ГВЛ, — монголо-татарское нашествие. В контексте нашей темы рассмотрим речевые характеристики, которые даются монголо-татарам: «Въ лѣто 6732. Приде неслыханая рать, безбожнии моавитяне, рекомыи татарьве, придоша на землю Половецкую. Половцемъ же став-

шимъ, Юрьгий Кончакович бѣ болийше всихъ половець, не може стати противу лицу ихъ, бѣгаючи же ему, и мнози избѣени быша до рѣкы Днепра. Татаромъ же возвратившись, идоша в вежа своя. Прибѣгшимъ же половецмъ в Рускую землю, глаголющимъ же имъ рускимъ княземъ: "Аще не поможета намъ, мы нынѣ исѣчени быхомъ, а вы наутрѣ исѣчени будете"¹⁹. Итак, татары именуются моавитянами — язычниками, угнетавшими Израиль во времена судий: «И стали сыны Израилевы служить Астартѣ и Астарофу и богамъ окрестныхъ народовъ; и предалъ ихъ Господь в руки Еглона, царя Моавитскаго, и онъ владѣлъ ими восемнадцать лѣтъ» (Иис. Нав. 24:36). Причиной подобнаго наказанія является то, что, какъ гласитъ Писание, «Сыны Израилевы опять стали дѣлать злое предъ очами Господа» (Суд. 3, 12). Моавитяне прославились особенно изощренною жестокостію. Такъ, моавскій царь Меша особенно поразилъ израильтянъ темъ, что принесъ своего сына во всесожженіе на стѣнѣ осажденнаго города (4 Царствъ 3, 27).

В другомъ мѣстѣ татары называются безбожными измаильтянами: «Въ лѣто 6745. Придоша безбожнии измальтянь, прежде бившеся со князя рускими на Калкохъ».

Отчасти это библейская аллюзія, поскольку измаильтяне, какъ и моавитяне, выступали противъ Израиля, народа Божія: «Сговорились единодушно, заключили противъ Тебя (т.е. Бога) союзъ: ⁷селенія Едомовы и Измаильтяне, Моав и Агаряне, ⁸Гевал и Аммон и Амалик, Филистимляне съ жителями Тира»(Пс. 82, 6-7).

Отчасти, однако, это и память объ опустошительныхъ нашествіяхъ мусульман-арабовъ (согласно библейскимъ и средневековымъ предствленіямъ - потомковъ Измаила, сына Авраама) на православную Ромейскую (Византийскую) имперію (греческую для русскаго летописца).

Возникаетъ вопросъ: считалъ ли авторъ татаръ антихристами или, по крайней мѣрѣ, предтечами Антихриста? На первый взглядъ, следуетъ дать утвердительный отвѣтъ: въ рассказѣ о поездкѣ Даниила Галицкаго къ Батыю летописецъ даетъ жесткую и неліцеприятную характеристику монгольской религіи и закону:

«Оттуду же нача болми скорбѣти душею, видя бо обладаемы дьяволомъ: сквѣрная ихъ кудѣшская блядѣнья, и Чигизаконова мечтанья, сквѣрная его кровопитья, многыя его вольжбы. Приходящая цари, и князи, и велможѣ солнцю и лунѣ и земли, дьяволу и умершимъ въ адѣ отцемъ ихъ и дѣдомъ и матеремъ водяше около куста поклонятися имъ. О, сквѣрная прелесть ихъ!»

Можно только поразиться мужеству летописца, написавшаго эти горькіе, но правдивыя строки: найдись какой-нибудь грамотный

предатель, типа монаха Изосима, перешедшего на службу к татарам, принявшего ислам и за это растерзанного доведенным до отчаяния народом в Суздале в 1262 г., который довел бы до сведения татар о подобном оскорблении Ясы Чингисхана²⁰, веры монголов и самого основателя монгольской империи, и участь его была бы решена. Для летописца князя Даниила монгольская вера - дьяволопоклонство, а сами они обладаемы дьяволом, подобно тому, как это будет во времена Антихриста. Автор этнографически точен, описывая примитивный шаманизм монголов - поклонение кусту, солнцу и луне, духам предков²¹. Упоминание о кровопитии имеет двойной смысл - как питье крови жертвенных животных во время жертвоприношений (преимущественно лошадей), так и те страшные кровопролития, которые они устраивали от Китая до Адриатики, а также, возможно, и ритуальные убийства людей в честь покойников, обычай убивать всех встречных по пути похоронной процессии - от места смерти хана до места погребения. Причем им, по словам Марко Поло, говорили: «Иди на тот свет служить нашему государю!». Он уверяет, что после смерти Мункэ-хана таким образом погибло более 20 000 человек²². Сходство со временами Антихриста могло для русского книжника быть и в том, что на поклонение кусту приходили и цари, и князья, и вельможи всей земли, подобно тому как на поклонение образу Зверя во времена Антихриста должны прийти все цари земные и вся земля (Откр. 13, 3-4). Кроме того, летописец постоянно говорит о лести татарской и о том, что большую часть своих побед они стяжали ложью и коварством. К числу таких побед относятся взятие в плен русских князей на Калке, уничтожение тангутов, пленение Юрия Рязанского и его княгини, захват Колодяжина и т. д. Антихрист, согласно Священному Писанию, будет лжецом и обманщиком - человеком лести. Как говорится во втором послании Иоанна, «многие обольстители вошли в мир, не исповедующие Иисуса Христа, пришедшего во плоти: такой человек есть обольститель и антихрист» (2 Ин 1. 7). По словам святителя Ипполита Римского, «...во всем обольститель желает уподобиться Сыну Божию... Явился Спаситель как Агнец; подобным же образом и тот покажется как агнец, хотя внутри будет волком»²³.

Однако нигде в ГВЛ мы не находим прямого указания на то, что автор считает татар антихристами. Более того, косвенным указанием явилось бы сравнение татар с эсхатологическими народами Гога и Магога, которые должны выйти на последнюю, решающую битву между Злом и Добром. Однако, если оно есть в «Повести временных лет», то подобное сопоставление отсутствует в ГВЛ.

В духе историософии Серапиона Владимирского татары осмы-

сляются скорее как временный «Божий батог», посланный для исправления согрешившей Руси, чем народ-предтеча Антихриста, призванный обеспечить его приход.

Характерно замечание летописца после описания разгрома при Калке: «Ожидая Богъ покаяния крестьянскаго, и обрати и воспать на землю восточную, и воеваша землю Таногустьску»²⁴. Образ Батые скорее связан с библейским Навуходоносором, который иногда способен слышать голос Божий, чем с Антихристом²⁵.

Возникает вопрос: насколько высоким для ГВЛ являлся уровень эсхатологических ожиданий и опасений? Сам по себе он трудноизмерим, однако следует ответить, что он сравнительно невысок. В ГВЛ мы не находим прямых утверждений о скором конце света и его признаках, более того, в ней есть сюжет о несбывшемся знаменнии:

«Въ лѣто 6773. Явися звѣзда на востоцѣ хвостатая, образомъ страшнымъ, испущающе от себе лучѣ великы, си же звѣзда нарѣчается власатая. От видѣния же сея звѣзды страхъ обья вся челоувѣкы и ужась. Хитрѣчи же смотрѣвше, тако рекоша, оже мятежь великъ будетъ в земли, но Богъ спасеть своею волею. И не бысть ничтоже»²⁶.

Перед нами классический сюжет о несостоявшемся конце света или, по крайней мере, о несбывшихся катастрофах. Летописец даже не позаботился связать появление кометы в 1264 г. со смертью князя Даниила Галицкого (хотя это достаточно типично для Средневековья) - то ли потому, что не полагал, что его кончина - значительное бедствие²⁷, то ли потому, что не считал нужным способствовать распространению паникерских и суеверных настроений. Последнее вероятней, поскольку параллельно с традицией поиска знамений и предвестий бедствий в христианском мире существовала не менее стойкая традиция богословского рационализма и недоверия к ним.

Однако в 80-х - начала 90-х гг. Галицко-Волынская летопись содержит ряд сообщений о бедствиях, в которых чувствуется явная эсхатологическая тональность. Вот сообщения, датированные 1284-1285 гг.:

«Тое же зимы и в ляхохъ бысть морь великъ. Изомре ихъ бесчисленное множество.

По отшествии же Телебужинѣ и Ногаевѣ Левъ князь соче, колко погибло во его землѣ людий, што поимано, избито, и што ихъ Божию волею изъмерло — полъ трѣтьи на десять тысячѣ. Тое же зимы не токмо и во единой Руси бысть гнѣвъ Божий моромъ, но и в

* Вспомним хотя бы обстоятельства смерти Ивана Грозного, который сам уверил себя и окружающих, что комета 1584 г. принесет ему кончину.

Ляхохъ. Тое же зимы и в татарехъ изомре все кони и скоти, и овцѣ, все изомре, не остана ничегоже. Въ лѣто 6793. Начаша повѣдати, оже в нѣмцехъ вышед море и потопило землю гнѣвомъ Божиимъ, боле шьстидесять тысячъ душъ потонуло, а церкви каменныхъ одиннадесять и сто проче деревяныхъ»²⁸. Не исключено, что интенсивность подобных упоминаний связана с приближающимся 1292 г. – 6800-м от сотворения мира.

В целом для Галицко-Волынской летописи характерно большее внимание к частной эсхатологии (конечные судьбы отдельных лиц), чем к общей (судьбы народов и мира). С другой стороны, ГВЛ присущ умеренный эсхатологический оптимизм. Чем он обусловлен?

Во-первых, верой в покровительство Христа, Богородицы и святых. Герои Галицко-Волынской летописи, в особенности князь (а затем король) Даниил, постоянно обращаются к Богу и Пресвятой Богородице и получают их помощь и содействие. Вот пример из рассказа о битве при Ярославле: «Василкови же сразившуся с ляхы, наворотившимся и не зрящимъ обоимъ на ся. Ляхомъ же лающимъ, рекушим: «Поженемъ на великыи бороды». Василкови же рекшу, яко: «Ложь глаголь есть вашъ. Богъ помощникъ нашъ есть». И тъкну конь свой и движесея. Ляховѣ же не стѣрпѣвше побѣгоша от лица его»²⁹. Характерно и то, что летописец особое значение придает памяти святых Флора и Лавра, в день которых произошла Ярославская битва.

Отметим, что в тексте ГВЛ в целом придается особое значение действием святого архангела Михаила. В других наших публикациях* мы останавливались на рассказе о нашествии Белы на Галич и значении архангела Михаила в неудаче этого похода³⁰.

Особенно же помощь архангела Михаила князь Даниил ощутил во время путешествия к Батыю после грозного требования: «Дай Галич». Перед поездкой в Выдубицком монастыре князь Даниил молится архангелу Михаилу (значимо, что ничего не говорится о его посещении Киево-Печерского монастыря):

«Изииде же на празникъ святаго Дмитрѣя, помолився Богу и приде Киеву, обдержашу Киевъ Ярославу бояриномъ своимъ Ейковичемъ Дмитромъ. И пришед в домъ архистратига Михаила, рекомый Выдобичь, и созва калугеры и мниский чинъ и рекъ игумену и всей братьи, да створять молитву о немъ. И створиша, да от Бога милость получить. И бысть тако, и падъ предъ архистратигомъ Михаиломъ,

* *Василик В.В.* Образ русской земли в Галицко-Волынской летописи // Русин. Международнй историческй журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. 2009. №4. С. 38-49; *Его же.* Образ Нового Иерусалима в Галицко-Волынской летописи (в печати).

изиде из манастиря въ лоды, видя бѣду страшну и грозну. И прииде Переяславлю, и стрѣтоша татаровѣ. Оттуда же ѣха къ Куремѣсъ и видѣ, яко нѣсть в них добра.

Оттуда же приде к Батыеву на Волгу. Хотящу ся ему поклонити, пришедшу же Ярославлю челоуѣку Сънгуруви, рекшу ему: «Брат твои Ярославъ кланялся кусту и тобѣ кланяются». И рече ему: «Дьяволь глаголетъ из устъ ваших. Богъ загради уста твоя и не слышано будетъ слово твое». Во тѣ часъ позванъ Батыемъ, избавленъ бысть Богомъ и злого ихъ бѣшения и кудѣшства. И поклонися по обычаю ихъ, и вниде во вежу его. Рекшу ему: «Данило, чему еси давно не пришелъ? А нынѣ оже еси пришелъ — а то добро же»³¹.

Итак, грозный архангел Михаил оказывает помощь в беде страшной и грозной и спасает князя Даниила от дьявольского искушения - идолопоклонства. Таким образом, не пройдя поклонения огню и кусту и не замаравшись идолопоклонством, князь Даниил как бы оказывается среди тех, кто не поклонился образу Зверя и не принял печати его. Отметим, что архангел Михаил неразрывно связан с судьбами конца мира согласно пророчеству книги Даниила: **«И восстанет в то время Михаил, князь великий, стоящий за сынов народа твоего; и наступит время тяжкое, какого не бывало с тех пор, как существуют люди, до сего времени; но спасутся в это время из народа твоего все, которые найдены будут записанными в книге» (Дан. 12, 1).**

Интересно, что император «конца времен» Оттон III в 999 г. совершает покаянное паломничество ко храму Архангела Михаила в Монте Гаргано³².

Второе - это представление о благодатной и богоданной власти, о князе или царе, как об удерживающем. Мы останавливались в наших статьях на связях между «Похвалой Владимиру Васильковичу» и «Словом о законе и благодати»³³. Здесь отметим, что параллели эти не случайны: князь Владимир Василькович является новым равноапостольным великим князем Владимиром и новым Константином не только потому, что совершает многие добрые дела. Он и охраняет православную веру, и защищает жизнь народа в вверенном ему Богом княжестве: «Ты же и церкви многи Христовы поставль, и служителя его введъ, подобниче великого Костянтина, равноумне и равнохристосолюбче, равночестителю служителемъ его: онъ со святыми отци Никейского сбора законъ челоуѣкомъ полагаше, ты же со епископы и игумены снимаася часто со многимъ смирениемъ, много бѣсѣдоваше от книгъ о жити свѣта сего тлѣннаго»³⁴. Подобное же представление о княжеской власти и ее значении присутствует в гимнографии, посвященной святому равноапостольному князю

Владимиру³⁵. Наконец, оно восходит к образу святого Константина Великого как равноапостольного императора, идеального образа «удерживающего» - царя, чья власть удерживает от прихода в мир Антихриста.

Подведем итоги.

1. Эсхатологические представления в Галицко-Волынской летописи не характеризуются напряженностью. Для нее характерен, в конечном счете, эсхатологический оптимизм, связанный как с верой в милость Божию и заступничество святых, так и с представлением о власти «удерживающего» - благочестивого государя.

2. Особое значение в заступничестве за Галицко-Волынскую землю уделяется архангелу Михаилу.

3. Тем не менее образ Антихриста, точнее, его предтеч, присутствует в ГВЛ. Таковыми чертами наделяются прежде всего венгерские захватчики - Бенедикт, Фильний. Черты Антихриста несет и литовский князь Трейден.

4. Что касается монголов, то, хотя они и обладают известными чертами Антихриста, в целом они скорее являются языческим народом, наказующим Израиль за его прегрешения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., в частности: *Алексеев А.И.* Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности конца XIV-начала XVI в. СПб, 2002. *Его же.* Религиозные движения на Руси последней четверти XIV-начала XVI в. М., 2012. С. 398-415 (с полной библиографией вопроса).

2. Полную библиографию см.: Галицко-Волынская летопись. СПб., 2005. С. 412-421 (далее - ГВЛ, страница, затем, в скобках, номер столбца по *Ипатьевской летописи*). Из более поздних работ см., в частности: *Майоров А.В.* Из истории русско-византийских династических связей: дочь императора Исаака II в Галицко-Волынской Руси // История российско-греческих отношений и перспективы развития в XXI веке. Второй Российско-Греческий форум гражданских обществ. Материалы конференции. М., 2010. С. 42-46 (0,5 а.л.); *Его же.* Неизвестный факт биографии Даниила Галицкого // *Rossica antiqua*. 2010. № 2. С. 140-148; *Его же.* Даниил Галицкий и начало формирования культа св. Даниила Столпника у Рюриковичей // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2011. № 4 (46). С. 32-51. *Его же.* Апостольский престол и Никейская империя во внешней политике Даниила Галицкого // *Rossica antiqua*. 2011. № 1 (3). С. 60-99. *Его же.* Коронация Даниила Галицкого: Никея и Рим во внешней политике галицко-волыньских князей // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2011. № 1 (9). С. 143-156. *Его же.* Прусский вопрос во внешней политике Даниила Галицкого // *Rossica antiqua*. 2011. № 2 (4). С. 102-119.

3. Мильков В.В. Осмысление истории в Древней Руси. М., 2000.

4. Галицко-Волынская летопись. С. 80.

5. См.: Дмитриев Л.А. Тимофей книжник. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. С. 330.

6. Св. Ириней Лионский. Против ересей. V. 30: «Ибо, если оказывается много имен, заключающих в себе это число, то спрашивается, какое же из них будет носить имеющий придти (антихрист)? Это я говорю не по недостатку имен, содержащих число имени его, но по страху Божию и по ревности к истине, ибо имя Еванфас (ΕΥΑΝΘΑΣ) содержит искомое число, но я о нем ничего не утверждаю. И имя Латинянин (ΛΑΤΙΝΟΣ) имеет число 666, и весьма вероятно, что последнее царство носит это название: ибо ныне латиняне царствуют, но я не хочу этим хвалиться. Но из всех нами находимых имен Титан – если написать первый слог посредством двух греческих гласных Е и Ι (ΤΕΙΤΑΝ), – наиболее вероятно, ибо оно содержит вышеозначенное число и состоит из шести букв, в каждом слоге по три буквы; оно древне и неупотребительно, потому что никто из наших царей не назывался Титаном, и ни один из идолов, открыто почитаемых у греков и варваров, не имеет такого имени; но у многих оно почитается за божественное, так что и солнце называется у нынешних властителей Титаном и содержит некоторый намек на мщение и на мстителя, так как он (антихрист) представляет вид, будто бы мстит за угнетенных». См.: Ириней Лионский. Против ересей. М., 1998. С. 530. Судя по Изборнику 1073 г., сочинение Иринейя было известно на Руси.

7. См.: Грушевський М.С. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // ЗНТШ. Львів. 1901. Т. 41. С. 117. См. также комментарий Н.Ф. Котляра в его издании. Галицко-Волынская летопись. С. 207.

8. Галицко-Волынская летопись. С. 87.

9. Свящ. Владимир Шмалый, Казарян А. Антихрист. Православная энциклопедия. Т. 3 С. 562-581; Макарий. Православно-догматическое богословие. М., 1900. Т. 2. С. 615-619; Сильвестр [Малеванский], еп. Богословие. Т. 5. Ч. 2. С. 323-338; Беляев А.Д. О безбожии и антихристе: Сергиев Посад, 1898. М., 1996. Ч. 1. С. 452-472; Учение об антихристе в древности и средневековье. СПб., 2000.

10. Галицко-Волынская летопись. С. 116.

11. Галицко-Волынская летопись. С. 146.

12. Свящ. Владимир Шмалый, Казарян А. Антихрист. Православная энциклопедия. Т. 3. С. 567.

13. См.: Св. Иоанн Златоуст. Толкование на послание к Фессалоникийцам. 4. «Ибо тайна беззакония уже в действии». Здесь он указывает на Нерона как на прообраз антихриста, потому что и он хотел, чтобы его считали богом. Хорошо сказал он – тайна, потому что (Нерон) не так явно и бесстыдно (выдавал себя за бога), как антихрист. Итак, если еще прежде того времени, говорит, нашелся человек, который немного в злобе уступал антихристу, то что удивительного в том, если со временем явится (настоящий антихрист)? Говорил таким образом прикровенно и не хотел прямо указать на него (Нерона), не из страха, но чтобы научить нас тому, что мы

не должны навлекать на себя чрезмерной вражды, когда ничто нас к этому не принуждает.

14. *Oraculae Sybillinae*. VIII.

15. *Victorinus Petaviensis*. *Commentarius in Apocalypsim*. XIII 3.

16. Фокин А.Р. Латинская патрология. М., 2005. С. 253-254.

17. *Lactantius. De mortibus persecutorum*. 2

18. *Augustinus. De civitate Dei*. XX 19.

19. Галицко-Волынская летопись. С. 89.

20. Чингизаконова мечтания. Вольно или невольно, но автор допускает здесь своеобразный каламбур, переосмысляя имя Чингиз-хан как Чингиз-закон.

21. Ср. свидетельства Иоанна де Плано Карпини: «...Сверх того, они набожно поклоняются солнцу, луне, огню, а также воде и земле, посвящая им начатки пищи и питья и преимущественно утром, раньше чем станут есть или пить». *Плано Карпини*. История монголов. *Вильгельм Рубрук*. Путешествие в восточные страны. Перев. А.И. Малеина, СПб., 1911, С. 7.

22. Марко Поло сообщает об обычае убивать всех встречаемых по пути похоронной процессии от места смерти хана до места погребения, причем им, по его словам, говорили: «Иди на тот свет служить нашему государю!». Марко Поло уверяет, что после смерти Мункэ-хана таким образом погибло более 20 000 человек. См.: *Марко Поло*. Книга о разнообразии мира. М., 1997. С. 124.

23. *Ипполит Римский*. О Христе и антихристе. 6.

24. Галицко-Волынская летопись. С. 91.

25. Связь с Навуходоносором видна, в частности, из ответа св. князя Михаила Черниговского и боярина Федора: «Оттуда еха Батыеви, прося волости своее от него. Батыеви же рекшу: «Поклонися отецъ нашихъ закону». Михайль же отвѣща: «Аще Богъ ны есть предаль и власть нашу грѣхъ ради наших во руцѣ ваши, тобѣ кланяемся и чести приносим ти. А закону отецъ твоихъ и твоему богонечестивому повелению не кланяемся». Батый же, яко свѣрпый звѣрь возьярися, повелѣ заклати, и заклань бысть незаконнымъ Доманомъ Путивльцемъ нечестивымъ, и с нимъ заклань бысть бояринъ его Федоръ, иже мученически пострадаша и восприяста вѣнчъ от Христа Бога». Галицко-Волынская летопись. С. 113. Он имеет явную аналогию в служении трех отроков Навуходоносору и их ответе на повеление поклониться «телу златому» и в его реакции: «И отвечали Седрах, Мисах и Авденаго, и сказали царю Навуходоносору: нет нужды нам отвечать тебе на это. Бог наш, Которому мы служим, силен спасти нас от печи, раскаленной огнем, и от руки твоей, царь, избавит. Если же и не будет того, то да будет известно тебе, царь, что мы богам твоим служить не будем и золотому истукану, которого ты поставил, не поклонимся. Тогда Навуходоносор исполнился ярости, и вид лица его изменился.... лица его изменился на Седраха, Мисаха и Авденаго, и он повелел разжечь печь в семь раз сильнее, нежели как обыкновенно разжигали ее, ²⁰и самым сильным мужам из войска своего приказал связать Седраха, Мисаха и Авденаго и бросить их в печь, раскаленную огнем» (Дан. 3, 17-19). Что же касается слышания

Батием голоса Божия, то оно проявилось в его обращении с Даниилом Галицким. См. ниже.

26. Галицко-Волынская летопись. С. 143.

27. Исследователей давно поражала сухость и стандартность заметки о смерти Даниила Галицкого, не соответствующая тем возвышенным похвалам, которые присутствуют при описании его жизни. Вероятно, это связано с тем, что летописание переместилось на Волынь, а по замечанию Н.Ф. Котляра, волынскому летописцу не было особых причин петь похвалы Даниилу Галицкому, одна из немногих выделяемых черт - любовь к брату Василько. См.: Галицко-Волынская летопись. С. 324-325.

28. Там же. С.157.

29. Там же. С. 117.

30. «Вшедъшу же ему во горы Угорьскыѣ, посла на ны Богъ архангела Михаила отворити хляби небесныя. Конем же потопающимъ и самѣмъ возбѣгающимъ на высокая мѣста, оному же одинако устремисися прияти град и землю. Данилови же молящуся Богу, избави и Богъ от руки сильныхъ». Галицко-Волынская летопись. См.: *Василик В.В.* Образ Русской Земли в Галицко-Волынской летописи // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. 2009. № 4. С. 38-49. *Его же.* Образ Нового Иерусалима в Галицко-Волынской летописи (в печати).

32. Галицко-Волынская летопись. С.118-119.

33. *Tremp E.* Das Jahr Tausend. in der Europaeischen Geschichte: Endszeitangst, oder Neubeginn? // *Apokalypse oder Goldenes Zeitalter? Zeitenwenden aus historischer Sicht* / Herausgegeben von Walter Koller. Zuerich, 1999. S.90.

34. Образ Нового Иерусалима в Галицко-Волынской летописи (в печати).

35. Приведем для примера один из тропарей св. князю Владимиру: «Яко начальнику Крещения/ и кореню веры Божественныя,/ идолов разрушителю,/ блаженне княже Василие равноапостольне, вопием ти:/ слава вразумльшему тя Христу Богу,/ слава освятившему тя Крещением Своим,/ слава просветившему тобою всю страну Русскую».

Журнал консервативной мысли

«Золотой Лев»:

www.zlev.ru

Александр КОЖОЛЯНКО

ПРОНИКНОВЕНИЕ КАТОЛИЦИЗМА НА БУКОВИНУ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СЕМЕЙНО- КАЛЕНДАРНУЮ ОБРЯДНОСТЬ БУКОВИНЦЕВ

Исследование процесса проникновения католицизма в восточные славянские земли, в частности в Буковину и Галичину, является довольно актуальным.

В поле зрения европейских ученых (русских, австрийских, румынских и украинских) религиозная ситуация на Буковине попала во второй половине XIX – первых десятилетиях XX в.

Среди работ российских историков выделяются исследования Н. Сбоева. Так, в работе «Император Иосиф II и его восточная политика» он охарактеризовал политику Иосифа II по отношению к населению захваченных территорий как захватническую и экспансивно-католическую¹.

Непосредственно оценку религиозной ситуации на Буковине с позиций русской исторической науки последней четверти XIX в. провели В. Мордвинов, П. Соколов, П. Митрофанов. В частности, В. Мордвинов в труде «Православная церковь на Буковине» (1874) детально проанализировал религиозную реформу императора Иосифа II по ликвидации православных монастырей в крае и создание Православного религиозного фонда Буковины под контролем австрийского правительства².

Церковно-историческое исследование религиозной политики империи Габсбургов осуществил П. Соколов³. Его труд «Церковная реформа императора Иосифа II. Попытка церковно-исторического исследования из истории западных исследований» (1892) посвящен политике австрийского правительства последней четверти XVIII в. в отношении православных монастырей в Галичине и Буковине, а также вопросу подчинения Буковинского православного религиозного фонда австрийскому правительству.

В начале XX в. русский историк П. Митрофанов опубликовал книгу «Политическая деятельность Иосифа II. Его сторонники и враги (1780-1790)» (1907)⁴, где анализируется деятельность австрийского императора в течение первых десяти лет правления. Именно на эти годы приходится и его религиозная реформа.

Немецкий историк Бах в труде «Австрия в первой половине XIX в.» (1906), давая характеристику экономического состояния империи, называет Австрию первой половины XIX в. феодально-цеховым государством, где феодализм господствовал неограниченно; он указывает также, что «католическая церковь была в Австрии государственной церковью ... католицизм, пользуясь исключительным признанием и всеми правами, пользовался в осуществлении всех своих задач непосредственной помощью государства»⁵.

Интерес к истории Буковины проявляли и польские историки. Так, в 1914 г. вышла книга О. Жуковского «Буковина под взглядом топографическим, статистическим и историческим...», в которой автор пытался показать жизнь поляков на Буковине, раскрывая частично и вопрос религиозности польского этноса⁶.

Значительный интерес к вопросам католизации Буковины прослеживается с 20-х гг. XX в. среди румынских историков. В течение 20-30-х гг. румынские историки С. Рэли и Д. Ончулеску исключительно с целью демонстрации антирумынской политики Австрии на Буковине попытались показать католическую экспансию как средство германизации буковинских румын. При этом они полностью обошли вопрос попыток католизации украинского этноса.

Например, румынский историк С. Рэли опубликовал три книги: «Начало австрийского католицизма на Буковине» (1928)⁷, «Пропаганда католическо-австрийская против церкви православных румын Буковины» (1928)⁸, «Религиозная политика Габсбургов» (1929)⁹. В первых двух работах С. Рэли была дана оценка католизации общины с. Бояны через греко-католического епископа села Садгоры Глебовича в 30-40-х гг. В третьей автор дает оценку католической экспансии не только на Буковине, но и в других регионах империи. Вопрос католизации Буковины за счет привлечения к католицизму православных румын исследовал в конце 30-х гг. XX в. румынский историк Д. Ончулеску¹⁰.

Не оставил без внимания религиозную ситуацию в крае во времена австрийского господства буковинский историк и этнограф конца XIX – начала XX в. Р. Ф. Кайндль. В книге «Оккупация Буковины Австрией» (1994)¹¹ он, наряду с подачей материала об обстоятельствах и процессе захвата края Габсбургами, характеризует религиозное состояние края на 1774 г.

В работе «История Буковины», опубликованной в 1898 г., Р. Ф. Кайндль посвятил этому вопросу отдельный раздел третьего тома¹², где представил материал о существующих на Буковине религиозных течениях и верованиях (католицизм, украинское православие, русское старообрядчество, греко-католицизм, протестантизм, иудаизм).

Несмотря на наличие достаточно большого количества работ по вопросу оценки религиозной ситуации на Буковине во время австрийской оккупации края, вопрос о католическом давлении на православных украинцев Буковины не исследован. В большинстве исторических и этнологических публикаций второй половины XX в. провозглашалась толерантность австрийцев по отношению к другим этносам империи. Такой же характер носит и книга «От Сараево до Парижа. Буковинский Interregnum 1914-1921», опубликованная в 2009 г.¹³ Приведу только одно предложение из этой книги: «Для Буковины семь лет перед началом I мировой войны были годами наибольшего расцвета материального, культурного, образовательного, общественного». Непомерно восхваляется в ней «мультикультурность и толерантность» австрийских властей на Буковине¹⁴.

Материалы исторических публикаций австрийских историков второй половины XIX в. Ф. Викенгаузера¹⁵, И. Полека¹⁶, Ф. Циглауера¹⁷ указывают, что на время оккупации Буковины Австрией (1774 г.) сторонников католицизма на Буковине было мало.

Исторические документы свидетельствуют о том, что Рим занимался распространением католицизма на восточные земли еще во времена монголо-татарского нашествия. Так, например, в 1347 г. папа Климент VI направил епископом в город Сирет, расположенный в южной части Буковины, капеллана венгерского короля Томаса Нимте¹⁸.

Усиливается влияние Римского папы на Буковину в период правления в Молдавии князя Лацко. Последний был сторонником католической веры и делал все для ее внедрения в своей стране и соседних с Молдавским княжеством территориях.

Посредством католической веры он надеялся получить защиту и поддержку могущественного Рима в борьбе за утверждение Молдавского княжества как сильной европейской страны.

Есть и другая точка зрения на возможную причину ухода князя Лацко из-под влияния православного епископа Галича и подчинения молдавской церкви католическому епископу г. Сирет: это желание получить от епископа разрешение на развод со своей женой, от которой у него не было детей¹⁹.

Во времена правления Молдавским княжеством династии Мушат католическое проникновение в Буковину продолжается. В 80-х гг. XIV в. при правлении в Молдавии князя Кости Мушата по желанию его жены Маргариты, большой приверженки католицизма, в Сирете сооружается католическая церковь и основывается доминиканский монастырь.

В другом крупном городе Буковины - Сучаве католическая церковь была построена в начале XVI в. при правлении молдавского воеводы

Богдана III, который был женат на польской принцессе Елизавете, католичке по вероисповеданию.

С провозглашением унии католическая экспансия в Буковинский край усиливается. В Сучаве, наряду с католической церковью, при содействии жены воеводы Петра в конце XVI в. сооружается первая на Буковине греко-католическая церковь.

Хорошей иллюстрацией церковной политики Австрии на территории других стран могут служить циркуляр и решение императрицы Марии Терезии относительно рапорта барона Букова от 3 сентября 1861 г.

В этом документе, в частности, говорится о планах унии для всех православных народов, земли которых являются частью Австрии, и о привлечении к католицизму других народов: «Придворная канцелярия поддерживает католическое духовенство и особенно иезуитов империи, чтобы они таинственным образом работали с целью привлечения еретиков австрийских стран»²⁰.

Ко времени оккупации Буковинского края Австрией (1774 г.) в церковных делах южная часть края относилась непосредственно к ясскому митрополиту. Северная часть края была в ведении епископа из Радовцов, которому, кроме священников церковных приходов, подчинялись монахи буковинских православных монастырей.

В действительности руководители монастырей были практически самостоятельными правителями, и их зависимость от митрополита была достаточно формальной. Такое положение обусловило финансовые злоупотребления монастырских игуменов, которые транжировали церковные богатства на светские забавы, а простые монахи жили в бедности. Большинство из них были неграмотными. Это вызвало проблему с обеспечением учителями новых школ, которые открывались в первые десятилетия австрийской оккупации. В других провинциях Австрии новые школы пополнялись именно за счет священнослужителей. На Буковине эту проблему таким образом решить не было возможности.

Ясский митрополит враждебно встретил оккупацию Буковины Австрией и распространял среди священников антиавстрийские настроения. Это и ряд других обстоятельств обусловили ускорение проведения на Буковине религиозной реформы.

В 1779 г. военный управляющий Буковины генерал Энценберг обратился к австрийскому правительству с меморандумом о неотложной религиозной реформе²¹.

Основными ее идеями было устранение буковинского православного духовенства от управления богатством (имения, земля, леса, пастбища) и переход церковных богатств в собственность государства.

Первым шагом в проведении религиозной реформы было отделение буковинского духовенства из-под юрисдикции ясского митрополита и подчинение епископу Радовецкому, а последний находился под опекой архиепископа Карловицкого. Такое распоряжение правительства в Вене приняли 16 марта 1787 г.

Следующим шагом религиозной реформы было перенесение епископата в г. Черновцы (с января 1782 г.) и создание управленческого церковного органа – консистории. После этого прошло почти сто лет до того времени, как епископат в Черновцах был преобразован в митрополию, распространявшую свою власть в религиозных делах на Буковину и Далмацию.

В 80-х гг. XVIII в. на Буковине был оглашен правительственный документ о свободе вероисповедания. Равные права с численно преобладавшей православной церковью получили католическая и протестантские церкви.

Австрийские власти из Вены обратились к буковинским священнослужителям с требованием передать в государственное управление свои латифундии. Первым откликнулся епископ Досифей Херескул. Он уже в августе 1782 г. передал свои имения в государственное управление, а взамен получил от правительства годовую субсидию в 7 тыс. флоринов (для рядовых священников государственное жалование было определено в 2-3 тыс.)²². Этот шаг должен был стать показательным для других священников, которые, хотя и с ропотом, но также начали передавать свои имения государству.

Важным моментом в ускорении религиозной реформы было посещение Буковины австрийским императором в июне 1783 г. В своих записках визита он отметил: «Что касается духовенства, то очень важно уменьшить количество монастырей, а их имения сразу передать государству. Относительно священников-чужаков, которые не живут в крае, то их имущество забрать и создать фонд поддержки буковинского православного духовенства, открыть школу в Сучаве, а оставшиеся средства использовать на другие религиозные потребности»²³.

Однако лишить священников, живших вне Буковины, их краевых имений без возмещения не удалось. Монастыри и священники выступили с протестом против планов правительства и императора. Распоряжение кайзера конфисковать имения без возмещения так и не было выполнено. Часть имений была выкуплена государством, а часть обменена на имения, которыми владели буковинские священники вне Буковины, например в Молдавии.

Реформа продолжалась до апреля 1785 г. и завершилась созданием Православного религиозного фонда, охватывавшего богатства 2/3

всей территории Буковины. Этот фонд полностью контролировался австрийским правительством.

Таким образом, правительству удалось лишить сверхбогатства отдельных священников и монастыри, снять опасность финансовой поддержки антиавстрийских сил на Буковине и взять под свой контроль православное духовенство края, имевшее большое влияние на социально-экономические процессы.

Следует отметить, что созданный Православный религиозный фонд Буковины составом руководства и деятельностью преимущественно был антиправославным. Показателен в этом отношении состав руководства фонда («Дирекция») и служащих. Например, в конце XIX в. в «Дирекции» преобладали немцы римо-католики, протестанты. В 1897 г. служащие фонда были на 61% из римо-католиками, протестантами-лютеранами, евангелистами (по национальности – немцы, чехи, поляки и др.), и только 39% служащих были местные – буковинцы²⁴.

К православному вероисповеданию на Буковине принадлежали также православные армяне и русские-старообрядцы, которые первыми пришли на Буковину еще во времена вхождения края в Молдавское княжество. В религиозных делах они подчинялись епископу Анатолии. Часть армян прибыла на Буковину в XVII в. из Галичины (Львова) и стала католиками.

Армяне, жившие в Молдавском княжестве, включая Буковину, по характеру верования были монофизитами, сохраняя религиозную связь с епископом, который находился в Анатолии. Если в 1774 г. их здесь насчитывалось всего 59 семей, то на 1781 г. их уже было 129 семей.

Военный управляющий Буковины генерал Энценберг, как отмечает Р. Ф. Кайндль, делал попытки переманить всех армян в католицизм. Однако такая настойчивость и поспешность военного управляющего края вызвала недовольство армянской общины, которая пожаловалась в Вену, и Дворцовый военный совет в июне 1783 г. указал Энценбергу в этом вопросе поступать тактично и не обращать внимание на их вероисповедание. В постановлении совета отмечалось, что армяне важны для австрийского государства как жители края, которые исправно платят налоги²⁵.

Негативную реакцию в отношении назойливого приведения к католицизму сучавских армян выразил император Иосиф II, который в письме к военному управлению Буковины (19 июня 1783 г.) предостерегал: «Нужно прекратить все давление на религию армян и пытаться еще больше привлечь людей к поселению в пределах Австрии»²⁶. Однако уже в 1786 г. его мнение изменилось, и он издал указ о запрете религиозных связей армян с зарубежными центрами. Армяне-ортодоксы обязаны по административным делам подчинят-

ся австрийским властям, а в религиозных – религиозному совету г. Сучавы.

Армян-католиков на Буковине было немного. На 1775 г. в Черновцах проживало 4 семьи римско-католических армян. Церковь для черновицких армян-католиков построили только в 1836 г.

Греко-католики (униаты) в крае почти полностью были представлены русинами. После оккупации Буковины Австрией часть из них прибыла из Трансильвании, Марамуреша, Польши и Галиции. Вопрос о статусе униатов на Буковине рассматривался на правительственном совещании в Вене в апреле 1780 г. При рассмотрении дела отмечалось, что существенной разницы между униатами и православными в вопросах богослужения, обычаев и обрядов нет. «Поэтому этот народ, живущий разбросанно, не знает никакой разницы и, видимо, не думая и по незнанию, перешел в православие»²⁷. Для униатов было решено строить церкви и подчинить их униатскому епископу во Львове. Однако православный епископ Досифей Херескул выразил протест против этого решения, указав на вмешательство в религиозные дела украинцев-русинов и на возможные нежелательные последствия.

Подчинения греко-католиков Буковины в XVIII в. львовскому епископу так и не произошло. Только в мае 1812 г. австрийское правительство разрешило назначать греко-католических священников Буковины из Львова. Первый буковинский греко-католический декан Федор Лаврецкий был назначен в 1814 г. Он подчинялся греко-католическому епископу Львова.

В 1885 г. состоялось подчинение буковинского греко-католического духовенства станиславскому епископу.

Новопоселенцы (греко-католики) из Галичины в буковинских селах преимущественно переходили в православие. В хронике римско-католического костела г. Черновцы указывается: «В большинстве, особенно в селах, греко-католики перешли в православие. Но многие, особенно в городах и местечках, где были католические священники, соединились с католиками»²⁸.

С появлением в последней четверти XVIII в. венгерских колонистов на Буковине выросло количество римо-католиков (колонии Гадикфальва, Андреасфальва). Соответственно, имперская власть заботилась об обеспечении католиков священниками.

Так, в письме Иосифа II к государственному советнику Крезлу от 24 декабря 1785 г. говорится: «Поскольку на Буковине начинают селиться некоторые католики, там есть потребность в епископе и приходах. В настоящее время этот округ находится в ведении епископа с Пелтени, находящейся на значительном расстоянии от Буковины.

Я хочу подчинить Буковину католическому архидиакону из Львова или епископу из Перемышля. Туда, где ближе»²⁹.

Для окончательного решения этого вопроса в Вену был приглашен военный руководитель Буковины генерал Энценберг, который высказался за статус-кво. Он указывал, что за исключением венгров-колонистов, имеющих своих священников, остальные католики живут в крае разбросанно и их собрать в отдельные приходы невозможно.

Однако уже в начале 1786 г. не только буковинские католики были подчинены львовскому архидиакону, но и весь Буковинский край стал округом Галичины. Время военной администрации на Буковине закончилось.

Колонизация края австрийскими колонистами из метрополии привела к резкому росту числа римо-католиков. Если в 1784 г. в крае было 500 жителей, исповедовавших римо-католическую веру, то уже через два года, в 1786 г., их количество увеличилось до 3609 чел.³⁰

В конце XVIII в. (1795 г.) на Буковине насчитывалось уже более 6000 переселенцев, собственно с немецко-австрийских территорий³¹.

О процессе католизации украинцев-русинов Буковины писал и буковинский этнограф второй половины XIX в. Г. Купчанко. Так, в работе «Наша родина» он отмечал: «Латинские священники из Рима и Германии начали ходить между славянских христиан и привлекать их к латинскому обряду. Папа дал латинским и немецким священникам волю поступать со славянскими священниками так, как сами того хотят. Не успел папа дать латинским и немецким священникам волю, как они тотчас начали выгонять славянских священников и арестовывать их как злодеев...»³².

Важным источником католизации на Буковине была и политика австрийских властей по финансированию католических священников. Современный буковинский историк В. Ботушанский отмечает: «Католическое духовенство Буковины, количественно уступающее православному, получало значительно большую оплату»³³.

Представителей протестантских верований на 1786 г. в крае насчитывалось 228 человек (149 кальвинистов-реформистов, 79 лютеран).

Австрийская власть была не против поселения протестантов на Буковине и обеспечения их своими священниками. Об этом свидетельствует декрет Военного придворного совета, принятый по указу Иосифа II от 1 декабря 1786 г. Декретом протестантским священникам разрешалось посещать верующих на Буковине. Распоряжением австрийских властей от 1787 г. религиозно обслуживать буковинских протестантов должен был священник из галицкого городка Залещики, а с весны 1791 г. ими стал заниматься пастор Штефан Гибель, прибывший из немецкого города Вюртенберга. Он подчинил своей

власти всех буковинских протестантов и устроил пасторат в немецкой колонии Мелешуцы на Буковине. К середине 90-х гг. XVIII в. протестантский пасторат перебрался в Радовцы. Вместе с этим ряд протестантских общин (протестанты из венгерской колонии Андреасфальва, черновицкие протестанты-кальвинисты) организовали свои собственные пастораты. Попытки создать буковинский протестантский сеньорат из пяти пасторатов не были реализованы, и к концу XIX в. все протестантские пастораты действовали самостоятельно.

Католицизация Буковины негативно отразилась на культурном развитии края. В первую очередь это касается духовной культуры. В большинстве случаев проводилась насильственная католицизация местного православного населения. Например, католический священник в с. Садгора при поддержке администрации запрещал посещение православного храма крестьянами, проживавшими вблизи католического костела.

При содействии австрийской администрации всячески пропагандировались католические календарные праздники (Рождество, Новый год, Водокрещение), которые проводились по новому календарю. Это создавало путаницу в практике праздников и обрядов и негативно влияло на моральное состояние общества. В результате многие крестьяне вообще перестали ходить в церковь, а в карпатской зоне края возвращались к языческой вере³⁴. Двоеверие (христианство-язычество) в практике празднования календарных праздников и обрядов (Рождество, Новый год, Великдень-Пасха и др.) сохранялось на Буковине вплоть до середины XX в.³⁵

Давление католиков на православных ощущалось в крае повсеместно. Например, в ранее православной общине села Бояны католический священник-ксендз в начале XIX в., пользуясь поддержкой местного арендатора-католика Клебана, обязал крестьян проводить свадьбы, крестины и похороны только в католическом соборе и, соответственно, с католическим священником по католическим канонам³⁶.

Таким образом, на Буковину, преимущественно православный по вероисповеданию край, римско-католическая вера начала проникать уже с XIV в. В последней четверти XVIII в., с оккупацией края Австрией, усилиями австрийской администрации и католических миссионеров осуществлялось интенсивное внедрение католицизма путем ограничения связей и влияния на буковинцев православной церкви, замены последней на греко-католическое и римско-католическое вероисповедание. Австрийское правительство и местная администрация терпимо относились к протестантской вере на Буковине. Однако такие действия во многих случаях, особенно в карпатской зоне края, тормозили распространение христианства вообще и содействовали

сохранению языческих верований.

Особенно заметным было влияние администрации и католических священников на проведение семейных и календарных праздников, в большинстве отличных от православных в датах проведения, атрибутике и обрядности. Это негативно сказывалось на морально-психологическом состоянии украинцев-русинов Буковины, на развитии их духовной культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Сбоев Н.* Император Иосиф II и его восточная политика. М., 1884.
2. *Мордвинов В.* Православная церковь на Буковине. СПб., 1874.
3. *Соколов П.С.* Церковная реформа императора Иосифа II. Попытка церковно-исторического исследования из истории западных исследований. Саратов, 1892.
4. *Митрофанов П.* Политическая деятельность Иосифа II. Его сторонники и его враги (1780-1790). СПб., 1907.
5. *Бах М.* Австрия в первую половину XIX в. / Перевод с немецкого В. Базарова. СПб., 1906. С. 49.
6. *Zukowski O.M.* Bukowina pod względem topograficznym, statystycznym i historycznym ze szczególnem względniem ziomoty polskiego. Czerniowce-Lwow, 1914.
7. *Reli S.* Inceputurile Catolicismului austriac în Bucovina. Cernăuți, 1928.
8. *Reli S.* Propaganda catolică austriacă importiva Bisericii ort. române din Bucovina. Cernăuți, 1928.
9. *Reli S.* Politica religioasă a Habsburgilor față de Biserica ortodoxă-română în secolul al XIX – lea. Cernăuți, 1928.
10. *Onciulescu D.* O încercare de catolicizare a Bucovinei. Cernăuți, 1939.
11. *Kaindl R.F.* Die Erwerbung der Bukowina durch Österreich. Czernowitz, 1894.
12. *Kaindl R.F.* Geschichte der Bukowina. III Abschnitt. Die Bukowina unter der Herrschaft des Österreichischen Kaiserhauses (seit 1774). Czernowitz, 1898.
13. *Старук В.* Від Сараєва до Парижа. Чернівці, 2009.
14. Там же. С. 9.
15. *Wickenhauser F.A.* Moldau oder Beiträge zur Geschichte der Moldau und Bukowina, IV. Czernowitz, 1891.
16. *Polek J.* Ausgewählte. Capitel aus dem Gedenkbuche der römisch-katholik. Czernowitz, 1890.
17. *Zieglauer F.* Geschichte Bilder aus der Bukowina zur Zeit der Österreichischen Militärverwaltung (zweite Bilderreihe. – Die Jahre 1780 und 1781). Czernowitz, 1897.
18. Die Österreichisch-ungarische Monarchie in Wort und Bild. Bukowina. Wien, 1899, p. 68-60.
19. Там же. С. 70.

20. *Reli S. Politica religioasă a Habsburgilor fața de Biserică ortodoxă-română în secolul al XIX-lea.* P. 88.
21. *Kaindl R.F. Geschichte der Bukowina. III Abschnitt.* P. 31.
22. *Ботушанський В.* Нариси з історії православної церкви Буковини. Чернівці, 2012. С. 39-40.
23. *Kaindl R.F. Geschichte der Bukowina. III Abschnitt.* P. 32.
24. Черновицкий областной государственный архив (ЧОГА). Ф.3. Краевое управление. Оп. 1. Д. 9013. С. 16-17.
25. *Kaindl R.F. Geschichte der Bukowina. III Abschnitt.* P. 35.
26. Там же.
27. Там же. С. 36.
28. Там же. С. 37.
29. Там же. С. 38-39.
30. Там же. С. 39.
31. Центральный исторический архив Украины во Львове (ЦДИАУ во Львове). Ф.146. Оп. 7. Д. 2051. Л. 12.
32. *Купчанко Г.* Наша родина. Вєдень, 1875. С. 14-15.
33. *Ботушанський В.* Указ. праця. С. 40.
34. Писання Осипа Юрія Федьковича. Перше повне і критичне видання. Т.1. Львів, 1902. С.606.
35. Материалы этнографической экспедиции Черновицкого национального университета им. Юрия Федьковича. 1982. Т 2. С. 15.
36. *Reli S. Politica religioasă a Habsburgilor fața de Biserică ortodoxă-română în secolul al XIX-lea.* P. 62.

Единая РУСЬ

<http://www.edrus.org>

Сайт создан в 1999 г. и содержит материалы по истории Малороссии, создания украинского языка и гонений на общерусский язык, размышления о культуре и геополитике, аналитические статьи и архивные документы.

На сайте можно найти классику полемики с украинофилами (Н. Ульянов, Л. Волконский, князь Трубецкой и др.) и современных авторов (С. Сидоренко).

Виталий АНАНЬЕВ

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ РУСИ С ВИЗАНТИЕЙ И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПОЙ

В петербургском издательстве «Дмитрий Буланин» увидел свет первый выпуск новой серии, носящей название «*Studiorum Slavicorum Orbis*». В ее редколлегию вошли такие видные историки, археологи и филологи, как член-корреспондент РАН И.П. Медведев, член-корреспондент РАН Е.Н. Носов, доктор филологических наук Д.М. Буланин, доктор исторических наук Е.К. Пиотровская, кандидат исторических наук А.А. Турилов и др. К сожалению, редколлегия не сопровождала этот выпуск специальным предисловием, из которого можно было бы понять, каковы основные цели и проблематика данной серии. Вместе с тем сам факт появления новой научной серии не может не радовать.

В первый выпуск вошла монография А.В. Майорова «Русь, Византия и Западная Европа. Из истории внешнеполитических и культурных связей XII-XIII вв.»¹. Новая книга ученого посвящена актуальной проблеме – изучению международных контактов Древней Руси в XII-XIII вв. Основной акцент сделан на исследовании Галицко-Волынского региона, в первую очередь, в период правления князей Романа Мстиславича и Даниила Романовича Галицких.

Международные связи рассматриваются автором на трех уровнях: политическом, династическом и церковном. Следует отметить, что важное место в работе занимает изучение символического пространства репрезентации власти, для чего, кроме письменных источников, автором привлекаются широкий круг памятников художественной культуры, иконографический материал и именослов.

Работа построена по принципу очерков. Отчасти именно такая форма определяет те особенности структуры работы, которые можно было бы признать ее недостатками: нет общего введения к исследованию, которое позволяло бы выяснить методологию автора, источниковую базу и общую историографическую ситуацию; нет и общего списка использованных источников и литературы. Во «Введении» (с. 11–16) к исследованию автор не столько определяет задачи работы, сколько сразу же начинает полемику с оппонентами по поводу отдельных сюжетов, связанных с историей правления галицко-волынского князя Романа Мстиславича.

Тем не менее, такая стратегия может быть признана вполне оправданной, так как, по словам самого автора, в данной работе им была

предпринята попытка «сосредоточить внимание прежде всего на тех фактах внутренней и внешней политики галицко-волынских князей, которые вызывали и вызывают наибольшие сомнения и споры у исследователей и от изучения которых напрямую зависит общая оценка результатов политической деятельности этих правителей» (с. 11).

Вместе с тем, отсутствие общего введения оставляет открытым вопрос о тех принципах, которые лежали в основе объединения очерков в единое целое: например, первая часть работы, «Конституционный проект Романа Мстиславича: происхождение и верификация», несколько выпадает из общей логики исследования, а подробный разбор в данном контексте «Страстей по Татищеву», вспыхнувших в отечественной историографии с новой силой благодаря работе А.П. Толочко, хотя, безусловно, и интересен сам по себе (с. 92–102), но уводит изложение событий несколько в сторону. Включение этого раздела может быть оправдано разве что важностью «конституционного проекта» для общей исторической оценки деятельности князя Романа, а также в контексте внешнеполитических связей галицко-волинского князя (с. 111–126).

Как уже отмечалось выше, рецензируемая работа распадается на три основных тематических блока: истории политических контактов посвящены вторая («Контакты Романа Мстиславича с монархами Европы и Римом») и третья («Византия во внешней политике русских князей») части работы, генеалогическим связям и их воплощению в символическом пространстве репрезентации власти – четвертая («Великая княгиня Романовая...»: дочь византийского императора – жена галицко-волинского князя), пятая («Византия и христианский восток в политическом наследии, реликвиях и именовании русских князей») и шестая («Атрибуты и символы царской власти на Руси в XIII в.») части. Наконец, церковную тематику, намеченную еще во второй части, развивает заключительная, седьмая («Между Римом и Никеей: русские князья и экуменические процессы середины XIII в.») часть.

Разноплановый материал, почерпнутый из письменных источников, данных археологии, истории искусств, вспомогательных исторических дисциплин, а также историографии, объединяется монументальными фигурами двух главных героев книги – галицких князей Романа Мстиславича и Даниила Романовича. Майоров совершенно справедливо отмечает, что «Роман Мстиславич – один из излюбленных персонажей устного народного творчества. Память о нем на протяжении многих веков сохранялась не только на юге, но и на севере Руси, а также в Польше и Литве...» (с. 12). Ему посвящена обширная историография, в том числе специальная монография нашего автора². Привлечение целого ряда малоизвестных источников и внимание к косвенным свидетельствам, казалось бы, хорошо известных источников позволяют А.В. Майорову во многом по-новому осветить целый ряд связанных с ним сюжетов.

Отмечая многочисленные связи Романа Мстиславича с немецкими землями, автор монографии считает, что поход князя 1205 г. был направлен в Саксонию и связан с более общими процессами политической борьбы между Штауфенами и Вельфами, имевшей место в то время. Роман выступил на стороне Штауфенов, поддерживая Филиппа Швабского³. В этом отношении, основываясь на логике, которую можно было бы назвать контекстуальной, А.В. Майоров признает достоверность сообщений Хроники Альберика из шампанского монастыря Трех Источников, предлагающей именно такую трактовку событий 1205 г.⁴

Важным аргументом в пользу достоверности сообщения французского хрониста о целях похода Романа в Европу, опровергающим скепсис некоторых исследователей в отношении этого «экзотического» источника, являются тесные связи французских и польских цистерцианцев конца XII – начала XIII в. Как отмечает А.В. Майоров, все созданные в XII в. цистерцианские монастыри в Малой Польше (в том числе располагавшийся неподалеку от Завихоста, где принял свой последний бой князь Роман, монастырь в Вонхоцке) имели общее происхождение: они были основаны французскими монахами, выходцами из аббатства Моримон – одного из пяти главных монастырей ордена, располагавшегося в местечке Френуа-ан-Бессиньи, ныне входящем в департамент Верхняя Марна региона Шампань-Арденны. Обитель Трех Источников, где подвизался упомянутый хронист Альберик, находилась на берегу той же реки Марны и была ближайшим соседом Моримонского аббатства (с. 149–157).

Как достоверное оценивает автор монографии и сообщение В.Н. Татищева о посольстве, направленном к Роману Римским папой, с предложением королевской короны в обмен на унию. Этот вывод был сделан и в ранее опубликованных работах⁵. Не вдаваясь в подробности, нельзя не отметить, что, по крайней мере, конкретные текстологические наблюдения Майорова за принятым в «Истории Российской» словоупотреблением выглядят убедительнее утверждений его оппонентов (напр. А.П. Толочко) относительно практиковавшегося В.Н. Татищевым приема имитации летописных известий при помощи необычных слов. На широком источниковом материале показано, что слово «проторь», используемое Татищевым и относимое его критиками к числу таких маркеров, является вполне обычным для средневековых источников (с. 171–179).

Не меньшее внимание уделяется автором и восточному направлению внешней политики Романа Мстиславича – его отношениям с Византией. А. В. Майоров доказывает возможность пребывания на Руси бежавшего из Константинополя императора Алексея III Ангела, привлекая к уже утвердившейся в историографии аргументации свидетельство итальянского хрониста второй половины XIII – начала XIV в. Бартоломео дель Фиадони, бывшего епископом Торчелло – горо-

да, тесно связанного с Венецией, жители которого принимали участие в Четвертом крестовом походе⁶.

Автор полагает, что именно Роман Мстиславич был основным военным союзником империи в начале XIII в., и с этим связывает второй поход русских князей на половцев в 1203 г.⁷ Анализ летописного рассказа об этом походе представляет собой один из самых любопытных сюжетов книги (с. 250–263). Кроме того, в работе анализируются практически неизвестные историкам-русистам свидетельства византийских авторов XIII–XIV вв. Феодора Скутариота и Ефрема Энийского о военной помощи, оказанной империи русским князем Романом, приводятся их греческий текст и перевод на русский язык (с. 236–249)⁸.

Непосредственно связан с этими военно-политическими событиями и генеалогический аспект исследования. Речь идет, прежде всего, о женитьбе Романа Мстиславича на некой византийской царевне, которую А. В. Майоров отождествляет со старшей дочерью императора Исаака II Ангела, родившейся еще до его вступления на престол и в детстве отданной в монастырь. Опираясь на сведения Шпейерского синодика, составление которого непосредственно связано с историей брака другой дочери Исаака II, Ирины, ставшей супругой немецкого короля Филиппа Швабского, Майоров устанавливает имя «великой княгини Романовой» – Евфросиния⁹.

Косвенным подтверждением этого могут служить и материалы сфрагистики – обнаруженные в Новгороде печати с изображением святой Евфросинии и сцены Преображения Господня. Весьма убедительной кажется переатрибуция этих печатей как принадлежащих не Евфросинии Полоцкой, а именно Евфросинии Галицкой, а также указание на связь деятельности последней с распространением в Галицко-Волынской Руси культа Преображения (главы 24–25). И, если дальнейшая предлагаемая автором параллель между Евфросинией Галицкой и Анной Далассиной едва ли может быть убедительно доказана, сюжет, связанный с «евфросиньевскими» печатями, безусловно, заслуживает дальнейшей разработки и пристального внимания ученых¹⁰.

Любопытна и увязка с деятельностью «византийской царевны» некоторых хорошо известных науке артефактов, как, например, крест-реликвий с частицей Древа Истинного Креста Господня (хранящийся в соборе Парижской Богоматери)¹¹, евангелие-апракос начала XIII в. (из собрания Государственной Третьяковской галереи) и икона «Собор Иоакима и Анны» (с. 383–389, 411–442)¹². Весьма убедительным кажется и предположение автора о влиянии византийского происхождения Евфросинии на уникальный для Рюриковичей выбор крестильных имен, появившихся в последующих поколениях у представителей галицко-волынской княжеской семьи. Отсылка к общему слову именослова, якобы имевшему место в это время, не объясняет общей тенденции, характерной для этого выбора и связывающей его именно с культурным пространством Византии.

Это, прежде всего, имя *Даниил*, которое впоследствии повторяется в именослове московских князей. Как показывает А.В. Майоров, возникновение такого имени в княжеской среде обусловлено распространением культа св. Даниила Столпника и подъемом интереса к внешним атрибутам столпничества, что сказалось в сфрагистике, а также многочисленных памятниках архитектуры Галицко-Волынской Руси XIII - первой половины XIV в. Благодаря семейным связям галицко-волыньских князей с владимиристо-суздальскими, этот культ распространился в Северо-Восточной Руси и впоследствии в Москве¹³.

Именно происхождением Евфросинии Галицкой, являвшейся дочерью василевса Исаака II, объясняется несколько неожиданный на Руси подъем интереса к столпничеству в княжеской среде. По свидетельству Никиты Хониата, император Исаак проявлял особое покровительство и горячую симпатию в отношении столпников и отшельников, поражая тем своих современников, ведь со времен иконоборчества столпники утратили прежнее влияние на императоров, и это движение постепенно клонилось к упадку.

Византийская агиографическая традиция о святых Данииле Столпнике и Льве Великом Царе, по мнению автора, объясняет связь имен Даниила и Льва среди потомков Романа Мстиславича и Евфросинии. Даниил Столпник был духовным отцом и главным советчиком императора Льва I. Видимо, это обстоятельство и отразилось в паре имен галицко-волыньских князей: отца и сына – Даниила Романовича и Льва Даниловича (с. 443–477). Несомненный интерес представляет трактовка символики имени *Ираклий*, уникального для именослова Рюриковичей, встречающегося только в семье галицко-волыньского князя (с. 478–495)¹⁴.

Параллелью выбору имен может служить и усвоение галицкими князьями определенных атрибутов имперской власти, также ведущих свое происхождение из Византии. К числу последних можно отнести использование образа двуглавого орла, ношение одеяний из оловира (особого типа императорского пурпура), наконец, саму титулатуру – применение в XIII в. к галицко-волыньским князьям титулов «царь» и «самодержец» (главы 34–38)¹⁵. С этим же «византийским следом» связывает автор и некоторые особенности такого хорошо известного памятника средневековой русской книжности, как «Повесть о взятии Царьграда фрягами».

А.В. Майоров разделяет точку зрения тех исследователей, которые наиболее вероятным автором этого произведения признают новгородского боярина Добрыню Ядрейковича (впоследствии архиепископ Антоний). Тесно связанный с галицко-волыньским князем Романом Мстиславичем, Добрыня по его поручению несколько лет провел в Константинополе и был свидетелем разгрома византийской столицы латинянами в апреле 1204 г. Близкими отношениями с галицко-волынь-

ским князем объясняется внимание Добрыни к германскому королю Филиппу Швабскому, сваяку Романа, и роли Филиппа в организации Четвертого крестового похода. Стремление автора «Повести...» снять с германского короля ответственность за разорение Константинополя, а также знакомство с деталями побега к нему царевича Алексея (будущего императора Алексея IV), употребление характерной немецкой лексики указывают на использование русским книжником сведений, полученных от хорошо информированного немецкого источника. Информатором Добрыни, по мнению Майорова, мог быть один из сторонников короля Филиппа, зальцбургский архиепископ Конрад фон Крозиг, участвовавший в осаде Константинополя в 1203–1204 гг. (с. 635–643).

В рецензируемой книге, а также в ряде других работ автора рассматриваются важные с точки зрения традиций восточного христианства и православной культуры связи Древней Руси со Святой землей. В частности, показано участие русских князей в восточной политике византийского императора Мануила Комнина (с. 496–510)¹⁶, широко поставлен вопрос о политическом и духовном значении высокочтимых христианских реликвий для самосознания Древней Руси, а также для других славянских народов и государств (с. 608–631)¹⁷.

В заключительной части работы показано, как византийское наследие Романа Мстиславича и «великой княгини» Евфросинии проявилось во внешней политике их сыновей и внуков – в борьбе Даниила Галицкого за Австрию и попытке его сына Романа Даниловича овладеть престолом австрийских герцогов в 1252–1253 гг. В число главных претендентов на австрийское наследство галицко-волинских князей выводило их родство с династией Бабенбергов по женской линии: Евфросиния Галицкая приходилась двоюродной сестрой австрийской герцогине Феодоре, а бездетный герцог Фридрих II Воинственный был троюродным братом Даниилу¹⁸.

Австрийский узел внешней политики галицко-волинских князей завязался, по-видимому, еще во второй половине 1230-х гг., когда герцог Фридрих Воинственный фактически был отстранен от власти германским императором Фридрихом II. Первоначально намереваясь выступить на стороне своего австрийского родственника, Даниил Галицкий после встречи в Вене с императором Фридрихом II весной 1237 г. перешел на сторону последнего. За это галицко-волинский князь получил от императора денежную награду в размере пятисот марок серебром, а также титул «короля Руси» (*rex Rusciae*). Такие сведения почерпнуты Майоровым из документа, впервые публикуемого им в России, – мандата канцелярии императора Фридриха II от 15 января 1240 г. (с. 656–663)¹⁹.

По мнению историка, византийский (никийский) фактор сыграл существенную роль также в истории коронации Даниила и церков-

ной унии с Римом. Переговоры об этом проходили на фоне более широких политических процессов, инициаторами которых стали папа Иннокентий IV и никейский император Иоанн III Ватац. В обмен на возвращение Константинополя грекам власти Никеи соглашались признать верховенство папы в церковных делах и подчинение ему православного духовенства. В то самое время, когда в Кракове и Холме шли переговоры Даниила с папским легатом Опино, из Никеи в Рим отправилось полномочное посольство для заключения соглашения об унии Западной и Восточной церквей (вторая половина 1253 г.)²⁰.

Проводником никейских интересов в Галицко-Волынской Руси оставалась мать Даниила Романовича Евфросиния. После многих лет, проведенных в монастыре, она в последний раз появляется на страницах летописи как одно из главных действующих лиц в истории коронации. Союз с Римом сильнейшего из князей Руси был выгоден тогда правителям Никеи, так как способствовал реализации их собственных политических целей. Отказ нового никейского императора Феодора II Ласкаря от уступок папе и взявшего курс на возвращение Константинополя с помощью военной силы незамедлительно привел к разрыву отношений с Римом галицко-волыньских князей (с. 694–708)²¹.

Едва ли могут быть сомнения в том, что новая монография А.В. Майорова привлечет внимание исследователей. Какие-то ее положения получают поддержку ученых, другие будут поставлены под сомнение как недостаточно обоснованные. То и другое – закономерные следствия историографического процесса. Во всяком случае, активное обращение не только к отечественной, но и зарубежной историографии, а также к широкому кругу источников, часть из которых прежде почти не привлекала внимания большинства российских медиевистов, делают работу важным этапом в развитии наших знаний о международном положении и культурных связях Руси XII–XIII вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Майоров А.В.* Русь, Византия и Западная Европа. Из истории внешнеполитических и культурных связей XII – XIII вв. СПб., 2011.

2. *Майоров А. В.* Галицко-волинський князь Роман Мстиславич: володар, воїн, дипломат. Біла Церква, 2011. Т. 1–2.

3. См. также: *Майоров А. В.* Поход Романа Мстиславича 1205 года: в Саксонию или в Польшу? // Вопросы истории. 2008. № 11. С. 36–48.

4. См. также: *Майоров А.В.* Из истории внешней политики Галицко-Волынской Руси времен Романа Мстиславича // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2008. № 4 (34). С. 78–96.

5. *Майоров А.В.* Рассказ В.Н. Татищева о посольстве Римского папы к галицко-волыньскому князю Роману Мстиславичу: происхождение и атрибуция // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2010. Т. XXXI. С. 267–281.

6. См. также: *Майоров А.В.* Известия Длугоша и Густынской летописи о посещении византийским императором Алексеем III Галича в 1204 году // *Prosperice sed respice: проблемы славяноведения и медиевистики. Сборник научных статей в честь 85-летия проф. В.А. Якубского.* СПб., 2009. С. 71-116.

7. *Майоров А.В.* Рассказ Никиты Хониата о русско-византийском военном союзе в начале XIII века // *Русские древности. Сборник научных статей. К 75-летию проф. И. Я. Фроянова.* СПб., 2011. С. 164-181.

8. См. также: *Майоров А. В.* Маловідомі грецькі джерела з історії русько-візантійських відносин початку XIII століття: текст, переклад, коментар // *Записки Наукового товариства ім. Шевченка.* Львів, 2010. Т. 260. Кн. 2. С. 243-248.

9. См. также: *Майоров А.В.* Дочь византийского императора Исаака II в Галицко-Волынской Руси: княгиня и монахиня // *Древняя Русь: вопросы медиевистики.* 2010. № 1 (39). С. 76-106.

10. См. также: *Майоров А.В.* Печать Евфросинии Галицкой из Новгорода // *Древняя Русь: вопросы медиевистики.* 2011. № 2 (44). С. 5-25.

11. *Майоров А.В.* Византия, Польша, Венгрия и Галицко-Волынская Русь: откуда происходит крест Мануила собора Парижской Богоматери // *Україно-угорські етюдії / Відп. ред. Л. В. Войтович.* Вип. 1. Львів, 2010. С. 91-117.

12. *Майоров А.В.* Древнерусское рукописное евангелие апракос из собрания Государственной Третьяковской галереи: к вопросу о датировке и атрибуции // *Вопросы музеологии.* 2010. № 1. С. 160-166.

13. *Майоров А.В.* Даниил Галицкий и начало формирования культа св. Даниила Столпника у Рюриковичей // *Древняя Русь: вопросы медиевистики.* 2011. № 4 (46). С. 32-51.

14. *Майоров А.В.* О происхождении и символике имени князя Ираклия Даниловича // *Вопросы истории.* 2011. № 3. С. 110-121.

15. См. также: *Майоров А.В.* Царский титул галицко-волынского князя Романа Мстиславича и его потомков // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2009. № 1-2. С. 250-262.

16. См. также: *Майоров А. В.* Между Новгородом и Аскалоном: из истории внешнеполитических и культурных связей русских князей со Святой землей во второй половине XII века // *Вестник Удмуртского университета. Серия: история и филология.* 2011. Вып. 1. С. 10-18.

17. См. также: *Майоров А.В.* Восточнохристианские реликвии и идея «переноса империи»: Византия, Балканы, Древняя Русь // *Религиоведение. Научно-теоретический журнал.* 2011. № 1. С. 17-24.

18. *Майоров А.В.* Даниил Галицкий и Фридрих Воинственннй: русско-австрийские отношения в середине XIII в. // *Вопросы истории.* 2011. № 7. С. 32-52.

19. См. также: *Майоров А.В.* Неизвестный факт биографии Даниила Галицкого // *Rossica antiqua.* 2010. № 2. С. 140-148.

20. *Майоров А.В.* Первая уния Руси с Римом // *Вопросы истории.* 2012. № 4. С. 33-52.

21. См. также: *Майоров А.В.* Апостольский престол и Никейская империя во внешней политике Даниила Галицкого // *Rossica antiqua.* 2011. № 1 (3). С. 60-99.

References Transliterated from Cyrillic into Latin Alphabet

Leontiy Voitovycz

Rurik and the origins of the rurikid dynasty: new insights to old discussion

1. Bibliografiju problemy sm.: Voitovycz L.V. Rjurik: legendi i dijsnist'. Stan diskusii na pochatku XXI st. // Naukovi zoshiti istorichnogo fakul'tetu. L'vivs'kij nacional'nij universitet im. Ivana Franka. Zbirnik naukovih prac'. Vip.7. L'viv, 2005. S. 25–35; Ego zhe. Rjurik: legendi i dejstvitel'nost' // Issledovanija po russkoj istorii i kul'ture. Sbornik statej k 70-letiju professora Igorja Jakovlevicha Frojanova / Otv. red. Ju. Alekseev, A. Degtjarev, V. Puzanov. M., 2006. S. 111–121; Ego zhe. Vikingi v Central'no-Shidnij Evropi: problemi Ladogi i Plisnes'ka // Arheologichni doslidzhennja L'vivs'kogo universitetu. Vip.12. L'viv, 2009. S. 79–101; Ego zhe. Zagadki vikingiv: Ladoga i Plisnes'k. Prodovzhennja diskusii na mezhi XX-XXI stolit' // Actis testantibus. Juvilejnij zbirnik na poshanu Leontija Voitovycza / Ukraïna: kul'turna spadshhina, nacional'na svidomist', derzhavnist'. Vip. 20. L'viv, 2011. S. 142–188; Ego zhe. Vikingi v Central'no-Vostochnoj Evropi: zagadki Ladogi i Plisneska // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija 5. Istorija i filologija. 2011. Vyp. 3. S. 2–15; 2012. Vyp. 1. S. 3–11.
2. Pchelov E.V. Rjurik / Zhizn' zamechatel'nyh ljudej. Vyp. 1477 (1277). M., 2010. 336 s.
3. Sm.: Davidson H.E. Introduction to Saxo Grammaticus The History of the Danes. Book I–IX. Vol. Commentry. Cambridz, 1980.
4. Schier K. Sagaliteratur. Stuttgart, 1970. S. 81.
5. Ibidem. S. 72–91.
6. PSRL. T. 2. Stb. 14.
7. Shahmatov A. Razyskanija o rus'kih letopisjah. M., 2001. S. 11.
8. Sm.: Beovul'f / Pereklad O. O'Lir. Nauk. red. K.Shrej i O.Feshovec'. L'viv, 2012. S. 196.
9. Kunik A. A. Izvestija al-Bekri i drugih avtorov o Rusi i slavianah. Ch. 1. SPb., 1903. S. 10.
10. Shaskol'skij I. P. Normanskaja teorija v sovremennoj burzhuaznoj nauke. M.; L., 1965; Ego zhe. Vopros o proishozhdenii imeni «Rus» v sovremennoj burzhuaznoj nauke // Trudy Leningradskogo otdelenija In-ta istorii. T. 10. L., 1967. S. 129–167; Ego zhe. Normanskaja problema v sovetskoj istoriografii // Sovetskaja istoriografija Kievskoj Rusi / Otv. red. V.V. Mavrodin. L., 1976. S. 152–165; Ego zhe. Antinormanizm i ego sud'by // Genezis i razvitie feodalizma v Rossii. L., 1985. S. 35–51.
11. Gedeonov S. A. Varjagi i Rus'. Ch.1. SPb., 1876. S. 191–194.
12. Sm.: Fomin V.V. Russkie letopisi i varjzhskaja legenda. Lipce, 1999; Ego zhe. Krivye zerkala normanizma // Sbornik Russkogo istoricheskogo obshhestva. T. 8 (156). Antinormanizm. M., 2003. S. 83–127; Ego zhe. «Za more», «za rubezh», «zagrannica» russkih istochnikov // Tam zhe. S. 146–168; Ego zhe. Varjagi i varjzhskaja Rus'. K itogam diskussii po varjzhskomu voprosu. M., 2005; Ego zhe. Varjagi i varjzhskij vopros v sud'be Rossii. URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/35679.php> (data obrashhenija: 3.05.2013).
13. Chernyh P. Ja K voprosu o proishozhdenii imeni «varjag» // Uchenye zapiski Jaroslavskogo gosudarstvennogo ped. in-ta. Vyp.4. Jaroslavl', 1944; Ego zhe. Jetimologicheskie zametki. Varjag // Nauchnye doklady vysshej shkoly. Filologicheskie nauki. № 1. M., 1958.
14. Anohin G.I. Rjurik – solevar iz Rusy // Chelovek. Vyp. 4. 1994. S. 77–92; Ego zhe. Novaja gipoteza o proishozhdenii gosudarstva na Rusi // Voprosy istorii. 2000. № 3. S. 51–61.
15. Venelin Ju. O proishozhdenii slavian voobshhe i rossov v osobennosti (1836–1839) // Sbornik Russkogo istoricheskogo ob-va. Vyp. 8 (156). M., 2003. S. 21–83; Ego zhe. Skandinavomanija i ee poklonniki, ili stoletie izyskanija o varjagah. M., 1842; Ego zhe. O nashestvii zavisljanskij slavian na Rus' do Rjurikovyh vremen // Obshhestvo istorii i drevnostej rossijskih. M., 1848; Ego zhe. Izvestija o varjagah arabskih pisatelej i zloupotreblenija v istolkovanii onyh // Chtenija v Obshhestve istorii i drevnostej rossijskih. M., 1870. Kn. 4. S. 1–18.
16. Kuz'min A. G. «Varjagi» i «rus» na Baltijskom more // Voprosy istorii. 1970. № 10; Ego zhe. Ob jetnicheskoi prirode varjagov (k postanovke problemy) // Voprosy istorii. 1974. № 11; Ego zhe. Slavyane i Rus'. Problemy i idei: trehvekovoj spor v hrestomatijnom izlozhenii. M., 1998; Ego zhe. Nachalo Rusi: tajny rozhdenija russkogo naroda. M., 2003.
17. Gedeonov S. A. Otryvki iz issledovanij o varjzhskom voprose. SPb., 1862; Ego zhe. Varjagi i Rus'. Ch.1–2. SPb., 1876.
18. Vilinbahov V. B. Baltijskie slavyane i Rus' // Slavia occidentalia. T. 22. Poznań, 1962. S. 253–277; Ego zhe. Baltijsko-Volzhs'kij put' // Sovetskaja arheologija. 1963. № 3. S. 333–347; Ego zhe. Neskol'ko zamechanij o teorii A. Stender-Petersona // Skandinavskij sbornik. Vyp. 6. Tallin, 1968; Ego zhe. Ob odnom aspekte istoriografii varjzhskoj problemy // Skandinavskij sbornik. Vyp. 7. Tallin, 1969; Ego zhe. Po povodu nekotoryh zamechanij P. N. Tret'jakova // Sovetskaja arheologija. 1970. № 1; Ego zhe. Sovremennaja istoriografija o probleme: baltijskie slavyane i Rus' // Sovetskoe slavianovedenie. 1980. № 1. S. 79–84.

19. Kuz'min A.G. K voprosu o proishozhdenii varjzhskoj legendy // Novoe o proishozhdenii nashey strany. Pamjati M.N. Tihomirova. M., 1967. S. 42–53; Ego zhe. «Varjagi» i «rus'» na Baltijskom more // Voprosy istorii. 1970. № 10. S. 28–55; Ego zhe. Ob jetnicheskoy prirode varjagov // Voprosy istorii. 1974. № 3. S. 54–83; Ego zhe. Oblik sovremennogo normanizma // Sbornik Russkogo istoricheskogo obshhestva. T. 8 (156). Antinormanizm. M., 2003. S. 214–256.
20. Fomin V. V. Russkie letopisi i varjzhskaja legenda. Lipeck, 1999; Ego zhe. Varjagi i varjzhskaja Rus'. M., 2005; Varjagi i varjzhshij vopros v sud'be Rossii // www.portal-slovo.ru; Merkulov V. I. Nemeckie genealogii kak istochnik po varjago-russkoj probleme // Sbornik Russkogo istoricheskogo obshhestva. T. 8 (156). Antinormanizm. M., 2003. S. 135–145; Ego zhe. Otkuda rodом varjzhskie gosti? Genealogicheskaja rekonstrukcija po nemeckim istochnikam. M., 2005; Ego zhe. Gjustroavskaja oda i meklenburgskaja genealogicheskaja tablica // Sud'ba Rossii v sovremennoj istoriografii. Sb. st. pamjati A.G. Kuz'mina. M., 2006. S. 172–184; Saharov A.N. Rjurik, varjagi i sud'by rossijskoj gosudarstvennosti // Sbornik Russkogo istoricheskogo obshhestva. T. 8 (156). Antinormanizm. M., 2003. S. 9–17.
21. Thomas F. Die nahe Anverwandtschaft des Herzogs Carl Leopold mit der Furstin Catharina fon Rusland. Gustrow, 1716.
22. Voitovycz L. Rjurik: legendi i dijsnist'. Stan diskusii na pochatku HHI st. // Naukovi zoshiti istorichnogo fakul'tetu. L'viv's'kij nacional'nij universitet im. Ivana Franka. Vip. 7. L'viv, 2005. S. 28.
23. Tatishhev V.N. Istorija gosudarstva Rossijskogo. T. 1. M., 1968. S. 293.
24. An extended commentary. Bajer G.Z. Sochinenie o varjagah / Per. V.Kondratovicha // Zapiski Akademii nauk. T. 4. SPb., 1728. S. 42; Sochinenie o varjagah avtora Feofila Sigafra Bajera. SPb., 1747. S. 6–7.
25. Gedeonov S.A. Varjagi i Rus'. Ch. 1. SPb., 1876. S. 191–194.
26. Gedeonov S.A. Varjagi i Rus'. Ch. 2. SPb., 1876. S. XXXIV.
27. Pogodin M.P. S. Gedeonov i ego sistema o proishozhdenii varjagov i Rusi. SPb., 1864; Ego zhe. Bor'ba ne na zhivot, a na smert' s novymi istoricheskimi eresjami. M., 1872; Ego zhe. Tri zametki o nachele russkogo gosudarstva // Slavia. Vol. 1. 1932. S. 118–132.
28. Pervol'f I.I. Germanizacija baltijskih slavjan. SPb., 1876; Ego zhe. Varjagi-rus' i baltijskie slavjane // Zhurnal Ministerstva narodnogo obrazovanija. Ch. 192. 1877. № 7. S. 37–97.
29. Vilinbahov V.B. Volh i Rjurik – patronimy predanij i legend Novgorodskoj zemli // Russkij fol'klor. Vyp. 13. 1972. S. 23.
30. Rapov O.M. «Znaki Rjurikovichey» i simvol sokola // Sovetskaja arheologija. 1968. № 3. S. 62–69.
31. Tolochko P.P. Drevnjaja Rus'. Kiev, 1987. S. 20–21.
32. Voitovycz L.V. Rjurik: legendy i dejstvitel'nost' // Issledovanija po russkoj istorii i kul'ture. Sbornik statej k 70-letiju professora I.Ja. Frojanova. M., 2006. S. 114.
33. Pchelov E.V. Proishozhdenie dinastii Rjurikovichey // Trudy Istoriko-arhivnogo instituta. T. 34. Sbornik statej geraldicheskogo seminaru Istoriko-arhivnogo instituta Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Vyp. 1. M., 2000. S. 140–183; Ego zhe. Genealogija drevnerusskikh knjazej IX – nachala XI v. M., 2001. S. 65–67.
34. Tolstoj I.I. Drevnejšie russkie monety Velikogo knjazhestva Kievskogo. Numizmaticheskij opyt. SPb., 1882. S. 165–183; B. i Ch. [Bolsunovskij K.V. i Chernev N.P.] Zametka o zagadochnoj figure na monetah Velikogo knjazhestva Kievskogo. Kiev, 1889; Ih zhe. Rodovoj znak Rjurikovichey, velikih knjazej Kievskih. Kiev, 1908; Oreshnikov A.V. Novye materialy po voprosu o zagadochnyh figurah na drevnejshih russkikh monetah // Arheologicheskie izvestija i zametki Moskovskogo arheologicheskogo obshhestva. T. 10. M., 1894. S. 301–311; Ego zhe. Klassifikacija drevnejshih russkikh monet po rodovym znakam // Izvestija AN SSSR. Serija 7. Otdelenie gumanitarnyh nauk. 1930. № 2. S. 87–112; Arne T.J. Sveriges forbindelser med Ostern under Vikingatiden // Fornvannen meddelanden fran Kungl Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien. № 6. Stockholm, 1911. X. 1–2. S. 47–48; Krip'jakevich I. Gerb Ukraini // Kalendar tovaristva «Prosvita» na 1914 r. L'viv, 1914. S. 126–131; Levshinovskij M.S. Chto oznachaet zagadochnaja figura na monetah velikih knjazej // Spornye voprosy russkoj numizmatiki. Pg., 1915; Grushevs'kij M. Pro gerbovi znaki Ukraini // Narodna volja (Kiiv). № 101. 3.09.1917; Lihachev N.P. Materialy dlja istorii vizantijskoj i russkoj sfragistiki // Trudy Muzeja paleografii. Vyp. 1. L., 1928; Ego zhe. Pechati s izobrazheniem tamgi ili rodovogo znaka // Tam zhe. Vyp. 2. L., 1930. S. 56; Taube M.A. Zagadochnyj rodovoj znak sem'i Vladimira Sviatogo // Sbornik statej, posvjashhennyh P.N. Miljukovu, 1859–1929. Praga, 1929. S. 117–135; Ego zhe. Rodovoj znak sem'i Vladimira Sviatogo v ego istoricheskom razvitii i gosudarstvennom znachenii dlja drevnej Rusi // Vladimirovskij sbornik v pamjat' 950-letija kreshhenija Rusi, 988–1938. Belgrad, 1939. S. 89–112; Rybakov B.A. Znaki sobstvennosti v knjazheskom hozjajstve Kievskoj Rusi v X–XII vv. // Sovetskaja arheologija. T. 6. 1940. S. 227–257; Andrusjak M. Trizub. B.m., 1947; Janin V.L. Drevnejshaja russkaja pechat' H v. // Kratkie soobshhenija. Instituta istorii material'noj kul'tury. Vyp. 57. M., 1955; Ego zhe. Knjazheskie znaki suzda's'kikh Rjurikovichey // Tam zhe. Vyp. 62. M., 1956. S. 3–16; Ego zhe. Aktivnye pechaty Drevnej Rusi X–XV vv. T. 1–2.

M., 1970; Shirinskij S.S. Remennye bljashki so znakom Rjurikovichej iz Birki i Gnezdova // Slavjane i Rus'. Sbornik statej v chest' B.A. Rybakova. M., 1968. S. 215–223; Molchanov A.A. Podveski so znakami Rjurikovichej i proishozhdenie drevnerusskoj bully // Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny. T. 7. L., 1976. S. 68–91; Ego zhe. Ob atribucii lichno-rodovoyh znakov Rjurikovichej X–XIII vv. // Tam zhe. T. 16. L., 1985. S. 66–85; Ego zhe. Znaki Rjurikovichej na drevnerusskikh pečatjah i monetah: poslednjaja chetvert' veka ih izuchenija // Numizmaticheskij sbornik. № 5. M., 1997; Ershesvskij B.D. Ob atribucii novgorodskih pečatej i plomb XII – nachala XIII v. s izobrazheniem knjazheskich znakov // Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny. T. 10. L., 1978. S. 47; Ioannisjan O.M. Rodovye znaki drevnerusskich knjazej X–XIII vv. (literatura i istochniki) // GERAL'dika: materialy i issledovaniya. L., 1983. S. 109–112; Kulakov V.I. Ptica-hishhnik i ptica-zhertva v simvolah i jemblemah IX–XI vv. // Sovetskaja arheologija. 1988. № 3. S. 106–117; Makarov N., Cherenecov A. Sfragisticheskie materialy iz Belozera // Drevnosti slavjan i Rusi. M., 1988. S. 230–241; Jakimovich B. Do pitannja pro ukrains'ku nacional'nu simboliku // Pam'jatki Ukraini. 1989. № 3. S. 44–48; Dashkevich Ja. Rodovij znak Rjurikovichiv u Galic'komu knjazistvi XIII st. // Tretja naukova geraldichna konferencija (L'viv, 4–5 listopada 1993 r.). L'viv, 1993. S. 32–33; Beleckij S.V. Znaki Rjurikovichej na plombah iz Drogichina (po materialam svoda K.V. Bolsunovskogo) // Stratum plus. T. 6. Kishinev, 1999. S. 288–330; Ego zhe. Lichno-rodovye znaki Rjurikovichej na metallicheskich podveskah XI v. // Ruthenica. T. 1. Kiev, 2002. S. 134–151; Soboleva N.A. Znak Rjurikovichej v kontekste problemy «Rus' i evroazijskaja ideja» // Hranitel', issledovatel', uchitel'. K 85-letiju V.M. Potina. SPb., 2005. S. 33–68.

35. Mic'ko I. Davnja istorija Pidgir'ja v konteksti ukrains'ko-ches'kih zv'jazkiv // Slovo «Prosviti» (Starij Sambir). Ch. 58. 2003. S. 4.

36. Belov O., Shapovalov G. Ukrains'kij trizub. Kiiv–Zaporizhzhja, 2008.

37. Kirpichnikov A.N. Ladozhskaja zhemchuzhina v Baltijskom more // Rodina. 2008. № 9. 38. Chernov A. Ju. V staroj Ladoge najden gerb Rjurika? URL: <http://chernov-treznin.narod.ru/GerbRurika.htm> (data obrashhenija: 3.05.2013).

39. Kulakov V.I. Ikonografija geraldicheskikh orlov Germanii i Prussii // Al'manah «Mars». 1997. № 1.

40. Mel'nikova E.A. Mech i lira. Anglo-saksonskoe obshhestvo v istorii i jepose. M., 1987.

41. Gorskij A. Nachalo Rusi: slavyano-varjazhskaja dilemma? // Rodina. 2009. № 9. S. 18.

42. Rydzevskaja E. A. Drevnjaja Rus' i Skandinavija v IX–XIV vv. M., 1978. S. 69, 85–88.

43. Rjabinin E.A., Chernyh N. B., Stratigrafija, zastrojka i hronologija nizhnego sloja Staroladozhskogo zemljanogo gorodishha v svete novykh issledovanij // Sovetskaja arheologija. 1988. № 1. S. 72–100.

44. Sm.: Davidson H.E. Introduction to Saxo Grammaticus The History of the Danes. Book I–IX. Vol. 2. Commentary. Cambridge, 1980.

45. Schier K. Sagaliteratur. Stuttgart, 1970. S. 81.

46. Ibidem. S. 72–91.

47. Rydzevskaja E. A. Drevnjaja Rus' i Skandinavija v IX–XIV vv. S. 69.

48. Polnyj tekst sagi (drevnejshaja pergamentnaja rukopis' 1450–1475 gg.): Hálfðanar saga Eysteinnssonar // Fornaldarsögur Norðurlanda / Utg. av Guðni Jónsson, Bjarni Vilhjálmsson. Bd. 3. Reykjavík, 1944. Bl. 283–319; Hálfðan Eysteinnsson // Seven Viking Romances / Trans. with an Introd. by Hermann Pálsson and Paul Edwards. London–New York, 1985. P. 171–198; Die Saga von Haldan Eysteinnsson // Zwei Abenteuersagas / Aus dem Altnordische übersetzt und mit einem Nachwort von Rudolf Simek. Leverkusen, 1989. S. 55–99.

49. Vries J. de. Altnordische Literaturgeschichte. T. 2. Berlin, 1967. S. 496–497.

50. Hálfðanar saga Eysteinnssonar / Hrg. F.R. Schröder. Halle, 1917. S. 93–94.

51. Ibidem. S. 106.

52. Obraz Ingigerd iz jetoj sagi imeet rjad paralellej s Ingigerd korolevskih sag. Sm.: Dzhakson T.N. Islandskie korolevskie sagi. S. 108–110; Glazyrina G.V., Dzhakson T.N. Iz istorii Staroj Ladogi (po materialam skandinavskih sag) // Drevnejšie gosudarstva na territorii SSSR. 1985 god. M., 1986. S. 108–115.

53. Kleiber B. Zu einigen Ortsnamen oms Gardarike // Scando-Slavica. T. 3. 1957. S. 222; Schramm G. Normannische Stützpunkte in Nord westrussland. Etappen einer Reichsbildung im Spiegel von Namen // Beiträge zur Namenforscheng. N.F. Bd. 17. 1986. H. 3. S. 280–282.

54. Lebedev G.S. Jepoha vikingov. S. 187.

55. Ellis-Davidson H.R. The Viking Road to Byzantium. London, 1976. P. 41.

56. Glazyrina G. V. Alaborg «Sagi o Hal'vdane, syne Jeistejna». K istorii Russkogo Severa // Drevnejšie gosudarstva na territorii SSSR. 1978 g. M., 1978. S. 203–204.

57. Rydzevskaja E.A. Drevnjaja Rus' i Skandinavija v IX–XIV vv. S. 85; ricak O. Pohodzhennja Rusi. T. 2. Starodavni skandinavski sagi i Stara Skandinavija. Kiiv, 2003. S. 364–367.

58. Tiander K. Poezdki skandinavov v Beloe more. SPb., 1896. S. 287–292.

59. Vries J. de. Altnordische Literaturgeschichte. T. 2. S. 499.

60. Rydzevskaja E. A. Drevnjaja Rus' i Skandinavija v IX–XIV vv. S. 85; Glazyrina G. V. Islandskie vikingskie sagi o Severnoj Rusi. Teksty, perevod, kommentarij. M., 1996. S. 158–159,

164–165, 170–171.

61. Gongu-Hrólfs saga // Fornaldar sogur Norðrlanda.. Udg. Ved. S.S.Rafn. Bd.3. København, 1830. S. 235–364.

62. Ibidem. S. 237–238; Rydzevskaia E. A. Drevnjaja Rus' i Skandinavija v IX–XIV vv. S. 86.

63. Vries J. de. Altnordische Literaturgeschichte. T. 2. S. 500–501, 514–520. Tekst sagi sm.: Tidriks saga of Bern. Utg. au H.Bertelsch. Bd.1–2. København, 1908–1911.

64. Rydzevskaia E.A. Drevnjaja Rus' i Skandinavija v IX–XIV vv. S. 87. Sm. takzhe: Veselovskij A.N. Russkije i vil'tincy o Tidreke Bernskom (Veronskom). SPb., 1906. S. 130–190.

65. Kirpichnikov A. N. Ladoga i Ladozhskaja zemlja VIII–XIII vv. S. 88.

66. Sm.: Azbelev S.N. Ustnaja istorija v pamjatnikah Novgoroda i novgorodskoj zemli. SPb., 2007. S. 6–34; Pchelov E. Rjurik. M., 2010. S. 37–67; Koncha S. Skandinavskie jelementy Ioakimovskoj letopisi i vopros o ee proishozhdenii // Drevnjaja Rus'. Voprosy medievistiki. M., 2012. № 3. S. 98–111.

67. Lavrovskij P.A. Issledovanie o letopisi Jakimovskoj // Uchenye zapiski Vtorogo otdele-nija Imperatorskoj akademii nauk. Kn. 2. Vyp. 1. SPb., 1856. S. 77–160.

68. Kleiber B. Nordiske spor i en gammel Russiske kronika // Maal og Minne. Oslo, 1960. Heft 1–2. S. 70.

69. Pchelov E.V. Genealogija drevnerusskikh knjazej IX – nachala XI v. M., 2001. S. 62.

70. Voitovycz L. Knjazha doba na Rusi: portreti eliti. Bila Cerkva, 2006. S.199.

71. Nosov E.N. Novosvobodskoe (Rjurikovo) gorodishhe. L., 1990. S. 189.

72. Kruze F. O proishozhdenii Rjurika // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija. 1836. Janvar'. S. 49.

73. Sm.: Francke G. Genealogische Tabellen zur Geschichte der Skandinavischen Völker. 1834.

74. Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. T. 1 / Ed. G.H.Pertz. Hannoverae, 1826. S. 162, 349; Pchelov E.V. Genealogija drevnerusskikh knjazej IX – nachala XI v. S. 78.

75. Simek R., Pålsson H. Lexikon der altnordischen Literatur. Stuttgart-Kröner, 1987. S. 70.

76. An extended commentary. Sm.: Glazyrina G.V., Dzhakson T.N., Mel'nikova E.A. Vostochnaja polovina mira glazami skandinavov: toponimija v istoricheskikh issledovanijah // Drevnjaja Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov. S. 483).

77. Potin V.M. Russko-skandinavskie svjazi po numizmaticheskim dannym (IX–XII vv.) // Istoricheskie svjazi Skandinavii i Rossii. IX–XX vv. L., 1970. S. 67; Davidan O. I. K voprosu o kontaktah drevnej Ladogi so Skandinaviej (po materialam nizhnego sloja Staroladozhskogo gorodishha) // Skandinavskij sbornik. Vyp. 16. Tallin, 1971. S. 112; Lebedev G.S. Arheologich-eskie pamjatniki Leningradskoj oblasti. L., 1977. S. 164–193; Darkevich V.P. Mezhdunarodnye svjazi // Drevnjaja Rus'. Gorod, zamok, selo. M., 1985. S. 389; Sedyh V. N. Severnaja Rus' v jepohu Rjurika po dannym arheologii i numizmatiki // Ladoga i istoki russkoj gosudarstven-nosti i kul'tury. S. 84–96.

78. Lovmjanskij H. Rorik Frislandskij i Rjurik «Novgorodskij» // Skandinavskij sbornik. Vyp. 7. Tallin, 1963. S. 224–226, 228–229.

79. Kruze F. O proishozhdenii Rjurika. S. 75.

80. Miljutenko N.I. «Gardskaja» versija proishozhdenija Ragnara Kozhanye Shtany (Saga o Sjol'dingah) // Ladoga i jepoha vikingov. Materialy k Chetvertym chtenijam pamjati Anny Machinskij. SPb., 1998. S. 30–33.

81. Kruze F. O proishozhdenii Rjurika. S. 51.

82. An extended commentary. Beljaev N.T. Rorik Jutlandskij i Rjurik nachal'noj letopisi // Seminarium Kondakovianum. T. 3. Praga, 1929. S. 23.

83. Francke G. Genealogische Tabellen. S. 406.

84. Jones G. A history of the Vikings. Oxford, 1984. P. 102–104.

85. Mel'nikova E.A. Vstuplenie normannov v diplomatičeskie otnoshenija s Franskoj imperiej // Hitoria animate. Pamjati O.I.Varjash. Ch. 3. M., 2004. S. 22–38.

86. Annales Regni Francorum / Ed. G.H.Pertz, F.Kurze // Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum. Hannoverae, 1895. P. 126–127.

87. Szafarzyk J. Słowiański starożytności. T.2. Wrocław, 1848. S. 236–238; Šafařík P.J. Slo-vanske starožitnosti. Dil. 2. Praha, 1937.

88. Annales Regni Francorum / Ed. G.H.Pertz, F.Kurze // Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum. Hannoverae, 1895. P. 126.

89. Wigger F. Mecklenburgische Annalen bis zum Jahre 1066. Schwerin, 1860; Löffler L. Handelsstaden vid Östersjön som på danskarnas språk kallades Reric // Namn och bygd. T. 7. 1919. S. 25–26; Vogel W. Das emporium Reric, Festschrift til Halvdan Koht. Oslo, 1935. S. 85–92; Vasmer M. Germanen und Slaven in alter Zeit // Namn och bygd. T. 21. 1935. S. 128–130; Koczy L. Sklawania Adama Bremerńskiego // Slavia Occidentalis. T. 12. Poznań, 1935. S. 217; Beltz R. Der Burgwall von Alt-Gaarz (Mecklenburg) // Nachrichtenblatt für Deutsche Vorzeit. T. 11. 1935. S. 107; Id. Reric und Thrasiko, Zwei Namen unserer frühesten Geschichte // Monatshefte für Mecklenburg. 1938. S. 220; Id. Zu Reric // Mecklenburg. T. 34. 1939. S.

175–177; Krogmann W. Reric // *Jahrbücher des Vereins für mecklenburgische Geschichte und Altertumskunde*. T. 103. Schwerin, 1939. S. 77–84; Vries J. *Altnordisches etymologisches Wörterbuch*. Leiden, 1962; Doberan Kr. Ein Beitrag zur Lage von Reric // *Varia Archaeologica*. Berlin, 1964. S. 237–254; Herrmann J. Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder / Neisse und Elbe. Berlin, 1968. S. 19; Leciejewicz L. *Miasta Słowian północnopółabskich*. Wrocław, 1968. S. 20.

90. Herrmann I. Obodrity, Ijutichi, rujane // *Slavjane i skandinav / Per. G.S. Lebedeva*, pod red. E.A. Mel'nikovoj. M., 1986. S. 338–346; Zwischen reric und Bornhoved: die Beziehungen zwischen den Danen und ihren slawischen Nachbarn von 9. bis ins 13. Jahrhundert. Beiträge einer internationalen konferenz. Leipzig, 4–6 December 1997 / Hrsg. von O. Hack und Chr. Lubke. Stuttgart, 2001.

91. Bogusławski W. *Dzieje Słowiańszczyzny północno-zachodniej*. T.3. Poznań, 1895. S. 28–35; Wachowski K. *Słowiańszczyzna Zachodnia*. Warszawa, 1902. S. 84–112; Knorr H.A. Die Hacksilberfunde Hinterpommerns der Grenzmark und der Neumark // *Mannus*. T. 28. 1936. S. 160–229; Jankuhn H. Sechs karten zum Handel des 10. Jahrhunderts im westlichen Osterseebeken // *Archaeologia–Geographica*. T. 1. 1950–1951. Z. 1. S. 8–16; Slaski K. Udział Słowian w życiu gospodarczym Bałtyku na początku epoki feudalnej (VII–XII w.) // *Pamiętnik Słowiański*. T.4. Kraków, 1954. S. 227–234; Fritze W. Probleme der abodritischen Stammes- und Reichsverfassung und ihrer Entwicklung von Stammesstaat zum Herrschaftsstaat // *Siedlung und Verfassung der Slawen zwischen Elbe, Saale und Ode / Hrsg. von H. Ludat. Giessen*, 1960. S. 141–149; Labuda G. Organizacje państwowe Słowian Zachodnich w okresie kształtowania się państwa polskiego (od VI do połowy X wieku) // *Początki państwa polskiego*. T. 1. Poznań, 1962. S. 65–69; Herrmann J. Germanen und Slawen in Mitteleuropa. Zur Neugestaltung der ethnischen Verhältnisse zu beginn des Mittelalters. Berlin, 1984.

92. Mel'nikova E.A. Ukroshhenie neukrotimyh: dogovory s normannami. S. 14–15.

93. *Annales Regni Francorum*. R. 129.

94. Sm.: Künl J., Hardt N. Dannevirke – Nordens Største fortidsminde. Musset ved Dannevirke. Dannevirkegården, 1999.

95. Kruze F. O proishozhdenii Rjurika. S. 51.

96. Sakson Annalist. Hronika 741–1139 / Izd. podg. I.V.D'jakonov. M., 2012. S. 47.

97. Kirpichnikov A.N. Ladoga i Ladozhskaja zemlja VIII–XIII vv. // *Istoriko-arheologicheskoe izuchenie Drevnej Rusi: itogi i osnovnye problemy*. L., 1988. S. 47–48.

98. Vita St. Anskarii / Ed. G.H. Pertz // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores*. T. 2. Hannoverae, 1827. P. 704.

99. Voitovycz L. Knjazha doba na Rusi: portreti eliti. S. 199–200.

100. Glazyrina G.V., Dzhakson T.N., Mel'nikova E.A. Na puti «iz varjag v gre-ki» // *Drevnjaja Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov*. S. 483.

101. Chernov A. Ju. V Staroj Ladoge najden gerb Rjurika? URL: <http://chernov-trezin.narod.ru/GerbRurika.htm> (data obrashhenija: 5.05.2013).

102. Einhardi *Annales* / Ed. G. H. Pertz // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores* (dalee – MGH SS). T.1. Hannoverae, 1826. P. 135–218.

103. *Annales Fuldenses* / Ed. G. H. Pertz // *Ibid.* P. 337–415.

104. *Annales Bertiniani* / Ed. G. H. Pertz // *Ibid.* P. 419–515.

105. *Annales Xantensium* / Ed. G. H. Pertz // *Ibid.* T.2. Hannoverae, 1829. P. 217–235; *Analý Ksantena* // *Istoriki jepohi Karolingov* / Otv. red. A. I. Sidorov. M., 1999. S. 143–158.

106. *Shronicon de Normannorum gestis in Francia* / Ed. G. H. Pertz // MGH SS. T. 1. P. 532–536.

107. *Vita Sancti Anskarii a Rimberto* / Ed. G. H. Pertz // MGH SS. T. 2. P. 683–725.

108. Sm.: *Magistri Adami Bremensis Gesta Hammaburgensis Ecclesiae Pontificum* / Ed. B. Schmeidler // *Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum*. Hannoverae, 1917; *Adam of Bremen. History of the archbishops of Hamburg*. Bremen New York, 1959; *Adam Bremenskiy. Dejanija arhiiepiskopov gamburgskoj cerkvi* // *Nemeckie annaly i hroniki X–XI stoletij*. M., 2012. S. 297–449.

109. Tam zhe. S. 310.

110. *Chronicon Roskildense* // *Scriptores minores historiae Danicae medii aevi* / Rec. M.C. Gertz. Vol. 1. Kobenhavn, 1970. P. 3.

111. Koch C. *Tables généalogiques des maisons souveraines du nord et de l'est de l'Europe*. Paris, 1818. Tabl. 17.

112. *Istorija Danii*. T. 1. M., 1996. S. 42.

113. Pchelov E. V. Genealogija drevnerusskikh knjazej IX – nachala XI v. S. 71.

114. Kruze F. O proishozhdenii Rjurika. S. 71.

115. Sakson Annalist. S. 47.

116. Tam zhe. S. 48; *Reginonis Chronicon* // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores*. T.1/Ed. W. Wattenbach. Leipzig, 1890. (810 Jahr). P. 582.

117. Sakson Annalist. S. 53.

118. Tam zhe. S. 54.
119. Pchelov E.V. Genealogija drevnerusskikh knjazej IX – nachala XI v. S. 71–72.
120. Beljaev N.T. Rorik Jutlandskij i Rjurik nachal'noj letopisi. S. 227–228.
121. Chronicon Roskildense. P. 4.
122. Pchelov E.V. Genealogija drevnerusskikh knjazej IX – nachala XI v. S. 72.
123. Tam zhe. S. 73.
124. Nikolaev S., Bobrov A., Chernov A. O Rjurike, Gostomysle i proustushke Umile // Povest' vremennyh let. Perevod D.S. Lihacheva, O.V. Tvorogova. Kommentarii A.G. Bobrova, S.L. Nikolaeva, A.Ju. Chernova pri uchastii A.M. Vvedenskogo i L.V. Voitovyca. SPb., 2012. S. 467.
An extended commentary. Mel'nikova E.A. Ukroshhenie neukrotimyh: dogovory s normannami. S. 17.
125. Wadstein E. Norden och Västeuropa i gammal tid. Stockholm, 1925.
126. Annaly Ksantena // Istoriki jepohi Karolingov / Otv. red. A. I. Sidorov. M., 1999. S. 145–151.
127. Beljaev N.T. Rorik Jutlandskij i Rjurik nachal'noj letopisi. S. 230–231.
128. Zhitie svjatogo Ansgarija, napisannoe Rimbortom i eshhe odnim uchenikom / Per. V.V. Rybakova // Iz rannej istorii shvedskogo naroda i gosudarstva. Pervye otnoshenija i zakony. M., 1999. S. 44.
129. Tam zhe. S. 51.
130. Annales Xantenses / Ed. G.H.Pertz // Monumenta Germanae Historica. Scriptores. T. 2. Hannoverae, 1827. P. 235.
131. Vogel W. Die Normannen und das Fränkische Reich. Berlin, 1906. S. 129; Keary C.F. The Vikings in Western Christendom. London, 1891. P. 271.
132. Pchelov E. Genealogija drevnerusskikh knjazej IX – nachala XI v. S. 73–74.
133. Lovmijanski H. Rorik Frislandskij i Rjurik // Novgorodskij. S. 237.
134. An extended commentaryju Nikolaev S. Sem' otvetov na varjzhskij vopros // Povest' vremennyh let. Per. D.S. Lihacheva, O.V. Tvorogova. Kommentarii A.G. Bobrova, S.L. Nikolaeva, A.Ju. Chernogo pri uchastii A.M. Vvedenskogo i L.V. Voitovyca. SPb., 2012. S. 407.
135. Hollmann H.Fr. Rustringen, die ursprüngliche Heimat des ersten russischen Großfürsten Ruriks und seiner Brüder. Ein historischer Versuch. Bremen, 1816; Gollmann G.– Fr. Rustringia, pervonachal'noe otechestvo pervogo velikogo knjazja Rjurika i brat'ev ego. M., 1819.
136. Kruze F. O proishozhdenii Rjurika // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija. 1836. № 1. Janvar'. S. 43–73; № 6. Ijun'. S. 513–517.
137. Sm., napr.: Bredsdorf A. Bemerhunden, die Genealogie des Russischen Fürstengeschlechtes betreffend // Mémory Society Royal Antiquaires du Nord. Copenhagen, 1840. P. 173–176; Depping H. Histoires des Normands. Paris, 1843. P. 207.
138. Beljaev N. T. Rorik Jutlandskij i Rjurik nachal'noj letopisi // Seminarium Kondakivianum. T. 3. Praga, 1929. S. 215–270.
139. Vernadsky G. The Origins of Russia. Oxford, 1959. P. 207–208; Vernadskij G. V. Drevnjaja Rus'. Tver', 1999. S. 341–344, 380–382.
140. Pritsak O. The Origin of Rus'. Vol.1. Cambridge (Mass.), 1981. P. 155.
141. Gumilev L. Drevnjaja Rus' i Velikaja Step'. M., 1989. S. 160.
142. Lebedev G. S. Jepoha vikingov v Pervoj Evrope. L., 1985. S. 214.
143. Rybakov B. A. Kievskaja Rus' i russkie knjazhestva XII–XIII vv. M., 1993. S. 299.
144. Molchanov A. A. Drevneskandinavskij antroponimicheskij jelemtv v dinasticheskoi tradicii roda Rjurikovichev: o roli otde'lnyh komponentov v politicheskoi osnove formirovanija Drevnerusskogo gosudarstva // Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva: spornye problemy. M., 1992. S. 44–47.
145. Sverdllov M. B. Rörík (Hröríkr) i Gordum // Vostochnaja Evropa v drevnosti i srednevekov'e. M., 1994. S. 36–37.
146. Kirpichnikov A.N. Skazanie o prizvanii varjagov: legendy i dejstvitel'nost' // Vikingi i slavyane. SPb., 1998. S. 40–50.
147. Kasikov H., Kasikov A. Eshhe raz o Rjurike Novgorodskom i Rorike datchanine // Skandinavskij sbornik. T. 33. Tallin, 1990. S. 98–109; Pchelov E. Genealogija drevnerusskikh knjazej IX – nachala XI v. S. 74–76; Voitovyca L. Knjazha doba na Rusi: portreti eliti. S. 196–203; Ego zhe. Rjurik: legendy i dijsnist'. Stan diskusii na pochatku XXI v. // Nauk. zoshiti ist. f-tu LNU im. Ivana Franka: Zb. nauk. prac'. Vip. 7. L'viv, 2005. S. 25–35; Ego zhe. Rjurik: legendy i dejstvitel'nost' // Issledovanija po russkoi istorii i kul'ture: Sb. statej k 70-letiju professora Igorja Jakovlevicha Frojanova / Otv. red. Ju. Alekseev, A. Degtjarev, V. Puzanov. M., 2006. S. 111–121.
148. Azbelev S.N. Obzor istochnikov o proishozhdenii Rjurika i versija o ego slavyanskikh predkah // Izvestija Russkogo genealogicheskogo obshhestva. SPb., 1994. Vyp. 1. S. 45–46; Ego zhe. O proishozhdenii dinastii Rjurikovichev // Rossiya i zarubezh'e: genealogicheskie svyazi. Pervyj Mezhdunarodnyj genealogicheskij kollokvium. M., 1999. S. 7; Ego zhe. Ustnaja istorija v pamjatnikah Novgoroda i Novgorodskoj zemli. SPb., 2007. S. 61–86.
149. Sm.: Jamanov V.E. Rorik Jutlandskij i letopisnyj Rjurik // Voprosy istorii. 2002. № 2. S. 127–137.
150. Rydzevskaja E. A. Drevnjaja Rus' i Skandinavija v IX–XIV vv. S. 132.

151. Lovmjangskij H. Rorik Frislandskij i Rjurik «Novgorodskij». S. 224–230.
152. Shaskol'skij I. P. Normanskaja teorija v sovremennoj burzhuaznoj istoriografii. M.; L., 1965. S. 211.
153. Pchelov E. Genealogija drevnerusskikh knjazej IX – nachala XI v. S. 75.
154. Sm.: Arheologičeskoe issledovanie Novgorodskoj zemli. L., 1984. S. 25–45.
155. Azbelev S.N. Gostomysl // Varjago-russkij vopros v istoriografii. M., 2010. S. 598–618.
156. Annales Fuldenses (680–901) // MGH SS. T.1. P. 372.
157. Annales Xantenses // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum. Hannoverae–Leipsigae, 1909. P.14; Ksantenskije annaly // Istoriki jepohi Karolingov / Per. s lat. A.I.Sidorova. M., 1999. S. 151.
158. Kvedlinburgskie annaly // Nemeckie annaly i hroniki X–XI stoletij / Per. s lat. I.V.D'jakonova. M., 2012. S. 37.
159. Al'tajhskie annaly // Tam zhe. S. 97.
160. Hil'deshajskie annaly // Tam zhe. S. 229.
161. Lavrovskij P.A. Issledovanie o letopisi Jakimovskoj // Uchenye zapiski Vtorogo otdelenija Imperatorskoj akademii nauk. Kn. 2. Vyp.1. SPb., 1856. S. 113.
162. Pchelov E.V. Rjurik. M., 2010. S. 62, 66.
163. Tam zhe. S. 64–67.
164. Nerman B. Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit. Stockholm, 1929. S. 48.
165. Kunik A. Die Berufung der Schwedischen Rudszen durch den Finnen und Slawen. Sent-Retersburg, 1844. S. 131–134.
166. Rybakov B.A. Kievskaja Rus' i russkie knjazhestva. S. 286.
167. Lovmjangskij H. Rus' i normanny. S. 275.
168. Grinev N.N. Legenda o prizvanii varjazhskih knjazej (ob istochnikah i redakcijah v Novgorodskoj pervoj letopisi) // Istorija i kul'tura drevnerusskogo gosudarstva. M., 1989. S. 31–43.
169. Tomsen V. Nachalo russkogo gosudarstva. M., 1891. S. 65; Rydzevskaja E.A. Drevnjaja Rus' i Skandinavija. S.168; Schramm G. Die erste Generation der altrussischen Fürstendynastie. Philologische Argumente für die Histoerizität von Rjurik und seine Brüdern // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 28. 1980. S. 321–333.
170. Rydzevskaja E.A. Drevnjaja Rus' i Skandinavija. S. 166–167.
171. Tam zhe. S. 168.
172. Mel'nikova E.A. Proishozhdenie pravjashhej dinastii v rannesrednevekovoj istoriografii. Legitimizacija inojetichnoj znati // Jelita i jetnos srednevekov'ja. M., 1995. S. 39–44; Ona zhe. Rjurik, Sineus i Truvor v drevnerusskoj istoriograficheskoj tradicii // Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 1998 g. Pamjati chl.-kor. RAN A.P. Novosel'ceva / Otv. red. k.i.n. T.M. Kalinina. M., 2000. S. 142–159.
173. Tam zhe. S. 158.
174. Tam zhe. S. 149–157.
175. Shlecer A.-L. Nestor. T. 1. SPb., 1876. S. 202–205.
176. Kasikov H., Kasikov A. Eshhe raz o Rjurike Novgorodskom i Rorike Datchanine. S. 214.
177. Frojanov I.Ja. Mjatezhnyj Novgorod. Oчерки istorii gosudarstvennosti, social'noj i političeskoj bor'by konca IX – nachala XIII stoletija. SPb., 1992. S. 100–103.
178. Sverdllov M.B. Domongol'skaja Rus': knjaz' i knjazheskaja vlast' na Rusi VI – pervoj treti XIII v. SPb., 2003. S. 123–125.
179. Loseva O.V. Russkie mesjaceslovj XI–XIV vekov. M., 2001. S. 313.
180. Ziborov V.K. O letopisi Nestora: osnovnoj letopisnyj svod v russkom letopisanii XI v. SPb., 1995. S. 56; Romanovy i Rjurikovich. O rodoslovnoj legende Rjurikovichej // Dom Romanovyh v istorii Rossii. SPb., 1995. S. 47–54.
181. Bestuzhev-Rjumin K.N. Drevnjaja russkaja istorija. SPb., 1879. S. 390.
182. Tatishhev V.N. Istorija Rossijskaja. T. 2. M., 1963. S. 41, 218, 227, 252–253, 305.
183. Bayer Th. S. De Varagis // Commentarii Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae. T. 4 (ad annum 1729). 1735. P. 301.
184. Sm.: Demin S.V. Oleg – osnovatel' gosudarstva Kievskoj Rusi. URL: http://ulfdalir.narod.ru/literature/guests/Demin_Oleg.htm (data obrashhenija: 2.05.2013).
185. Sm.: Mel'nikova E.A. Of'g / Oleg Veshhij. K istorii imeni i prozvishha pervogo russkogo knjazja // Ad fontem: U istochnika. Sb. statej v chest' S.M. Kashtanova. M., 2005. S. 138–146; Myc'ko I.Z. Datskoe proishozhdenie knjazja Olega // Skandinavskie drevnosti. Internet-konferencija. 10–30 sentjabrja 2010. URL: <http://conference.dansk.ru/content/view/28/39> (data obrashhenija: 2.05.2013).
186. Sverdllov M.B. Domongol'skaja Rus'. S. 126.
187. Machinskij D.A. Pochemu i v kakom smysle Ladogu sleduet schitat' pervoj stolicej Rusi // Ladoga i Severnaja Evrazija ot Bajkala do La-Mansha: svjazujushhie puti i organizujushhie centry. Shestye chtenija pamjati Anny Machinskoj. Staraja Ladoga, 21–23 dekabrja

2001 g. Sbornik statej. SPb., 2002.

188. Gippius A.A. Novgorod i Ladoga v «Povesti vremennyh let» // U istokov ruskoj gosudarstvennosti. K 30-letiju arheologičeskogo issledovanija Novgorodskogo Rjurikova gorodishha i Novgorodskoj oblastnoj arheologičeskoj jekspedicii / Red. E.N. Nosov i A.E. Musin. SPb., 2007.

189. Vilkuil T.L. Ladoga ili Novgorod? // Paleoslavica. T. 16. № 2. Cambridge (Mass.), 2008. P. 272–280.

190. Nosov E.N. Novgorodskoe (Rjurikovo) gorodishhe. L., 1990. S.190–199.

191. Dzhakson T.N. O nazvanii Rusi Gardar // Scando-Slavica. T. 30. 1984. C. 140–143; Ego zhe. Naimenovanie Drevnej Rusi i Novgoroda v drevneskandinavskoj pis'mennosti: o vozni-knovenii toponimov Gardar i Hólmgarðr // Skandinavskij sbornik. Vyp. 30. Tallin, 1986. S. 85–95; Dzhakson T.N., Molchanov A.A. Iz istorii formirovanija drevneskandinavskoj toponimii puti «iz varjag v greki» // Arheologija i istorija Pskova i Pskovskoj zemli. Pskov, 1986. S. 59–61.

192. Sedyh V.N. Klady jepohi Rjurika: arheologo-numizmatičeskij aspekt // XIII Vserossijskaja numizmatičeskaja konferencija. Tezisy dokladov i soobshhenij. 11–15 aprel-ja. M., 2005. S. 106–107.

193. Vogel W. Die Normannen und das Fränkische Reich. Berlin, 1906. S. 236.

Vsevolod Merkulov

The Beginning of Rus' according to Germanic Sources (for scholarly problematic clarification)

1. PSRL. T. IV. Ch. 1. M., 2000. S. 11.

2. Gerbershtejn S. Zapiski o moskovitskih delah. SPb., 1908. S. 4.

3. Marschalk N. Die Mecklenburger Fürstendynastie und ihre legendären Vorfahren. Die Schweriner Bilderhandschrift von 1526. Bremen, 1995.

4. Chemnitz J.Fr. Genealogia regum, dominorum et ducum Megapolensium...; notae adjectae... Joh. Christ. Beselini / Westphalen, Mon. ined. II, 1615-1726. (Neopublikovannaja rukopis': Chemnitz, Chronicon. Schwerin, Hauptarchiv).

5. Marmier X. Lettres sur le Nord. Paris, 1857. R. 25-26. Pervoe ukazanie na jetot istochnik my nahodim u Vladimira Chivilihina v kn.: Pamjat'. M., 1982.

6. Kuz'min A.G. K voprosu o proishozhdenii varjazhskoj legendy // Novoe o proshlom nashej strany. M., 1967. S. 42-53.

7. Günther J.Ch.F. Meklenburgische Volkssagen und Volksaberglaube // Verein für Meklenburgische Geschichte und Altertumskunde: Jahrbücher des Vereins für Meklenburgische Geschichte und Altertumskunde. Bd. 8 (1843), S. 206.

8. Ivanova-Buchatskaja Ju.V. Plattes Land: Simvolj Severnoj Germanii (slavjano-german-skij jetnokul'turnyj sintez v mezhdurech'e Jel'by i Odera). SPb., 2006. S. 97.

9. Herrmann J. Obodrity, Ijutichi, rujane / Slavjane i skandinavj. M., 1986. S. 338.

10. Podrobnее sm.: Petrej P. Istoriya o Velikom knjazhestve Moskovskom // O nachale vojn i smut v Moskovii. M., 1997. S. 151-464.

11. Beehr M.J. Rerum Meclenburgicarum. Leipzig, 1741. S. 30-31.

12. Podrobnее sm.: Erdmann W. Zisterzienser-Abtei Doberan. Kult und Kunst. Königstein/Taunus, 1995; Minneker I. Vom Kloster zur Residenz: Dynastische Memoria und Repräsentation im spätmittelalterlichen und frühneuzeitlichen Mecklenburg. Münster, 2007.

13. Doslovno v tekste: Fueruntque hii duo truculentae bestiae, Christianis valde infesti.

14. Helm. Lib. I. Cap. VI.

15. Adam, Hist. eccl., Lib. II, Cap. 18.

Alexander Maiorov

Daniel of Galicia and the «Prince of Tartar» before the invasion of Batu in South Russia

1. Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae / Ed. R. Marsina. Bratislavae, 1987. T. 2 (1235–1260). Nr. 150. P. 100-102. Zdes' zhe ukazany predydushhie publikacii dokumenta i posvjashhennaja emu literatura.

2. An extended commentary. Ibid. P. 100.

3. Ibid. P. 101.

4. «Ad partes Ruscie et ad partes Bulgarie in nostra legacione profectus, ab illustrissimo duce Danela, qui Tartarorum principe visitato ad propria rediens, universum statum Tartarorum prout viderat et cognoverat, edisserandumb nobis promiserat, stili officio conditum reportavit». Ibid.

5. Grushevs'kij M. S. Istoriya Ukraïni – Rusi. Kiïv, 1993. T. 3. S. 66. Prim. 3.

6. Pashuto V. T. Ocherki po istorii Galicko-Volynskoj Rusi. M., 1950. S. 236. Jetu zhe mysl' povtorjaet N. F. Kotljar (Kotljar N. F. Daniil, knjaz' Galickij. SPb.; Kiev, 2008. S. 280).

7. Avenarius A. Nikaia und Russland zur Zeit der tatarischen Bedrohung // Byzantino-slavica. Prague, 1980. Bd. 41. S. 37-38, Anm. 23.

8. PSRL. M., 1998. T. 2. Stb. 794.
9. Dashkevich Ja. Danilo Romanovich i episkop Petro v osvittleni karaïms'kogo dzherela // Dashkevich Ja. Postati: Narisi pro dijachiv istorii, politiki, kul'turi. L'viv, 2006. S. 47.
10. Nagirnyj W. Polityka zagraniczna księstw ziem Halickiej i Wołyńskiej w latach 1198 (1199) – 1264. Kraków, 2011. S. 231-232.
11. Bartnicki M. Polityka zagraniczna księcia Daniela Halickiego w latach 1217–1264, Lublin, 2005. S. 108-109.
12. Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae. T. 2. Nr. 151. Sm. takzhe drugie dokumenty Bely IV, datirovannye 1243 – 1244 gg.: Ibid. Nr. 121, 122, 124, 126, 128, 129, 131, 137, 139, 146, 147, 153, 154, 158, 159, 165, 167, 168, 171, 179.
13. Chronici Hungarici compositio saeculi XIV / Ed. A. Domanovszky // Scriptores Rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum / Ed. E. Szentpétery. Budapestini, 1937. Vol. I. P. 467.
14. Codex Diplomaticus Hungariae ecclesiastic et civilis / Studio et opera G. Fejér. Budae, 1834. T. IX. Vol. 5. P. XXV; Werttner M. Die Regierung Béla's des Vierten. Nach urkundlichen Quellen bearbeitet // Ungarische Revue. Budapest, 1893. Bd. 13. S. 380.
15. Pauler Gy. A magyar nemzet története az Árpád-házi királyok alatt / Szer. S. Szilágyi. Budapest, 1899. K. 2. O. 520.
16. Font M. Vengry na Rusi v XI–XIII vv. // A se ego srebro. Zbirnik prac' na poshanu ch.-kor. NAN Ukraini M. F. Kotljara z nagodi jogo 70-richchja. Kiv., 2002. S. 97.
17. Senga T. IV. Béla külpolitikája és IV. Ince pápához intézett «tatár-levele» Századok. 1987. Evf. 121. Sz. 4. O. 590.
18. Dąbrowski D. Stosunki polityczne między królem Węgier Belą IV, niektórymi książętami polskimi i Romanowiczami w latach 1242 – 1250 (ze szczególnym uwzględnieniem kwestii matrymonialnych) // Ukraino-ugors'ki etjudi / Vidp. red. L. Voitovycz. L'viv, 2010. Vip. 1. S. 168-169. Prim. 7.
19. Karácsonyi J. A hamis, hibáseltű és keltezetlen oklevelek jegyzéke 1400-ig. Budapest, 1902. Nr. 87. O. 16; Regesta rerum stirpis Arpadianae critico-diplomatica / Ed. I. Szentpétery. Budapest, 1923. T. 1. Vol. 1 (1001–1270). Nr. 763. P. 228.
20. Regesta rerum stirpis Arpadianae critico-diplomatica. T. 1. Vol. 1. P. 228.
21. Dashkevich Ja. Danilo Romanovich i episkop Petro... S. 47-48.
22. Voloshhuk M. Problema kil'kosti vizitiv Danila Romanovicha in Tartaria: dzhereloznavchij analiz ugors'kogo diplomu vid 22 kvitnja 1244 r. // Drogichin 1253. Materiali mizhnarodnoi naukovoï konferencii z nagodi 755-i richnici koronacii Danila Romanovicha. Ivano-Frankivs'k, 2008. S. 18-36.
23. Tam zhe. S. 23-25.
24. Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae. T. 2. P. 101.
25. Codex Diplomaticus Hungariae ecclesiastic et civilis / Studio et opera G. Fejér. Budae, 1829. T. IV. Vol. 1. P. 335.
26. Codex diplomaticus Arpadianus continuatus / Ed. G. Wenzel. Pest, 1869. T. VII. Nr. 107. P. 163-165.
27. Monumenta ecclesiae Strigoniensis / Ed. F. Knauz. Strigonii, 1874. T. I. Nr. 446. P. 356-357.
28. Codex diplomaticus Patrius / Ed. E. Nagy et al. Jaurini, 1867. T. IV. Nr. 12. P. 28.
29. Marsina R. Prooemium // Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae. T. 2. P. XVII-XVIII.
30. Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae. T. 2. R. 101.
31. Voloshhuk M. Problema kil'kosti vizitiv... S. 23, prim.
32. Sm.: A középkori Magyarországi levéltári forrásainak adatbázisa/Q szekció: DIPLOMATIKAI LEVÉLTÁR / Családi levéltárak (P szekcióból)/Madách család (Q 120)/DL 72302 (<http://www.arcanum.hu/mol/>).
33. PSRL. T. 2. Stb. 760.
34. Sm., napr.: Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae / Ed. R. Marsina. Bratislavae, 1971. T. 1 (805 – 1235). Nr. 291, 292 (1224 g.), 351, 254, 356, 357 (1229 g.), 362, 365 (1230 g.), 373 (1231 g.), 385 (1232 g.), 420 (1233 g.).
35. Voloshhuk M. Problema kil'kosti vizitiv... S. 28.
36. Codex Diplomaticus Hungariae ecclesiastic et civilis / Studio et opera G. Fejér. Budae, 1829. T. III. Vol. 2. P. 47. Sm. takzhe: Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae. T. 1. Nr. 303. P. 221.
37. Sm.: Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae. T. 1. Nr. 217. P. 172.
38. Sm.: Kostolnyik Z. J. Hungary in the thirteenth century. New York, 1996 (East European monographs. Nr. 439). R. 91.
39. Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae. T. 1. Nr. 291. P. 212-213.
40. Ibid. Nr. 292. P. 213.
41. Privilegia et Libertates Regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae / Ed. J. Kukuljevic Aliter Bassani de Sacchi. Zagrabiae, 1862. Nr. 41. P. 49-51.
42. Regesta rerum stirpis Arpadianae critico-diplomatica. T. 1. Vol. 1. Nr. 401. R. 132.
43. Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae. T. 2. Nr. 220. P. 152-154. Regesta rerum stirpis Arpadianae critico-diplomatica / Ed. I. Szentpétery. Budapest, 1927. T. I. Vol. 2 (1001

- 1270). Nr. 832. R. 250–252.
44. Regesta rerum stirpis Arpadianae critico-diplomatica / Ed. I. Szentpétery. Budapest, 1930. T. I. Vol. 3 (1001 – 1270). Nr. 1286. R. 392–393.
45. Ibid. T. I. Vol. 2. Nr. 608. R. 186–187.
46. Ibid. T. I. Vol. 3. Nr. 1266. R. 386.
47. Ibid. T. I. Vol. 3. Nr. 1388. R. 425.
48. Ibid. T. I. Vol. 2. Nr. 945. R. 292–293.
49. Ibid. T. I. Vol. 2. Nr. 1076. R. 335.
50. Ibid. T. I. Vol. 3. Nr. 1226. R. 375–376.
51. Ibid. T. I. Vol. 3. Nr. 1244. R. 380; Nr. 1252. R. 382–383.
52. Ibid. T. I. Vol. 3. Nr. 1559. R. 476–477.
53. An extended commentary
54. Toma Arhidakon. Historia Salonitana: povijest salonitanskih i splitskih prvosvećenika / Priredila i prevela O. Perić. Split, 2003 (Biblioteka Knjiga mediterana, 30). Cap. XXXVI. 9. P. 226. Russkij perevod sm.: Foma Splitskij. Istorija arhiepiskopov Salony i Splita / Vstup. stat'ja, perevod i komentarij O.A. Akimovoj. M., 1997. S. 109.
55. Toma Arhidakon. Historia Salonitana. Cap. XXXIX. 3–4. P. 250; Foma Splitskij. Istorija arhiepiskopov Salony i Splita. S. 118.
56. Codex diplomaticus Regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae / Ed. T. Smičiklas (et al.). Zagreb, 1906. T. IV. R. 146–148, 153.
57. Ibid. P. 144–145, 151–152, 162–163.
58. Po mneniju Hansgerda Gekken'jana, massovyj othod mongol'skih vojsk iz Vengrii na vostok nachalsja v konce marta 1242 g. (Gekken'jan H. Pohod na Zapad i zavoevanie Vostochnoj Evropy // Istorija tatar s drevnejshih vremen. V 7 tomah. T. 3: Ulus Dzhuchi (Zolotaja Orda). XIII – seredina XV v. Kazan', 2009. S. 164).
59. An extended commentary
60. Sm.: Toma Arhidakon. Historia Salonitana. Cap. XLII. P. 266, 268; Foma Splitskij. Istorija arhiepiskopov Salony i Splita. S. 124–125; Andreae Danduli Chronica per extensum descripta aa. 46–1280 / A cura di E. Pastorello. Bologna, 1938. P. 353–356; Martino da Canal. Cronique des Veneciens / A cura di L. F. Polidori // Archivio storico italiano. Firenze, 1845, T. VIII. P. 390–400.
61. Sm.: Codex diplomaticus Regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae. T. IV. P. 162; Andreae Danduli Chronica... P. 353; Martino da Canal. Cronique des Veneciens. P. 390.
62. Sm.: Pauler Gy. A magyar nemzet. Budapest, 1893. K. 2. O. 266–272, 670–671. Sm. takzhe: Miller S. M. Venice in the east Adriatic: experiences and experiments in colonial rule in Dalmatia and Istria (C. 1150–1358). Stanford University, 2007.
63. PSRL. T. 2. Stb. 785–786.
64. Tam zhe. Stb. 786.
65. Tam zhe. Stb. 787.
66. Tam zhe.
67. Tam zhe. Stb. 787, 789.
68. Tam zhe. Stb. 809.
69. Tam zhe.
70. Tam zhe. Stb. 794.
71. Dimnik M. 1) Mikhail, Prince of Chernigov and Grand Prince of Kiev, 1224 – 1246. Toronto, 1981. P. 122, note 93; 2) The Dynasty of Chernigov, 1146 – 1246. Cambridge, 2007. P. 364–365.
72. Hardi Đ. Rostislav Michajlovič «Dominus de Machou» // Studia Balcanica Bohemica-Slovaca. 2006. T. 6. S. 66.
73. Dąbrowski D. Stosunki polityczne między królem Węgier Belą IV, niektórymi książętami polskimi i Romanowiczami w latach 1242 – 1250... S. 165–167, przyp. 4 (zdes' zhe obzor literatury voprosa).
74. PSRL. T. 2. Stb. 794.
75. Tam zhe. Stb. 793.
76. Tam zhe. Stb. 795–796.
77. Sm.: Włodarski B. 1) Polska i Ruś, 1194 – 1340. Warszawa, 1966. S. 125–126; 2) Polityczne plany Konrada I księcia mazowieckiego // Roczniki Towarzystwa Naukowego w Toruniu. Toruń, 1971. T. 76. Zs. 1. S. 58; Myśliński K. Problemy terytorialne w stosunkach między Polską i księstwem halicko-włodzimierskim w XIII wieku // Nihil superfluum esse. Studia z dziejów średniowiecza ofiarowane Profesor Jadwidze Krzyżaniakowej / Pod red. J. Strzelczyka, J. Dobosza. Poznań, 2000. S. 231–233; Nagirnyj W. Polityka zagraniczna księstw ziem Halickiej i Wołyńskiej... S. 219–220.
78. An extended commentary. Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae. T. 2. Nr. 153. P. 104.
79. Dąbrowski D. Stosunki polityczne między królem Węgier Belą IV, niektórymi książętami polskimi i Romanowiczami w latach 1242 – 1250... S. 169.
80. Codex diplomaticus et commemorationum Masoviae generalis (Zbiór ogólny przy-

wilejów i spominków Mazowieckich) / Ed. J. C. Kochanowski. Warszawa, 1919.. Nr. 85.

81. Labuda G. Zaginiona kronika w Rocznikach Jana Długosza. Próba rekonstrukcji. Poznań, 1983. S. 144-145. Jetu tochku zrenija prinimaet takzhe M. Bartnickij (Bartnicki M. Polityka zagraniczna księcia Daniela Halickiego... S. 79-80).

82. Berten'ij. Mezhdunarodnoe polozhenie Vengrii posle tatarskogo nashestvija // Vostochnaja Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Sbornik statej / Otv. red. L. V. Cherepnin. M., 1978. S. 316-317.

83. Sm.: Nadawniejsze roczniki Krakiwskie i kalendarz / Wyd. Z. Kozłowska-Budkowa. Warszawa, 1978 (Pomniki dziejowe Polski. Ser. 2. T. V). S. 80, 241.

84. Włodarski B. Rola Konrada Mazowieckiego. S. 39; Szambelan Z. Najazdy ruskie. S. 16-19; Myśliński K. Problemy terytorialne... S. 232-233; Bartnicki M. Polityka zagraniczna księcia Daniela Halickiego... S. 81-86.

85. PSRL. T. 2. Stb. 797.

86. An extended commentary

87. Podr. sm.: Zhavoronkov P. I. Nikejsko-bolgarskie otnoshenija pri Ivane II Asene (1218-1241) // Vizantijskie ocherki. Trudy sovetskikh uchenykh k XV Mezhdunarodnomu kongressu vizantinistov / Otv. red. Z. V. Udal'cova. M., 1977. S. 195-209.

88. Doch' vengerskogo korolja Andreja II Marija v 1221 g. stala vtoroj zhenoj bolgarskogo carja Ivana II Asenja (v bolgarskikh istochnikah ona izvestna pod imenom Anna); Bele IV Marija (Anna) prihodilas' rodnoj sestroj; imja i pol umershego vmeste s nej rebenka neizvestny. Sm.: Bozhilov I. Familijata na Asenovci (1186-1460). Genealogija i neprografija. Sofija, 1985. S. 87, 104; Nikolov G. N. Vengry v Bolgarskom carstve v XIII - XIV vekah // Byzance et ses voisins: Mélanges à la mémoire de Gy. Moravcsik. Szeged, 1994. P. 78-79.

89. Georgij Akropolitae Opera / Rec. A. Heisenberg. Leipzig, 1903. Vol. I. P. 56.14-22. Russkij perevod sm.: Georgij Akropolit. Istorija / Per., vstup. st., komment. i prilozh. P. I. Zhavoronkova. SPb., 2005. Š. 73. Sm. takzhe: Dancheva-Vasileva A. B#lgarija i Latinskata imperija (1204 - 1261). Sofija, 1985. S. 139-142.

90. Dancheva-Vasileva A. Blgarija i Latinskata imperija... S. 142-144.

91. Cm.: Vetera monumenta historica Hungarum sacram illustrantia / Ed. A. Theiner. Romae, 1859. T. I (1216 - 1352). Nr. 283-286, 288, 294, 295, 297-299, 308. P. 159-162, 164-167, 170-171.

92. Latinski izvori za blgarskata istorija / Pod red. V. Gjuzev (i dr.). Sofija, 1981. T. 4. S. 80-81.

93. Sm.: Dimitrov Hr. Blgaro-ungarski otnoshenija prez srednovekovieto. Sofija, 1998. S. 142-144.

94. Regesta rerum stirpis Arpadianae critico-diplomatica. T. 1. Vol. I. Nr. 674. P. 204-205.

95. Sm.: Hendrickx B. Régestes des empereurs latins de Constantinople (1204-1261/72) // Byzantina. 1988. T. 14. Nr. 191, 207, 210.

96. Dancheva-Vasileva A. Blgarija i Latinskata imperija... S. 150.

97. Dimitrov Hr. B#lgaro-ungarski otnoshenija... S. 143-144.

98. Sm.: Cankova-Petkova G. Blgarija pri Asenevci. Sofija, 1978. S. 127; Pavlov Pl. B#lgarija, «Zlatnata orda» i kumanite // Vekove. 1989. T. 18. Kn. 2. S. 26.

99. Rogerii Carmen Miserabile / Ed. L. Juhász // Scriptores Rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum / Ed. E. Szentpétery. Budapestini, 1938. Vol. II. P. 553-554. Russkij perevod sm.: Magistr Rogerij. Gorestnaja pesn' o razorenii Vengerskogo korolevstva tatarami / Per. s latinskogo, vstup. stat'ja i komment. A. S. Dosaeva. SPb., 2012. S. 18-19.

100. Sm.: Rogerii Carmen Miserabile. P. 553-554; Matvej Parizhskij. Velikaja hronika // Matuzova V. I. Anglijskie Srednevekovye istochniki: teksty, perevod, kommentarij. M., 1979. S. 155; Albrici monachi Triumfontium Chronikon. - 1241. / Ed. P. Scheffer-Boichorst // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. Hannoverae, 1874. T. XXIII. P. 946; Chronica Andreae Danduli. P. 299; Continuatio Sacrucensis II. a. 1234-1266 / Ed. W. Wattenbach // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. Hannoverae, 1874. T. IX. P. 640.

101. Rogerii Carmen Miserabile. P. 561; Magistr Rogerij. Gorestnaja pesn' o razorenii Vengerskogo korolevstva tatarami. S. 27, 239.

102. Epistola fr. Juliani de bello Mongolorum / Pis'mo brata Juliana o mongol'skoj vojne / Publ. S. A. Anninskogo // Istoricheskij arhiv. M.; L., 1940. T. 3. S. 88-89.

103. Rogerii Carmen Miserabile. P. 566-568; Magistr Rogerij. Gorestnaja pesn' o razorenii Vengerskogo korolevstva tatarami. S. 33-36.

104. Sm.: Pavlov Pl. Kumanite v obshhestveno-politicheskija zhivot na srednovekovia Blgarija (1186 - nachaloto na XIV v.) // Istoricheski pregled. 1990. 36/7. S. 22.

105. Sm.: Maiorov A. V. Letopisnye izvestija ob oborone Chernigova ot mongolo-tatar v 1239 g. (Iz kommentarijev k Galicko-Volynskoj letopisi) // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury Instituta russkoj literatury (Pushkinskij Dom) RAN. SPb., 2009. T. 60. S. 311-326.

106. Sm.: Maiorov A. V. Povest' o nashestvii Batyja v Ipat'evskoj letopisi. Chast' pervaja // Rossica antiqua. 2012. № 1. S. 33-94; Ego zhe. Povest' o nashestvii Batyja v Ipat'evskoj letopisi. Chast' vtoraja // Rossica antiqua. 2012. № 2. S. 43-113.

107. Sm.: PSRL. M., 2000. T. 6. Vyp. 1. Stb. 299-301. SPb., 2002. T. 42. S. 115-116; M., 2000. T. 4. Ch. 1. S. 221-122.

108. Ivanov A. I. Istorija mongolov (Juan'-Shi) ob asah-alanah // Hristianskij Vostok. SPb., 1913. T. II. Vyp. 3. S. 283, 299; Žolotaja Orda v istochnikah. T. 3: Kitajskie i mongol'skie istochniki / Sost., per. i komment. R. P. Hrapachevskogo. M., 2009. S. 175, 242.
109. Rashid ad-Din. Sbornik letopisej. T. II / Per. s persidskogo Ju. P. Verhovskogo; pod red. I. P. Petrushevskogo. M.; L., 1960. S. 39.

Igor Barinov, Ivan Strelkov

The western frontier in Ukrainian and Russian views: between propaganda and politics (1914-1919)

1. Malahov V.S. Nacionalizm kak politicheskaja ideologija. M., 2010. S. 39.
2. The Ukraine. Handbook prepared under the Direction of the Historical Section of the Foreign Office. L., 1920. P. 54.
3. Himka J.-P. Galician Villagers and the Ukrainian National Movement in the Nineteenth Century. Edmonton, 1988. P. XXI, 1.
4. Gellner Je. Nacija i nacionalizm. M., 1991. S. 96.
5. Samostijna Ukraina. Vecljar, 1917. S. 4, 7-9, 23.
6. Doncov D. Suchasne politichne polozhene nacii. L'viv, 1913. S. 18.
7. Kupchanko G.I. Galichina i ei russki zhiteli. Vŭden', 1896. S. 36-38; Guttry A. von. Galizien. Land und Leute. München-Leipzig, 1916. S. 55; Pushkash A.I. Civilizacija ili varvarstvo. Zakarpat'e 1918-1945. M., 2006. S. 33.
8. Bachmann K. Ein Herd der Feindschaft gegen Russland. Galizien als Krisenherd in den Beziehungen der Donaumonarchie mit Russland (1907-1914). Wien-München, 2001. S. 30.
9. Manasein I. K voprosu ob ustanovlenii ideal'noj granicy na zapade Rossii. Doklad, pročitannyj v obshhem sobranii Galicko-russkogo blago-tvoritel'nogo obshhestva v S.-Peterburge 19 janvarja 1913 g. SPb., 1913. S. 5.
10. Tam zhe.
11. Gellner Je. Ukaz. soch. S.23; Hobsbaum Je. Nacija i nacionalizm posle 1780 g. SPb., 1998. S. 33.
12. Podrobnее sm.: Korennye interesy Rossii glazami ee gosudarstvennyh dejatelej, diplomatov, voennyh i publicistov. SPb., 2004.
13. Bazarov P. Gosudarstvennaja granica. Pg., 1917. S. 9.
14. Bahturina A.Ju. Okrainy Rossijskoj imperii: gosudarstvennoe upravlenie i nacional'naja politika v gody Pervoj mirovoj vojny (1914-1917 gg.). M., 2004. S. 118-119.
15. Tam zhe. S. 122.
16. Miller A.I. Imperija Romanovyh i nacionalizm. M., 2008. S. 38.
17. Kupchanko G.I. Ukaz. soch. S. 19, 31.
18. Ronge M. Razvedka i kontrrazvedka. M., 1939. S. 52.
19. Bahturina A.Ju. Okrainy Rossijskoj imperii: gosudarstvennoe upravlenie i nacional'naja politika v gody Pervoj mirovoj vojny (1914-1917 gg.). S. 123.
20. Bahturina A.Ju. Politika Rossii v Vostochnoj Galicii v gody Pervoj mirovoj vojny. M., 2000. S. 60.
22. Pashaeva N.M. Galicija pod vlast'ju Avstrii v russkoj i sovetskoj istoricheskoj literature (1772-1918 gg.). URL: <http://ukrstor.com/ukrstor/pashaeva-galiziawrussovlit.html> (data obrashhenija: 11.05.2013).
22. Podrobnее sm.: Kuzelja Z. Z kul'turnogo zhittja Ukraïni. Zal'cvedel', 1918. S. 18.
23. Metelik. Ch. 1 (1916). S. 4.
24. Ostwald P. Die Ukraine und die ukrainische Bewegung. Essen, 1916. S. 8.
25. Astashov A.B. Propaganda na Russkom fronte v gody Pervoj mirovoj vojny. M., 2012. S. 10-11
26. Tarnovich Ju. Iljustrovana istorija Lemkivshhini. L'viv, 1936. S. 248.
27. Bahturina A.Ju. Politika Rossijskoj imperii v Vostochnoj Galicii v gody Pervoj mirovoj vojny. M., 2000. S. 58.
28. Astashov A.B. Ukaz. soch. S. 10-11.
29. Tam zhe. S. 11.
30. Taylor A.J.P. The Habsburg monarchy, 1815-1918. London, 1942. P. 16.
31. Galichina, Bukovina, Ugorskaja Rus'. M., 1915. S. 11.
32. Astashov A.B. Ukaz. soch. S. 14.
33. Rudnyzkyj S. Ukraina und die Ukrainer. Berlin, 1915. S. 4-5.
34. Kessler O. Die Ukraine. Beiträge zur Geschichte, Kultur und Volkswirtschaft. München, 1916.
35. Bukovina. № 2-3 (1918). S. 5.
36. Mihutina I.V. Ukrainskij Brestskij mir. M., 2007. S. 158.
37. Tam zhe. S. 159.
38. Skljarov S.A. Pol'sko-ukrainskij territorial'nyj spor i velikie derzhavy v 1918-1919 gg. URL: <http://www.hist.msu.ru/labs/UkrBel/sklarov.htm> (data obrashhenija: 11.05.2013).
39. Mihajlovskij G.N. Zapiski. T. 1. M., 1993. S. 486.

40. Tam zhe.
41. Doroshenko D. History of Ukraine 1917-1923. Vol. 2. Winnipeg, 1974. P. 21, 29.
42. Vistnik politiki, literaturi i zhittja. Ch. 39 (1918). S. 529.
43. The Ukrainians and the war // The Ukrainian Problems. № 1. Vienna, 1919. P. 4.
44. Reitlinger G. The House Built on Sand. The Conflicts of Germany Policy in Russia, 1939-1945. L., 1960. P. 161.
45. Kateryniuk P. Bericht über die ukrainische Aufklärungsarbeit im Lager Rastatt (vom Mai 1915 – Ende Juli 1917). Rastatt, [1917]. S. 8.
46. Pushkash A.I. Ukaz. soch. S. 26.
47. Tam zhe. S. 34.
48. Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii (AVPRI). F. 257. Op. 556. D. 56. L. 7.
49. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). F. R-3439. Op. 1. D. 7. L. 10.
50. AVPRI. F. 257. Op. 556. D. 56. L. 8.
51. Tam zhe. L. 8.
52. Tam zhe. L. 4.
53. Tam zhe. L. 5.
54. Pushkash A.I. Ukaz. soch. S. 31.
55. Why is War carried on in East Galicia between the Ukrainians and the Poles? // The Ukrainian Problems. № 2. Vienna, 1919. P. 1.
56. Ukraina. Hrsg. von Heinrich Lanz. Berlin, 1918. S. 28.
57. Ukrainische Nachrichten. № 16 (1915). S. 6.
58. Why is War carried on in East Galicia between the Ukrainians and the Poles? // The Ukrainian Problems. № 2. P. 2.
59. GARF. F. R-5936. Op. 1. D. 191. L. 3.
60. Ukraine. A monthly review of Ukrainian affairs and the problems of Eastern Europe. Vol 1. № 1 (1918). P. 25; Gassenko G. von. Ist Cholmland polnisch oder ukrainisch? Lausanne, 1918. S. 5.
61. GARF. F. R-5936. Op. 1. D. 187. L. 6.
62. Tam zhe. F. R-454. Op. 1. D. 15. L. 30.
63. Les deliberations du Conseil des quatre. V. 2. Paris, 1955. P. 7.
64. La Paix de Versailles. Les questions Territoriales: Tchecoslovaquie. Pologne. Ukraine. Roumanie. Yougoslavie. Paris, 1939. P. 265-275.
65. Les deliberations du Conseil des quatre. V. 2. P. 7.
66. Pushkash A.I. Ukaz. soch. S. 30.
67. Tam zhe. S. 37-38.
68. Tam zhe. S. 51.
69. Tam zhe. S. 36.
70. GARF. F. R-200. Op. 1. D. 369. L. 152.

Sergey Sulyak

Multithnic Moldavia (according to toponymic and anthroponymic information)

1. Polevoj L.L. Ocherki istoricheskoy geografii Moldavii XIII-XV vv. Kishinev, 1979. S. 111; Sulyak S.G. Moldavskaja Rus' (k 650-letiju obrazovanija moldavskoj gosudarstvennosti) // Rusin. Mezhdunarodnyj istoricheskij zhurnal / Otv. red. S.G. Sulyak. 2010. 2 (20). S. 12.
2. Mohov N.A. Moldavija jepohi feodalizma (ot drevnejshih vremen do nachala XIX veka). Kishinev, 1964. S. 104; Sulyak S.G. Oskolki Svjatoj Rusi. Ocherki jetnicheskoy istorii rusnakov Moldavii. Kishinev, 2004. S. 69-72.
3. Letopisețul Țării Moldovei. Chișinău, 1990. P. 28.
4. Costin M. Opere. București, 1958. P. 233.
5. Polevoj L.L. Ukaz. soch. S. 112.
6. Mohov N.A. Ukaz soch. S. 360.
7. Polevoj L.L. Ukaz soch. 113.
8. Moldavane: ocherki istorii, jetnografii, iskusstvovedenija / Otv. redaktor Ja.S. Grosul. Kishinev, 1977. S. 207.
9. Sulyak S.G. Oskolki Svjatoj Rusi. S. 78.
10. Zelenchuk V.S. Naselenie Bessarabii i Podnestrov'ja v XIX v. (Jetnicheskije i social'no-demograficheskie processy). Kishinev, 1979. S. 234-237; Mohov N.A. Ocherki istorii formirovanija moldavskogo naroda. Kishinev, 1978. S. 91; Sulyak S.G. Oskolki Svjatoj Rusi. S. 79.
11. Kochubinskij A.A. Chastnye moldavskie izdanija dlja russkoj shkoly (bibliograficheskie zametki) // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija. Chast' CCCXXXVII. 1903. Ijun'. S. 396; Jacimirskij A.I. Jazyk slavjanskih gramot moldavskogo proishozhdenija // Stat'i po slavyanovedeniju. Vyp. 3 / Pod red. V.I. Lamanskogo. Spb., 1910. S. 154; Panaitescu Petre P. Istoria Românilor. Chișinău, 1991. R. 117; Sulyak S.G. Moldavskaja Rus' (k 650-letiju obrazovanija moldavskoj gosudarstvennosti). S. 14; Ego zhe. Russkij jazyk v Moldavii // Rusin. Mezhdunarodnyj istoricheskij zhurnal / Otv. red. S.G. Sulyak. 2010. 3 (21). S. 97.

3. Vot osnovnye iz njih: Sedov V.V. Formirovanie slavjanskogo naselenija Srednego Podneprov'ja // SA. 1972. № 4; Ego zhe. Rannij period slavjanskogo etnogeneza; Ego zhe. Slavjane i irancy v drevnosti // VIII Mezhdunarodnyj sezd slavistov. Doklady soverskogo delegacii. IKJeFSN. M., 1978; Ego zhe. Slavjane i kel'ty (po dannym arheologii) // IX Mezh-

dunarodnyj sezd slavistov. Doklady sovetskoj delegacii. IKJeFSN. M., 1983; Ego zhe. Anty // Jetnosocial'naja i politicheskaja struktura rannefeodal'nyh slavyanskich gosudarstv i narodnostej. M., 1987; Ego zhe. Stanovlenie i jetnogenez slavian (po dannym arheologii i gidronimii) // XI Mezhdunarodnyj sezd slavistov. Doklady Rossijskoj delegacii. IKJeFSN. M., 1993; Ego zhe. Jetnogenez slavian po arheologicheskim dannym // Slavyanskaja arheologija. Jetnogenez, rasselenie i duhovnaja kul'tura slavian. Materialy po arheologii Rossii. Vyp. I. M., 1993; Ego zhe. Proishozhdenie slavian i mestonahozhdenie ih praro-diny. Rasselenie slavian v V-VII vv. // Ocherki istorii kul'tury slavian. M., 1996; Ego zhe. Jetnogenez slavian v drevnosti i nachale srednevekov'ja // Trudy VI Mezhdunarodnogo kongressa slavyanskoi arheologii. T. I. Problemy slavyanskoi arheologii. M., 1997; Ego zhe. Slavyanskij mir nakanune raspada jazykovoj obshhnosti // XII Mezhdunarodnyj sezd slavistov. Doklady Rossijskoj delegacii. Slavyanskije literatury, kul'tura i fol'klor slavyanskich narodov. M., 1998; Ego zhe. Slavyane v rimskoe vremja. Doklad dlja XIII Mezhdunarodnogo sezda slavistov (Slovenija, 2003). M., 2003; Ego zhe. Jetnogenez rannih slavian // Vestnik RAN. 2003. T. 73. № 7; Ego zhe. Pervoe chlenenie slavian na dve dialektnye oblasti // KSIA. 2004. Vyp. 217.

4. Krahe N. Sprache und Vorzeit. Heidelberg, 1954; Ego zhe. Die Struktur der alteuropaischen Hydronymie // Akademie der Wissenschaft und der Literatur. Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse. Bd. 5. Wiesbaden, 1962; Ego zhe. Unsere altesten Flussnamen. Wiesbaden, 1964.

5. Abaev V.I. Skifo-evropejskie izoglossy: na styke Vostoka i Zapada. M., 1956.

6. Trubachev O.N. Remeslennaja terminologija v slavyanskich jazykah. M., 1966.

7. Ego zhe. Jetnogenez i kul'tura drevnejshih slavian. Lingvisticheskie issledovanija. M., 2002.

8. Tam zhe. S. 18-35.

9. Petruhin V.Ja., Raevskij D.S. Ocherki istorii narodov Rossii v drevnosti i rannem srednevekov'e. M., 2004. S. 163.

10. Rusanova I.P. Slavyanskije drevnosti VI-VII vv. Kul'tura prazhskogo tipa. M., 1976. S. 213.

11. Tam zhe. S. 213-214.

12. Rusanova I.P. Slavyanskije drevnosti. S. 201-215; Ona zhe. Istoki slavyanskogo jazychestva: Kul'tovyje sooruzhenija Central'noj i Vostochnoj Evropy v I tys. do n.je. – I tys. n.je. Chernovcy, 2002. S. 70-98; Baran V.D., Kozak D.N., Terpilovskij R.V. Pohozhdenija slov'jan. K., 1991. S. 25-27; Baran V.D. Davni slov'jani. K., 1991; Kozak D.N. Venedi. K., 2008. S. 12.

13. Bernstejn S.B. Ocherk sravnitel'noj grammatiki slavyanskich jazykov. M., 1961. S. 34; Toporov V.N. K rekonstrukcii drevnejshogo sostojanija praslavyanskogo jazyka // Slavyanskoe jazykoznanie. X Mezhdunarodnyj sezd slavistov. Doklady sovetskoj delegacii. M., 1988. S. 264-292.

14. Martynov V.V. Slavyano-germanskoe leksicheskoe vzaimodejstvie drevnejshogo perioda. Minsk, 1963; Ego zhe. O nadjozhnosti primerov slavyano-germanskogo leksicheskogo vzaimoproniknovenija // Tipologija i vzaimodejstvie slavyanskich i germanskich jazykov. Minsk, 1969; Ego zhe. Jazyk v prostranstve i vremeni. K probleme glottogeneza slavian. M., 2004. S. 16-35.

15. Budilovich A.S. Pervobytnye slavyane po dannym leksikal'nym. Ch. I-II. Kiev, 1878-1882; Filin F.P. Obrazovanie jazyka vostochnyh slavian. M.; L., 1962. S. 110-123.

16. Filin F.P. Obrazovanie jazyka vostochnyh slavian. S. 101-103.

17. Rusanova I.P. Slavyanskije drevnosti. S. 201-215; Ee zhe. Istoki slavyanskogo jazychestva. S. 70-98.

18. Martynov V.V. K lingvisticheskomu obosnovaniju gipotezy o Vislo-Oderskoj prarodine slavian // VJa. 1961. № 3; Ego zhe. Lingvisticheskie metody obosnovanija gipotezy o Vislo-Oderskoj prarodine slavian. Minsk, 1963; Ego zhe. Jetnogenez slavian. Mova i mif. Minsk, 1993; Ego zhe. Prarodina slavian. Lingvisticheskaja verifikacija. Minsk, 1998.

19. Rostafinski J. O pierwotnych siedzibach i gospodarstwie Słowian w przedhistorycznych czasach // SAU. XII. 1908. S. 6-25.

20. Shhukin M.B. Rozhdenie slavian // Stratum. Struktury i katastrofy. SPb., 1997.

21. Shhukin M.B. O treh putjah arheologicheskogo poiska predkov ranne-istoricheskich slavian. Perspektivy tret'ego puti // ASGJe. 1978. Vyp. 28; Ego zhe. Sem' mirov drevnej Evropy i problemy jetnogeneza slavian // Slavyane: jetnogenez i jetnicheskaja istorija. L., 1989; Ego zhe. Rozhdenie slavian.

22. Machinskij D.A. Migracija slavian v I tysjačeleťii n.je. (po pis'mennym istočnikam s privilecheniem dannyh arheologii) // Formirovanie rannefeodal'nyh slavyanskich narodnostej. M., 1981; Ego zhe. Nekotoryje predposylki, dvizhushhie sily i istoricheskij kontekst slozhenija russkogo gosudarstva v seredine VIII – seredine XI v. // TGJe. 2009. T. 49. S. 472-483; Lebedev G.S. Arheologo-lingvisticheskaja gipoteza slavyanskogo jetnogeneza // Slavyane: jetnogenez i jetnicheskaja istorija.

23. Tret'jakov P.N. Finno-ugry, balty i slavyane na Dnepr'e i Volge. M.; L., 1966. S. 113-189; Sedov V.V. Slavyane Verhnego Podneprov'ja i Podvin'ja. M., 1970. S. 11-36.

24. Rusanova I.P. Zakljuchenie // Slavyane i ih sosedi v konce I tys. do n.je. – pervoj polovine I tys. n.je. M., 1993. S. 195.

25. Egorejchenko A.A. Kul'tury shtrihoval'noj keramiki. Minsk, 2006. S. 116.

26. Tam zhe.
27. Sedov V.V. Proishozhdenie i rannaja istorija slavian. S. 53-74; Ego zhe. Slavjane v drevnosti. S. 166-200; Ego zhe. Slavjane. S. 97-125.
28. Rusanova I.P. Slavjanske drevnosti. S. 201-215; Ee zhe. Komponenty pshevorskoj kul'tury // Tez. dokl. sovet'skoj delegacii na V Mezhdunarodnom kongresse slavjanskoj arheologii. M., 1985; Ee zhe. Komponenty pshevorskoj kul'tury // Trudy V Mezhdunarodnogo kongressa arheologov-slavistov. Kiev. T. 4; Ee zhe. Jethnicheskij sostav nositelej pshevorskoj kul'tury // Ranneslavjanskij mir: materialy i issledovanija. Vyp. 1. M., 1990.
29. Toporov V.N., Trubachev O.N. Lingvisticheskij analiz gidronimov Verhnego Podneprov'ja. M., 1962; Sedov V.V. Slavjane Verhnego Podneprov'ja i Podvin'ja. S. 10-11.
30. Trubachev O.N. Jethnogenez i kul'tura drevnejshih slavian. S. 22.
31. Danilenko V.N. Slavjanske pamjatniki I tys. n.je. v bassejne Dnepra // KSIA AN USSR. 1955. Vyp. 4.
32. Tret'jakov P.N. Zarubineckaja kul'tura i podneprovskie slavjane // Sovetskaja arheologija. 1968. № 4.
33. Tret'jakov P.N. Finno-ugry, balty i slavjane na Dnepre i Volge; Ego zhe. U istokov drevnerusskoj narodnosti. L., 1970; Ego zhe. Po sledam drevnih slavjanskich plemion. L., 1982.
34. Gorjunov E.A. Rannie jetyapy istorii slavian Dneprovskogo levoberezh'ja. L., 1981; Terpilovskij R.V. Rannie slavjane Podesen'ja III-V vv. K., 1984; Ego zhe. Slavjane Podneprov'ja v pervoj polovine I tys. n.je. Ljublin, 2004; Oblomskij A.M., Terpilovskij R.V. Srednee Podneprov'e i Dneprovskoe levoberezh'e v I-II vv. n.je. M., 1991; Oblomskij A.M. Jethnicheskije processy na vodorazdele Dnepra i Dona v I-V vv. n.je. M.; Sumy, 1991; Ego zhe. Dneprovskoe lesostepnoe levoberezh'e v pozdnerimskoe i gunnskoe vremja (seredina III – pervaja polovina V v. n.je.). M., 2002; Slavjane i ih sosedj v konce I tys. do n.je. – pervoj polovine I tys. n.je. S. 20-52, 106-122; Vostochnaja Evropa v seredine I tys. n.je.: Kollektivnaja monografija / Otv. red. I.O. Gavrituhin, A.M. Oblomskij. M., 2007; Pamjatniki kievskoj kul'tury v lesostepnoj zone Rossii (III – nachalo V v. n.je.): Kollektivnaja monografija / Otv. red. A.M. Oblomskij. M., 2007; Pozdnezarubineckije pamjatniki na territorii Ukrainy (vtoraja polovina I – II v. n.je.) / Otv. red. A.M. Oblomskij; sostavitelj A.M. Oblomskij, R.V. Terpilovskij. M., 2010.
35. Arion O.V., Bashkatov Ju.Ju., Oblomskij A.M., Terpilovskij R.V. U istokov slavianstva (Vmesto zaključenija) // Pozdnezarubineckije pamjatniki na territorii Ukrainy. S. 110.
36. Bernštejn S.B. Očerki sravnitel'noj grammatiki slavjanskich jazykov. S. 94; Trubachev O.N. Jethnogenez i kul'tura drevnejshih slavian. S. 45-49; Martynov V.V. Jazyk v prostranstve i vremeni. S. 35-46.
37. Trubachev O.N. Rannie slavjanske jethnonimy – svideteli migracii slavian // Voprosy jazykoznanija. 1974. № 6. S. 57-58 i sl.
38. Rosen-Przeworska J. Tradysje celtyckie w obrzędowości protosłowian. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1964. S. 54-254.
39. Jamka R. Cmentarzysko w Kopykach (pow. Nizki) na tle okresu rzymskiego w Malopolsce Zachodniej // PA. 1933. T. V. Z. 1. S. 59-60.
40. Rusanova I.P. Jethnicheskij sostav nositelej pshevorskoj kul'tury. S. 135.
41. Sm., napr.: Magomedov B.V. Chernjahovskaja kul'tura. Problema jethnosa. Lublin, 2001. S. 125-126.
42. Oblomskij A.M., Terpilovskij R.V. Posejm'ja u latens'kij chas // Arheologija. 1994. № 3.
43. Kasparova K.V., Maksimov E.V. Kul'tura Pojaneshi-Lukashevka // Slavjane i ih sosedj v konce I tys. do n.je. – pervoj polovine I tys. n.je. S. 85-95.
44. Istoriografiju sm.: Pabol' L.D. Slavjanske drevnosti Belorussii (rannij jetyap zarubineckoj kul'tury). Minsk, 1971. S. 175-182; Maksimov E.V. Srednee Podneprov'e na rubezhe nashej jery. Kiev, 1972. S. 116-129; Ego zhe. Zarubineckaja kul'tura na territorii USSR. Kiev, 1982. S. 155-158.
45. Kuharenko Ju.V. K voprosu o proishozhdenii zarubineckoj kul'tury // SA. 1960. № 1.
46. Machinskij D.A. K voprosu o proishozhdenii zarubineckoj kul'tury // KSIIMK. 1960. Vyp. 107; Kasparova K.V. Zarubineckij mogil'nik Velemichi-II // ASGje. 1972. Vyp. 14. S. 66-67; Ee zhe. Novye materialy mogil'nika Otverzhichi i nekotorye voprosy odnositel'no hronologii zarubineckoj kul'tury Poles'ja // ASGje. 1976. Vyp. 17. S. 56-59; Ee zhe. Ne kotorye typy fibul zarubineckoj kul'tury (k voprosu o rannej dате i jugo-zapadnyh svjazzah) // Problemy arheologii. L., 1978. Vyp. 2; Egorejchenko A.A. Drevnejšie gorodishha Belorusskogo Poles'ja. Minsk, 1996. S. 70-73.
47. Tret'jakov P.N. Finno-ugry, balty i slavjane na Dnepre i Volge. S. 213-220; Maksimov E.V. Srednee Podneprov'e na rubezhe nashej jery. S. 116-129; Ego zhe. Zarubineckaja kul'tura na territorii USSR. S. 155-158; Ego zhe. Proishozhdenie i jethnicheskaja prinadlezhnost' zarubineckoj kul'tury // Slavjane i ih sosedj v konce I tys. do n.je. – pervoj polovine I tys. n.je. S. 36-39; Pachkova S.P. Uchast' miscevogo komponenta u formuvanni zarubineckoi kul'tury // Arheologija. 1999. № 2; Ona zhe. Zarubineckaja kul'tura i latenziirovannye kul'tury Evropy. K., 2006; Sedov V.V. Slavjane v drevnosti. S. 201-205; Ego zhe. Slavjane. S. 125-129.
48. Shhukin M.B. Na rubezhe jer. Opyt istoriko-arheologicheskoi rekonstrukcii političe-

skih sobytij III v. do n.je. – I v. n.je. v Vostochnoj i Central'noj Evrope. SPb., 1994. S. 107-119; Ego zhe. Gotskij put' (goty, Rim i chernjahovskaja kul'tura). SPb., 2005. S. 58-61; Eremenko V.E. «Kel'tskaja vual'» i zarubineckaja kul'tura. SPb., 1997.

49. Maksimov E.V. Proishozhdenie i jetnicheskaja prinaldlezhnost' zarubineckoj kul'tury. S. 38. Sm. takzhe: Maksimov E.V. Migracii v zhizni drevnih slavjan // Slavjane i Rus' (V zarubezhnoj istoriografii). K., 1990.

50. Pachkova S.P. Zarubineckaja kul'tura i latenzirovannye kul'tury Evropy.

51. Kasparova K.V. O fibulah zarubineckogo tipa // ASGJe. 1978. Vyp. 18; Ee zhe. Rol' jugo-zapadnyh svjazej v processe formirovanija zarubineckoj kul'tury // SA. 1981. № 2.

52. Trubachev O.N. Iz slavjano-iranskikh leksicheskikh otноshenij // Jetimologija. 1967. S. 20; Ego zhe. Jetnogenez i kul'tura drevnejshih slavjan. S. 51-52.

53. Toporov V.N. K frakijsko-baltijskim jazykovym paralleljam // Balkanskoe jazykoznanie. M., 1973; Trubachev O.N. Nazvanija rek Pravoberezhnoj Ukrainy. Slovoobrazovanie. Jetimologija. Jetnicheskaja interpretacija. M., 1968 (pokazano sosedstva frakijskikh i baltijskikh gidronimov); Ego zhe. Jetnogenez i kul'tura drevnejshih slavjan. S. 22-24.

54. Sedov V.V. Slavjane Verhnego Podneprov'ja i Podvin'ja. S. 46-47.

55. Tam zhe.

56. Tam zhe. S. 44-48.

57. Iordan. O proishozhdenii i dejanijah getov. M., 1960. S. 70.

58. Machinskij D.A. Rycar' poznania // Evropejskaja Sarmatija: Sbornik, posvjashhennyj Marku Borisovichu Shhukinu. SPb., 2011. S. 13-14.

59. Shhukin M.B., Machinskij D.A., Voronjatov S.V. Gotskij put', plodorodnejšie zemli Oium i vel'barksko-chernjahovskoe poselenie Lepesovka // Evropejskaja Sarmatija. S. 249-255.

60. Ob jetoj kul'turnoj gruppe sm.: Kozak D.N. Pshevors'ka kul'tura u Verhn'omu Podnistrov'i ta Zahidnomu Pobuzhzh'i. K., 1984; Ego zhe. Pshevorskaja kul'tura // Slavjane i ih sosedi v konce I tys. do n.je. – pervoj polovine I tys. n.je.; Ego zhe. Venedi.

61. Kozak D.N. Venedi. S. 211; Magomedov B.V. Chernjahovskaja kul'tura. Problema jetnosa. S. 125.

62. Jetimologicheskij slovar' slavjanskikh jazykov. Praslavjanskij leksicheskij fond. M., 1981. Vyp. 8. S. 240-242.

63. PSRL. T. I. Stb. 11-12; T. II. Stb. 9.

64. Petruhin V. Ja., Raevskij D. S. Ocherki istorii narodov Rossii. S. 178.

65. Sedov V.V. Formirovanie slavjanskogo naselenija Srednego Podneprov'ja; Ego zhe. Skifo-sarmatskie jelementy v pogrebal'nom obrjade chernjahovskoj kul'tury // Voprosy drevnej i srednevekovoj arheologii Vostochnoj Evropy. M., 1978; Ego zhe. Proishozhdenie i rannaja istorija slavjan. S. 78-100; Ego zhe. Slavjane v drevnosti. S. 233-286; Ego zhe. Slavjane. S. 150-198.

66. O nej sm.: Baran V.D. Chernjahivska kul'tura (za materialami Verhn'o-go Dnistra ta Zahidnogo Bugu). K., 1981.

67. Magomedov B.V. Chernjahovskaja kul'tura. Problema jetnosa. S. 124-129.

68. Zaliznjak A.A. Problemy slavjano-iranskikh jazykovykh otноshenij drevnejshogo perioda // VSJa. 1962. Vyp. 6; Abaev V.I. Preverby i perfektivnost'. Ob odnoj skifo-sarmatskoj izoglosse // Problemy indoevropejskogo jazykoznanija. M., 1964; Ego zhe. Skifo-evropejskie izoglossy; Trubachev O.N. Iz istorii slavjano-iranskikh leksicheskikh otноshenij; Toporov V.N. Ob odnoj slavjano-iranskoj paralleli iz oblasti sintaksisa // KSIS. 1960. Vyp. 28; Ego zhe. Ob iranskom jelemente v russkoj duhovnoj kul'ture // Slavjanskij i baltijskij fol'klor. Rekonstrukcija drevnej slavjanskij duhovnoj kul'tury. M., 1989; Martynov V.V. Sakral'nyj mir «Slova o polku Igoreve» // Tam zhe; Vasil'ev M.A. Jazychestvo vostochnykh slavjan nakanune kreshhenija Rusi: religiozno-mifologicheskoe vzaimodejstvie s iranskim mirom. Jazycheskaja reforma Vladimir. M., 1999; Maiorov A.V. Velikaja Horvatija: Jetnogenez i rannaja istorija slavjan Prikarpat'skogo regiona. SPb., 2006. S. 102-117.

69. Filin F.P. Obrazovanie jazyka vostochnykh slavjan. S. 60.

70. Prihodnjuk O.M. Pen'kovskaja kul'tura. Kul'turno-hronologicheskij aspekt issledovanija. Voronezh, 1998. S. 72-73.

71. Shhukin M.B. O nekotoryh problemah chernjahovskoj kul'tury i proishozhdenija slavjan (po povodu statej Je.A. Rikmana, I.S. Vinokura, V.V. Sedova, I. Verner. S. 115-117.

72. Magomedov B.V. Chernjahovskaja kul'tura. Problema jetnosa. S. 115-117.

73. Galkina E.S. K voprosu o roli Velikoj Bulgarii v jetnopoliticheskoj istorii Vostochnoj Evropy // SSBP. 2011. № 1 (9).

74. Rusanova I.P. Slavjanskije drevnosti. S. 202-215.

75. Baran V.D. Obshhie cherty kul'tur rimskogo i rannesrednevekovogo vremeni na territorii Severnogo Prikarpat'ja i Jugo-Zapadnoj Volyni // Tez. dokl. sovet'skoj delegacii na Mezhdunarodnom kongresse slavjanskij arheologii v Varshave. M., 1965; Ego zhe. Chernjahivska kul'tura; Ego zhe. Slozhenie slavjanskij rannesrednevekovoj kul'tury i problema rasselenija

slavjan // Slavjane na Dnestre i Dunae. K., 1983; Ego zhe. Prazhskaja kul'tura Podnestrov'ja (po materialam poselenija u s. Rashkov). K., 1988; Baran V.D., Gopkalo O.V. Chernjahivsk'i poselennja bassejnu Niloj Lipi. K., 2005.

76. Trubachev O.N. Jetnogenez i kul'tura drevnejshih slavjan. S. 93-94.

77. Rusanova I.P. Slavjanskije drevnosti. S. 207.

78. Tam zhe.

79. Sm. takzhe: Zhiih M.I. K voprosu ob jetnicheskoj prinadlezhnosti krivichej. URL: <http://suzhdenia.ruspole.info/node/3405> (data obrashhenija: 4.05.2013).

80. Gavrituhin I.O. Hronologija prazhskoj kul'tury // Trudy VI Mezhdunarodnogo kongressa slavjanskoj arheologii. T. 3. Jetnogenez i jetnokul'turnye kontakty slavjan. M., 1997; Ego zhe. Nachalo velikogo slavjanskogo rasselenija na jug i zapad // AS. 2000. T. 1; Ponjatje prazhskoj kul'tury // TGJe. T. 49.

81. Sm., napr.: Gavrituhin I.O. Ponjatje prazhskoj kul'tury. S. 15.

82. Sedov V.V. Sever Vostokbah-Evropejskoj ravniny v period pereselenija narodov i v ran-nem srednevekov'e (predystorija severnovelikorusov) // KSIA. 2005. Vyp. 218. S. 19. Ris. 2.

Vladimir Vasilik

Eschatological References in the Galician-Volynian Chronicle

1. Sm., v chastnosti: Aleksejev A.I. Pod znakom konca vremen. Ocherki russkoj religio-oznosti konca XIV-nachala XVI v. SPb, 2002. Ego zhe. Religioznye dvizhenija na Rusi posled-nej chetverti XIV-nachala XVI v. M., 2012. S. 398-415 (s polnoj bibliografiej voprosa).

2. Polnuju bibliografiju sm.: Galicko-Volynskaja letopis'. SPb., 2005. S. 412-421 (dalee - GVL, stranica, zatem, v skobkah, nomer stolbca po Ipat'evskoj letopisi). Iz bolee pozdnih rabot sm., v chastnosti: Maiorov A.V. Iz istorii russko-vizantijskih dinasticheskikh svjazej: doch' imperatora Isaaka II v Galicko-Volynskoj Rusi // Istoria rossijsko-grecheskikh otnoshenij i perspektivy razvitiia v XXI veke. Vtoroj Rossijsko-Grecheskij forum grazhdanskikh obshhestv. Materialy konferencii. M., 2010. S. 42-46 (0,5 a.l.); Ego zhe. Neizvestnyj fakt bio-grafii Daniila Galickogo // Rossica antiqua. 2010. № 2. S. 140-148; Ego zhe. Daniil Galickij i nachalo formirovaniia kul'ta sv. Daniila Stolpnika u Rjurikovichev // Drevnjaja Rus': voprosy medievistiki. 2011. № 4 (46). S. 32-51. Ego zhe. Apostol'skij prestol i Nikejskaja imperija vo vneshnej politike Daniila Galickogo // Rossica antiqua. 2011. № 1 (3). S. 60-99. Ego zhe. Koronacija Daniila Galickogo: Nikeja i Rim vo vneshnej politike galicko-volynskikh knjazej // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2011. № 1 (9). S. 143-156. Ego zhe. Prusskij vopros vo vneshnej politike Daniila Galickogo // Rossica antiqua. 2011. № 2 (4). S. 102-119.

3. Mil'kov V.V. Osmyslenie istorii v Drevnej Rusi. M., 2000.

4. Galicko-Volynskaja letopis'. S. 80.

5. Sm.: Dmitriev L.A. Timofej knizhnik. Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi. L., 1989. S. 330.

6. An extended commentary. Irinej Lionskij. Protiv erezej. M., 1998. S. 530. Sudja po Iz-borniku 1073 g., sochinenie Irineja bylo izvestno na Rusi.

7. Sm.: Grushevs'kij M.S. Hronol'ogija podij Galic'ko-Volynsk'oi litopisi // ZNTSh. Lviv. 1901. T. 41. S. 117. Sm. takzhe kommentarij N.F. Kotljara v ego izdanii. Galicko-Volynskaja letopis'. S. 207.

8. Galicko-Volynskaja letopis'. S. 87.

9. Svjashh. Vladimir Shmalij, Kazarjan A. Antihrist. Pravoslavnaia jenciklopedija. T. 3 S. 562-581; Makarij. Pravoslavno-dogmaticheskoe bogoslovie. M., 1900. T. 2. S. 615-619; Sil'vestr [Malevanskij], ep. Bogoslovie. T. 5. Ch. 2. S. 323-338; Beljaev A.D. O bezbozhii i antihriste: Sergiej Posad, 1898. M., 1996. Ch. 1. S. 452-472; Uchenie ob antihriste v drevnosti i srednevekov'e. SPb., 2000.

10. Galicko-Volynskaja letopis'. S. 116.

11. Galicko-Volynskaja letopis'. S. 146.

12. Svjashh. Vladimir Shmalij, Kazarjan A. Antihrist. Pravoslavnaia jenciklopedija. T. 3. S. 567.

13. An extended commentary. Sm.: Sv. Ioann Zlatoust. Tolkovanie na poslanie k Fessa-lonikijsam. 4.

14. Oraculae Sybillina. VIII.

15. Victorinus Petaviensis. Commentarius in Apocalypsim. XIII 3.

16. Fokin A.R. Latinskaja patrologija. M., 2005. S. 253-254.

17. Lactantius. De mortibus persecutorum. 2

18. Augustinus. De civitate Dei. XX 19.

19. Galicko-Volynskaja letopis'. S. 89.

20. Chingizakonova mechtanija. Vol'no ili nevol'no, no avtor dopuskaet zdes' svoeo-braznyj kalambur, pereosmysljaja imja Chingiz-han kak Chingi-zakon.

21. An extended commentary. Plano Karpini. Istoria mongolov. Vil'gel'm Pubpuk. Putesh-estvie v vostochnye strany. Perv. A.I. Maleina, SPb., 1911. S. 7.

22. An extended commentary. Sm.: Marko Polo. Kniga o raznoobrazii mira. M., 1997. S. 124.

23. Ippolit Rimskij. O Hriste i antihriste. 6.
24. Galicko-Volynskaja letopis'. S. 91.
25. An extended commentary. Galicko-Volynskaja letopis'. S. 113. An extended commentary. Dan. 3, 17-19. An extended commentary. Sm. nizhe.
26. Galicko-Volynskaja letopis'. S. 143.
27. An extended commentary. Galicko-Volynskaja letopis'. S. 324-325.
28. Tam zhe. S.157.
29. Tam zhe. S. 117.
30. An extended commentary. Sm.: Vasilik V.V. Obraz Russkoj Zemli v Galicko-Volynskoj letopisi // Rusin. Mezhdunarodnyj istoricheskij zhurnal / Otv. red. S.G. Sulyak. 2009. №4. S. 38-49. Ego zhe. Obraz Novogo Ierusalima v Galicko-Volynskoj letopisi (v pechati).
32. Galicko-Volynskaja letopis'. S.118-119.
33. Tremp E. Das Jahr Tausend. in der Europaeischen Geschichte: Endszeitangst, oder Neubeginn? // Apokalypse oder Goldenes Zeitalter? Zeitenwenden aus historischer Sicht / Herausgegeben von Walter Koller. Zuerich, 1999. S. 90.
34. Obraz Novogo Ierusalima v Galicko-Volynskoj letopisi (v pechati).
35. An extended commentary.

Aleksandr Kojlianko

Penetration of Catholicism in Bukovina and its effect on family-calendar rites of the population of Bukovina

1. Shboev N. Imperator Iosif II i ego vostochnaja politika. M., 1884.
2. Mordvinov V. Pravoslavnaia cerkov' na Bukovine. SPb., 1874.
3. Sokolov P.S. Cerkovnaia reforma imperatora Iosifa II. Popytka cerkovno-istoriche-skogo issledovaniia iz istorii zapadnykh issledovanij. Saratov, 1892.
4. Mitrofanov P. Politicheskaja dejatel'nost' Iosifa II. Ego storonniki i ego vragi (1780-1790). SPb., 1907.
5. Bah M. Avstrija v pervuju polovinu XIX v. / Perevod s nemeckogo V. Bazarova. SPb., 1906. S. 49.
6. Zukowski O.M. Bukowina pod wsgledem topograficznym, statystycznym I historycznym ze bzezegolnem wsgledniem zimiotu polskiego. Czerniowce-Lwow, 1914.
7. Reli S. Inceputurile Catolicismului austriac în Bucovina. Cernăuți, 1928.
8. Reli S. Propaganda catolică austriacă importiva Bisericii ort. română din Bucovina. Cernăuți, 1928.
9. Reli S. Politica religioasă a Habsburgilor față de Biserica ortodoxă-română în secolul al XIX –lea. Cernăuți, 1928.
10. Onciulescu D. O încercare de catolicizare a Bucovinei. Cernăuți, 1939.
11. Kaindl R.F. Die Erwerbung der Bukowina durch Osterreich. Czernowitz, 1894.
12. Kaindl R.F. Geschichte der Bukowina. III Abschnitt. Die Bukowina unter der Herrschaft des Osterreichischen Kaiserhauses (seit 1774). Czernowitz, 1898.
13. Starik V. Vid Saraeva do Parizha. Chernivci, 2009.
14. Tam zhe. S 9.
15. Wickenhauser F.A. Moldau oder Beitrage zur Geschicht der Moldau und Bukowina, IV. Czernowitz, 1891.
16. Polek J. Ausgewahlte. Capitel aus dem Gedenkbuche der romisch-katholik. Czernowitz, 1890.
17. Zieglaue F. Geschichte Bilder aus der Bukowina zur Zeit der Osterreichischen Militar verwaltung (zweite Bilderreihe. – Die Jahre 1780 und 1781). Czernowitz, 1897.
18. Die Osterreichisch-ungarische Monarchie in Wort und Bild. Bukowina. Wien, 1899, r. 68-60.
19. Tam zhe. S. 70.
20. Reli S. Politica religioasă a Habsburgilor față de Biserica ortodoxă-română în secolul al XIX-lea. R. 88.
21. Kaindl R.F. Geschichte der Bukowina. III Abschnitt. R. 31.
22. Botushans'kij V. Narisi z istorii pravoslavnoi cerkvi Bukovini. Chernivci, 2012. S. 39-40.
23. Kaindl R.F. Geschichte der Bukowina. III Abschnitt. R. 32.
24. Chernovickij oblastnoj gosudarstvennyj arhiv (ChOGA). F.3. Kraevoe upravlenie. Op. 1. D. 9013. S. 16-17.
25. Kaindl R.F. Geschichte der Bukowina. III Abschnitt. R. 35.
26. Tam zhe.
27. Tam zhe. S. 36.
28. Tam zhe. S. 37.
29. Tam zhe. S. 38-39.
30. Tam zhe. S. 39.
31. Central'nyj istoricheskij arhiv Ukrainy vo L'vove (CDIAU vo L'vove). F.146. Op. 7. D.

2051. L. 12.

32. Kupchanko G. Nasha rodina. Veden', 1875. S. 14-15.

33. Botushans'kij V. Ukaz. pracja. S. 40.

34. Pisannja Osipa Jurija Fed'kovicha. Pershe povne i kritichne vidannja. T.1. L'viv, 1902. S.606.

35. Materialy jetnograficheskij jekspedicii Chernovickogo nacional'nogo universiteta im. Jurija Fed'kovicha. 1982. T.2. S. 15.

36. Reli S. Politica religioasă a Habsburgilor fața de Biserică ortodoxă-română in secolul al XIX-lea. R. 62.

Vitaliy Ananyev

New Research about the History of the Relations between Rus' and Byzantium and Western Europe

1. Maiorov A.V. Rus', Vizantija i Zapadnaja Evropa. Iz istorii vneshnepolitieskikh i kul'turnyh svjazej XII-XIII vv. SPb., 2011.

2. Maiorov A. V. Galic'ko-volins'kij knjaz' Roman Mstislavich: volodar, vojn, diplomat. Bila Cerkva, 2011. T. 1-2.

3. Sm. takzhe: Maiorov A. V. Pohod Romana Mstislavicha 1205 goda: v Saksoniju ili v Pol'shu? // Voprosy istorii. 2008. № 11. S. 36-48.

4. Sm. takzhe: Maiorov A.V. Iz istorii vneshnej politiki Galicko-Volynskoj Rusi vremen Romana Mstislavicha // Drevnjaja Rus': voprosy medievistiki. 2008. № 4 (34). S. 78-96.

5. Maiorov A.V. Rasskaz V.N. Tatishheva o posol'stve Rimskogo papy k galicko-volynskomu knjazju Romanu Mstislavichu: proishozhdenie i atribucija // Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny. SPb., 2010. T. XXXI. S. 267-281.

6. Sm. takzhe: Maiorov A.V. Izvestija Dlugosha i Gustynskoj letopisi o poseshhenii vizantijskim imperatorom Alekseem III Galicha v 1204 godu // Prospects of the problems of the introduction of the medievalists. Sbornik nauchnyh statej v chest' 85-letija prof. V. A. Jakubskogo. SPb., 2009. S. 71-116.

7. Maiorov A. V. Rasskaz Nikity Honiata o rusko-vizantijskom voennom sojuze v nachale XIII veka // Russkie drevnosti. Sbornik nauchnyh statej. K 75-letiju prof. I. Ja. Frojanova. SPb., 2011. S. 164-181.

8. Sm. takzhe: Maiorov A. V. Malovidomi grec'ki dzherela z istorii rus'ko-vizantijs'kikh vidnosin pochatku XIII stolittja: tekst, pereklad, komentar // Zapiski Naukovogo tovaristva im. Shevchenka. L'viv, 2010. T. 260. Kn. 2. S. 243-248.

9. Sm. takzhe: Maiorov A.V. Doch' vizantijskogo imperatora Isaaka II v Galicko-Volynskoj Rusi: knjaginja i monahinja // Drevnjaja Rus': voprosy medievistiki. 2010. № 1 (39). S. 76-106.

10. Sm. takzhe: Maiorov A.V. Pechat' Evfrosinii Galickoj iz Novgoroda // Drevnjaja Rus': voprosy medievistiki. 2011. № 2 (44). S. 5-25.

11. Maiorov A.V. Vizantija, Pol'sha, Vengrija i Galicko-Volynskaja Rus': otkuda proishodit krest Manuila sobora Parizhskoj Bogomateri // Ukraïno-ugors'ki etjudi / Vidp. red. L. V. Voitovycz. Vip. 1. L'viv, 2010. S. 91-117.

12. Maiorov A.V. Drevnerusskoe rukopisnoe evangelie aprakos iz sobranija Gosudarstvennoj Tret'jakovskoj galerei: k voprosu o datirovke i atribucii // Voprosy muzeologii. 2010. № 1. S. 160-166.

13. Maiorov A.V. Daniil Galickij i nachalo formirovaniya kul'ta sv. Daniila Stolpnika u Rjurikovichej // Drevnjaja Rus': voprosy medievistiki. 2011. № 4 (46). S. 32-51.

14. Maiorov A.V. O proishozhdenii i simvolike imeni knjazja Iraklija Danilovicha // Voprosy istorii. 2011. № 3. S. 110-121.

15. Sm. takzhe: Maiorov A.V. Carskij titul galicko-volynskogo knjazja Romana Mstislavicha i ego potomkov // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2009. № 1-2. S. 250-262.

16. Sm. takzhe: Maiorov A. V. Mezhdju Novgorodom i Askalonom: iz istorii vneshnepolitieskikh i kul'turnyh svjazej russkikh knjazej so Svjatoj zemlej vo vtoroj polovine XII veka // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija: istorija i filologija. 2011. Vyp. 1. S. 10-18.

17. Sm. takzhe: Maiorov A.V. Vostochnohristianskie relikvii i ideja «perenosa imperii»: Vizantija, Balkany, Drevnjaja Rus' // Religiovedenie. Nauchno-teoreticheskij zhurnal. 2011. № 1. S. 17-24.

18. Maiorov A.V. Daniil Galickij i Fridrih Voinstvennyj: rusko-avstrijskie otnoshenija v seredine XIII v. // Voprosy istorii. 2011. № 7. S. 32-52.

19. Sm. takzhe: Maiorov A.V. Neizvestnyj fakt biografii Daniila Galickogo // Rossica antiqua. 2010. № 2. S. 140-148.

20. Maiorov A.V. Pervaja unija Rusi s Rimom // Voprosy istorii. 2012. № 4. S. 33-52.

21. Sm. takzhe: Maiorov A.V. Apostol'skij prestol i Nikejskaja imperija vo vneshnej politike Daniila Galickogo // Rossica antiqua. 2011. № 1 (3). S. 60-99.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ананьев Виталий Геннадьевич - кандидат исторических наук, старший преподаватель исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.
e-mail: journalrusyn@rambler.ru

Баринов Игорь Игоревич - аспирант исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.
e-mail: barinovnoble@gmail.com

Василик Владимир Владимирович - кандидат филологических наук, доцент кафедры истории славянских и балканских стран исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.
e-mail: fvasilik@mail.ru

Войтович Леонтий Викторович - доктор исторических наук, профессор, завкафедрой истории средних веков и византистики Львовского национального университета им. И. Франко, старший научный сотрудник Института украиноведения им. И. Крипьякевича НАН Украины.
e-mail: journalrusyn@rambler.ru

Жих Максим Иванович - аспирант исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.
e-mail: max-mors@mail.ru

Кожоляню Александр Георгиевич - кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии, античной и средневековой истории Черновицкого национального университета им. Ю. Федьковича
e-mail: alexkozholianko@gmail.com

Майоров Александр Вячеславович - доктор исторических наук, профессор, завкафедрой музееведения Санкт-Петербургского государственного университета.
e-mail: a.v.maiorov@gmail.com

Меркулов Всеволод Игоревич - кандидат исторических наук.
e-mail: jurnalrusyn@rambler.ru

Стрелков Иван Павлович - аспирант исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.
e-mail: mathist@mail.ru

Суляк Сергей Георгиевич - кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, государства и права Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, главный редактор международного исторического журнала «Русин».
e-mail: sergei_suleak@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vitaliy Ananyev - Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor of the Historical Faculty of the St. Petersburg State University.

e-mail: jurnalrusyn@rambler.ru

Igor Barinov - Graduate Student of Historical Faculty of Moscow State University.

e-mail: barinovnoble@gmail.com

Vladimir Vasilik - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Chair of Balkan and Slavonic Studies of the Historical Faculty of the St. Petersburg State University.

e-mail: fvasilik@mail.ru

Leontiy Voitovycz - Doctor of Historical Sciences, Professor of the Faculty of Medieval and Byzantine History at the I. Franko National University of Lviv, Senior Researcher of the I. Kripiakevich Institute of Ukrainian Studies of the National Academy of Studies of the Ukraine.

e-mail: jurnalrusyn@rambler.ru

Maksim Zhikh - Graduate Student of the Historical Faculty of the St. Petersburg State University.

e-mail: max-mors@mail.ru

Aleksandr Kojolianko - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Faculty of Ethnology, Ancient and Medieval History of the Fedkovich Natiional University of Chernovtsy.

e-mail: alexkozholianko@gmail

Aleksander Maiorov - Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Museology of the Historical Faculty of the St. Petersburg State University.

e-mail: a.v.maiorov@gmail.com

Vsevolod Merkulov - Candidate of Historical Sciences.

e-mail: jurnalrusyn@rambler.ru

Ivan Strelkov - Graduate Student of historical faculty of Moscow State University.

e-mail: mathist@mail.ru

Sergey Sulyak - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Faculty of Domestic History of the Institute of History, Statehood and Law at the State University of T. Shevchenko of Pridnestrovyie, Chief Eeditor of the International Historical Journal «Rusin».

e-mail: sergei_suleak@rambler.ru

SUMMARY

*Leontiy Voitovych***Rurik and the origins of the Rurikid dynasty: new insights to old discussion**

Longtime discussion on the origins of the Rurik dynasty demands to analyze such complicated sources as sagas in particular the "sagas of ancient times" which remain less studied. The analysis of these sources in the light of the history of Denmark, Norway and Sweden (the dynasties of these states were related to Rurikids) should bring us closer to the understanding of the Rurikids origins. The article attempts to solve that puzzle through the analysis of the sources, rejecting the emotional baggage of the Antinormannismus old and modern. The author utilizes the achievements of the European historeography.

Keywords: Rurik, Hafdan the Old, Eysteyn, Normans, Vikings, Varangians-Rus', Ladoga, Skeldungs.

*Vsevolod Merkulov***The Beginning of Rus' according to Germanic Sources (for scholarly problematic clarification)**

Medieval Germanic sources, including genealogy evidence, allow for the widening and specifying of the problematic study of the beginning period of Russian history. The introduction of them into scholarly circulation allows for other ways of looking at the question of the origin of Old Rus' statehood in the context of «Calling Upon the Vikings» and the «Origin of Prince Rurik». The attempt to come out on a new level of research with regard to the Russo-Viking question is undertaken in the article. A brief outline of perspective directions for further research is also attempted.

Keywords: Rurik, Varangians-Rus', Varangians, Varyags, Ancient Rus', The Beginning of Rus', German Sources, Meklenburg Genealogy, Russian Statehood.

*Alexander Maiorov***Daniel of Galicia and the «Prince of Tartar» before the invasion of Batu in South Russia**

The paper analyzes the information literacy of Hungarian King Bela IV on April 22, 1244 a meeting of Galicia-Volyn Prince Daniel Romanovich from the «Prince of tartar» on the eve of the invasion of Batu on South Russia. These data are compared with the news of Russian chronicles of Novgorod and Sofia (the first half of the fifteenth century) Dukes of reconciliation with the Tartars of South Russia in autumn 1239.

Keywords: the invasion of Batu Khan, Prince Daniel Romanovich, the Hungarian King Bela IV.

*Igor Barinov, Ivan Strelkov***The western frontier in Ukrainian and Russian views: between propaganda and politics 1914-1919**

The paper studies the views of Ukrainian and Russian intellectuals and politicians on the future accordingly of western borders of Ukraine and south-western provinces of Russia on the background of complicated transition from continental European empires to the new state entities. The article is based on a little-known publications and documents of the described period.

Keywords: Ukrainian, Russian, Russians, World War I.

Sergey Sulyak

Multiethnic Moldavia (according to toponymic and anthroponymic information)

In the beginning Moldavia was a multi-ethnic state. Along with the two basic ethnic groups, Moldavian and Rusin, Medieval Moldavia was comprised of Bulgarians, Armenians, Poles, Jews and others. Many place names are of non-Moldavian origin (Rusin, South Slavic, Tartar, Great Russian, Little Russian, etc.). Several of them are ethnotoponymic. Anthroponymic names also demonstrate the multinational composition of Moldavia. The Rusin-Vlach (Moldavian) synthesis led to many borrowings from Rusin material and spiritual culture. Many of the inhabitants of Moldavia, in the early centuries of its existence, were bilingual. Up to the 18th Century the Rusin (Western Rus') language was the official language of the Moldavian Princedom. Many of the minority groups blended into the Moldavian culture. Moldovanization continues today.

Keywords: Moldavia, Moldavians, Russians, Rusins, Ukrainians, Gagauz, Bulgarians, Rumanians, Russian.

Maksim Zhikh

Valentin Vasilyevich Sedov. The Life and Works of a Slavic Toiler. Part II. The Problem of Slavic Ethnogenesis in the Works of V.V. Sedov

In article views of the known archeologist and historian Slavist V.V. Sedov of a problem of Slavic ethnogenesis and early stages of history of Slavs are considered. They are compared with views of his colleagues and opponents, attempt to estimate V.V. Sedov contribution to development of the corresponding problems, to allocate that keeps relevance to this day in his constructions becomes.

Keywords: Slavic Studies, Valentin Vasilevich Sedov, Russian Archeologist and Historian.

Vladimir Vasilik

Eschatological References in the Galician-Volynian Chronicle

Eschatological themes in Galytch-Volynian Chronicle are not characterized with stress or pessimism. General attitude is eschatological optimism, based on faith in God's mercy and the help of saint protectors. One of the most important of them is Saint Archangel Michael who saved prince Daniel from death and idolatry during his travel to the Tatarian king Batu. At the same time this chronicle demonstrates a conviction in power of a Christian prince, who protects his Christian subjects from coming of Antichrist. There is a gallery of forerunners of Antichrist, such as Hungarian invaders - Benedictus, Filniy. Lithuanian prince Treuden also bears an image of Antichrist. As for Tatars, they are regarded rather as a whip of God, than forerunners of Antichrist.

Keywords: Eschatology, Apocalyptic, Old Russian mentality, Antichrist, Catastrophical thinking.

Aleksandr Kojolianko

Penetration of Catholicism in Bukovina and its effect on family-calendar rites of the population of Bukovina

The paper explores the process of penetration of Catholicism in eastern Slavic lands, particularly in Bukovina. Displaying population of Bukovina austrian-catholics, Protestants, relocation to the edge of the Uniates, harassment of the Orthodox clergy, the elimination of the Orthodox monasteries.

Keywords: Bukovina, religion, Catholicism, Orthodoxy, occupation, migration, religious reform.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русин

2013, № 1 (31)

Кишинев

Республиканская общественная ассоциация «Русь», 2013.
- 192 стр.

Республиканская общественная ассоциация «Русь»

MD 2001, Республика Молдова, г. Кишинев,
ул. М. Когэлничану, 24/1.

Телефон / факс: (373 22) 28-75-59.

E-mail: info@rusyn.md, journalrusyn@rambler.ru

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>

Подписано к печати 12.07.2013. Формат 60x84 ¹/₁₆.

Бумага офсет № 1.

Печать офсетная.

Гарнитура «PT Sans».

Тираж 850 экз.

Заказ 219.

Отпечатано в типографии АО «Реклама»:

г. Кишинев, ул. Александр чел Бун, 111.

**Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.
Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор.
При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.**

ФОНД РУССКИЙ МИР

В 2013 году международный исторический журнал «Русин» выпускается при поддержке Фонда «Русский мир»

Я СЧАСТНЫЙ – РУССКУ МАТЕРЬ МАЮ

Я счастливый – русску мать маю,
И ревный русин мой отец,
Я тым над все ея величаю,
Щом щиро русский молодец.

До русской песни моей пруди,
Аж скаче серденько мое,
Для русской славы мои труды,
Для русской веры сердце бье.

Сли даст мне Бог небесный веру
Голосити русским детям,
Сердце их, по Христа примеру,
Разъярю милости огнем.

А если бы Бог колись дал в руки
Справедливости мне вагу,
За правду закон без розлуки,
Враз с житьем моим полягу.

Житья дорогую былину
Плечати умом я готов,
За русскую житья годину,
З моего сердца дал бым кровь.

А если бы голос славы звенной
Закликал идти на врага,
Полечу в брань на гром огненный
За веру, отчизну, царя.

Источник: Катруся. Сборник стихотворений, песен, кантат, декламаций, смешных комических рассказов, поговорок и пословиц русских народных писателей, собранный Е.И. Дычкевич (Прилес). Посвящается просветителю Галицкой Руси протоиерею о. Ивану Григорьевичу Наумовичу. Нью-Йорк, 1948. С. 12.

